

**90-летию со дня
образования органов
ВЧК-ФСБ в Мелекессе-
Димитровграде
посвящается**

Артем Весёлый
(Кочуров),
первый руководитель
УЧК Мелекесского уезда.
Художник А.Юсташкин

НЕ СОВЕРШЕННО НЕ СЕКРЕТНО

Литературно-публицистический альманах

В номере:

- * «ФСБ от Ивана III» - документальный очерк о работе чекистов Мелекесса-Димитровграда
- * Новый приключенческий, научно-фантастический роман Александра НИКОНОВА «Ковчег острова Альмендралехо»
- * Армия генерала Власова и его «власовцы» формировались в Мелекессе - новые исторические факты!
- * Александр ОСИПОВ с рассказом «Дидактика» - о безнравственной атмосфере в образовании
- * Стихи В. МАНУХИНА, Е.ПАРФЕНОВОЙ, О. ГРИГОРЬЕВА
- * Ядовитая сатира Владимира ЗИНОВЬЕВА
- * «Мы вышли из хазар» - утверждает в краеведческих заметках Виктор СЫСУЕВ

НЕ СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Патриотический,
литературно-
публицистический
альманах

Литературно-публицистический альманах
Димитровградского писательского отделения Союза писателей России.
Издается с декабря 2008 года.

Издается при содействии, поддержке и прод патронажем депутата
димитровградской Городской Думы первого созыва М.Б.ВОРОНОВА,
Ульяновского регионального благотворительного общественного фонда
поддержки ветеранов и офицеров запаса КГБ, ФСБ. МВД - «ЭГИДА».

Шеф-редактор альманаха – член Союза писателей России
Александр НИКОНОВ.

В выпуске принимали участие:

Литературный редактор – член Союза писателей России В. ГОРДЕЕВ.

Художник – Г.ГЕНЕРАЛЕНКО.

Фотомастер – В.ЗИНОВЬЕВ.

Дизайн и компьютерная верстка – Т.БЕРЕНДЕЕВА.

ISBN – 5-85658-101-6

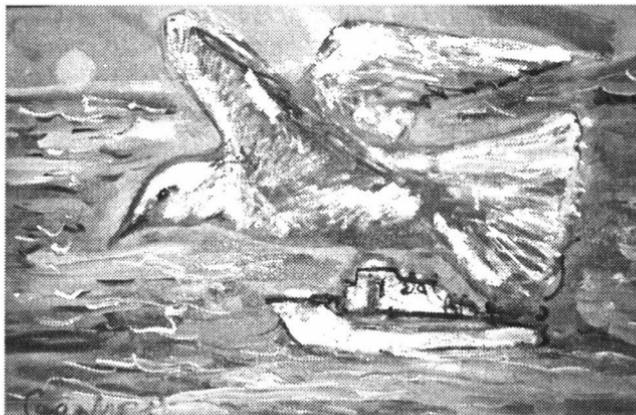
Лицензия: ЛР 030267 от 7.05.97г. Литфонда России.

Адрес редакции: 433512, Ульяновская обл., г. Димитровград,
пр. Ленина, д.30, оф.24.
Телефон: 3-37-44.

Произведения авторов альманаха публикуются на безгонорарной основе.
На договорной основе возможна публикация не заказанных редакцией
произведений самодельных авторов .

Выпуск отпечатан в Димитровградской типографии: 433510,
Ульяновская обл., г.Димитровград, ул. Юнг Северного флота, 107.

Подписано в печать 08.12.2008 г.   Формат 60х90/16.   Печ.л. 10,0
Печать офсетная.   Тираж 400 экз.   Заказ № 7922.
ЦЕНА СВОБОДНАЯ.

Геннадий Генераленко
«Морская птица с корабликом»

Состоявшееся свидание

Мы все ждали его почти четыре года. С тех самых пор, как неудобным и неудобным для городских властей оказался писательский, литературно-художественный и краеведческий журнал (один из первых в Поволжье) «Черемшан». И он был успешно умерщвлен. Без публичной трибуны в Димитровграде остались десятки профессиональных писателей, сотни литераторов, в том числе вся молодая писательская смена. Наш журнал мы пытались заменить неказистыми по виду роман-газетами «Большой Черемшан» и «Радуга Причеремшанья». Они, конечно, сделали свое дело в литературно голодающей провинции, но их удешевленный вариант не мог полностью удовлетворить ни литераторов и краеведов, ни наших взыскательных читателей.

В бурно развивающихся Димитровграде и в Мелекесском районе притормозился полноценный литературный прогресс. Парадокс, но в нашем технократическом крае, где всегда остро ощущалась нехватка профессиональных гуманитариев, открытие Димитровградского писательского отделения Союза писателей России, а затем и журнала «Черемшан», стало базой для развития творческой интеллигенции, объединения одаренных людей, притягательной силой для думающей молодежи. Затем, к сожалению, начался период безвременья, период

неприятия и непонимания творчества. Профессиональное творчество, подлинная литература, научный подход к исследованию исторического прошлого края сменились духовно дешевой самодеятельностью. В результате поражение было нанесено не только писателям, литераторам, краеведам, но и всем нашим читателям, всей творческой интеллигенции края.

Но, когда мы расставались со своими доброжелателями и друзьями на страницах журнала «Черемшан», словно предвидя будущее историческое перемены, и надеясь, что во власть придут люди разумные и творческие, мы сказали своим друзьям-читателям не «Прощайте», а с надеждой и уверенностью: «До скорого свидания!»

И вот это долгожданное свидание состоялось! Благодаря тому, что в Димитровграде вновь возродена ДУМА, а не кастрированный совковый горсовет. Благодаря тому, что городом избран руководить честный, наш мелекесский, добропорядочный и радеющий за творческое развитие края, образованный ГЛАВА Н.А.Горшенин. Благодаря великому и профессиональному пониманию бед и проблем писательских со стороны гласных депутатов нашей Думы. Их хозяйскому подходу ко всему, что работает на авторитет и развитие Димитровграда. Их умению радеть всему, что приносит пользу нашему общему делу, разрешать наболевшие проблемы радикально. И это радует.

Радует всю творческую интеллигенцию, всех литераторов, краеведов, читателей, ибо новый выход на публичную встречу, в новом публичном документе, в новый исторический период, с новыми произведениями и идеями, - обогатит не только нас, авторов, но и наших единомышленников, всех разумных жителей Причеремшанья.

Перед ВАМИ и НАМИ - новый выпуск литературно-публицистического альманаха «Совершенно НЕ секретно». Новый вид и тип литературного издания, продолжающий лучшие традиции нашего печатного органа - журнала «Черемшан», создает не только живую ауру во взаимодействии властей и творческой интеллигенции, но и всецело способствует развитию творческого начала и мысли в родном крае.

Наш писательский альманах - это исторический сдвиг в будущее, это - новый шаг в воссоздание литературно-исторического плана Причеремшанья. Со свиданием, ДРУЗЬЯ!

Есть Городская Дума! Будет чем думать?

В 1877 году Высочайшим указом государя Императора самодержца Российского нашему поселению Мелекесский завод был присвоен новый административный статус - Посад. Соответственно ему в Мелекесе были проведены выборы гласных депутатов в первую посадскую Думу, для административного управления была образована посадская Управа. На думском заседании в 1878 году был избран Глава посада - купец первой гильдии, сын старейшего жителя Мелекеса Григория Марковича Маркова - Константин Марков. Ныне с того памятного дня минуло ровно 130 лет! Первые 39 лет из них Главой посада бессменно был К.Г. Марков. В 1917-м лишь на несколько месяцев его сменил на этом посту бывший бухгалтер посадской Управы В.А.Голубев. Хотя к этому времени и Дума и Управа были распущены и заменены Комитетом народной власти...

Осенние выборы 2008 года городских депутатов в новый - с 1917 года - орган законодательной власти в Мелекесе-Димитровграде - городскую Думу - как бы воссоздали историческую преемственность поколений, верну нас на 130 лет назад. Как и тогда, гласные депутаты Думы избрали из своего состава самого авторитетного и достойного Николая Анатольевича Гршенина Главой Димитровграда.

Очень хочется надеяться, что новая команда единомышленников из партии «Единая Россия», почти целиком составившая коллектив законодательной власти во второй мелекесской и первой ГОРОДСКОЙ димитровградской Думе, сумеет так же достойно радеть о городском хозяйстве, экономике, социально-культурном развитии городского сообщества, как это делали на протяжении первых 39 лет наши предки.

Уже через год (1879 г.) в старом посаде Мелекес стараниями гласных были учреждены и заработали телеграф, связавший нас с губернским центром Самарой, Особая Нотариальная Контора А.Д.Ишеевского, еще через год - заложен Свято-Никольский храм, его посещали 2412 православных верующих мелекесцев, а при нем заработали церковно-приходская школа для 63 учащихся и церковная библиотека, общественная библиотека была создана и при посадской Управе. В 1882 году в посаде открыт Государственный Общественный банк, в 1892-м открыта первая линия Волго-Бугульминской железной дороги, а в Мелекесе сделан подъездной путь от станции Нижняя Часовня длиной в 86,3 версты. 105 лет назад в 1903-м в доме Соловьева на углу Большой и Щепной улиц (ныне - III Интернационала и Самарская) была открыта контора Самарского отделения американской фирмы по продаже и

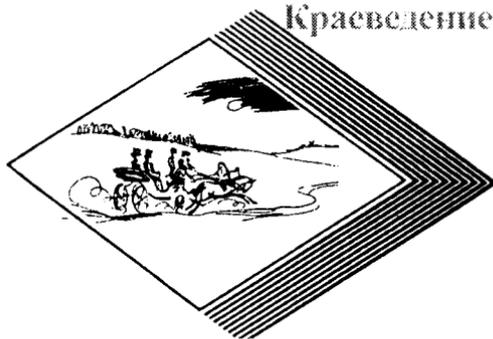
ремонт швейных машинок «Зингер», где могла обучаться молодежь и проходили выставки работ по художественной вышивке...

Этот прогресс в небольшом посаде Мелекесс мог бы продолжаться и далее, если бы не грянула кровопролитная война с Австро-Венгрией и Германией, затем известные революционные события, октябрьский переворот, устроенный большевиками. Все те исторические пережитки и катастрофы, что надолго прервали эру процветания Мелекесса и наших предков. И вот возвращение исторической справедливости состоялось с приобретением Димитровградом новой депутатской Думы первого созыва. Остается пожелать всем, составившим работоспособный коллектив думцев быть достойными преемниками своих предков, уметь, как они, не только «заседать» в отведенных им помещениях, но и продуктивно ДУМАТЬ о благополучии родного города, о каждом из своих избирателей, о решении всех насущных проблем.

С ИЗБРАНИЕМ ВАС,
ГОСПОДА ДЕПУТАТЫ-ЗЕМЛЯКИ:

БОГАТОВА Т.В.
ГРЕМЯЧКИН В.А.
ЕФАНОВА Л.Е.
ПЕТЕЛИН А.Л.
ВОРОНОВ М.Б.
ПОЛЯНИЧКО Н.П.
СУДАКОВ Е.Б.
ПАНИН И.Н.
ЮСУПОВ А.А.
ЗУЕВ С. А.
МИНЕЕВ С.В.
ЖОСС А.А.
СЕРДИТОВ В.А.
КОШАЕВ А.М.
ЖУКОВ М.А.
БАКАНОВ И.В.
КУЗМИН А.С.
ЕСИПЕНКО А.А.
РОЖКОВ М.Ю.
ТЕРЕХОВ А.П.
ГАЛИН В.Н.
ГОРШЕНИН Н.А.
ГАЛЛИУЛИН Х.Я.
ШУЛЬГА Е.П.
БОРИСОВ Б.Д.

7 января 2009 года Димитровградскому городскому отделу УФСБ по Ульяновской области исполняется 90 лет! Удивительно, но факт, что первым руководителем территориального органа ВЧК в нашем городе был назначен постановлением Бюро Самарского губкома РКП(б) (после снятия с должностей и суда над работниками временных фронтовых органов ВЧК) известный писатель и первый редактор уездной газеты в Мелекесе - Артем Веселый (Николай Иванович Кочуров). Именно этим событиям в истории Мелекесса-Димитровграда, работе наших сотрудников госбезопасности посвящается данный очерк.

ФСБ ведет начало от Ивана III

Государь Державный Великий князь Иван III Васильевич Глинский вступил на Московский престол в 1462 году, когда дело собирания Северо-Восточной Руси шло к завершению. Двадцатитрехлетний Государь был человеком крутого нрава, холодный, рассудительный, с черставым сердцем, властолюбивый, скрытный, чрезвычайно осторожный. Внешне он был красив: строен, высок, несколько сутуловат, прозвище имел - «Горбатый»...

За годы своего правления царь сумел мирно сосуществовать с Крымским ханом, дважды покорить непокорный Великий Новгород, покончить вражду с Золотой Ордой, мирно сосуществовать с Казанским царством. Россия Ивана «Горбатого», заслоненная от остального мира Ордою и Литвой, около трех веков до того находившаяся вне круга европейской политической жизни, вышла из сумрака теней. 43 года властвовал на Руси Иван III, при нем Русь территориально выросла с 400 тыс. кв. километров в 1462 году до - 2 миллионов кв. километров. Все эти военно-политические и территориальные победы, вкупе с дворцовыми интригами и заговорами, заставили Государя задуматься о создании государственной службы безопасности.

Из сопредельных с Русским государством стран особую активность в засылке к нам шпионов проявляли правители Тевтонского ордена, Литвы,

Турции, германские княжества, Швеция, Англия, Франция и Ватикан. В этих целях использовали послов, диппредставителей, резидентов, негласных агентов разведслужб. Наши недругов интересовало состояние русских вооруженных сил, политические настроения и экономика создаваемого Русского национального государства. Агенты действовали под различной личиной: дипломаты Поммериннинг и Пальмквист, шут князя московского тевонец Курка, английский капитан Ченслер, работники «Московской торговой компании, медика, математика и астролога Бомелии, даже подьячих...

Один из таких разведчиков Томас Смит сокрушался в своих донесениях: «Русский народ очень недоверчив и подозревает всех иностранцев, которые расспрашивают о политике или религии». Естественно, что Москве следовало отвечать недругам адекватно. Сначала царем был дан специальный наказ всем воеводам проводить контрразведывательные мероприятия на местах. Иностранные посольские организации тщательно охранялись русскими подразделениями и не только в целях их безопасности, сколько удержания иностранцев под надзором. Стрельцы Ивана III бдительно несли службу по охране военно-стратегических объектов, пограничных районов и крепостей. Были засекречены и закрыты для посещения дипломатами и иностранными купцами целые области в русском государстве, например Сибирь или юго-восточные районы, где проходили стратегические пути в Персию, Бухару, Хорезм, на Кавказ и в Индию. Велась перлюстрация почты. Затем вся федеральная служба безопасности начала концентрироваться в государственных Посольском и Разрядном приказах. Непосредственными исполнителями контрразведывательных мероприятий правительства на местах были приказные дяки, подьячие, толмачи, стрельцы, порубежные воеводы и порубежные сторожа. Русские постепенно осваивали и секреты разведки за рубежами государства. Так зарождалась российская служба безопасности.

В дальнейшем мы можем отметить успехи работников русских служб безопасности в период царствования Петра I, в связи с его знаменательными победами над врагами России. Особыми успехами в контрразведке и особым доверием царя отличались граф Толстой и князь Меншиков. Была учреждена Тайная канцелярия при сенате. Хорошо разбиралась в приемах разведработы Императрица Екатерина II, многое сделавшая для развития дела госбезопасности. Отмечается эффективная разведка, проводившаяся в русских интересах такими известными людьми, как Витковский, Бичурин, Пржевальский, Тургенев...

В начале XX века российская разведка (особенно военная) и контрразведка стали одними из самых мощных в мире. Их эффективность и полезность подтвердили действия в период Первой мировой войны. Так же эффективно действовали работники госбезопасности, состоявшие на службе при штабах генералов Корнилова, Деникина, Врангеля, адмирала Колчака в период гражданской войны. Большевицкое правительство с первых же дней своего правления также начало с создания мощных органов контрразведки, сохраняя при том лучшие кадры, служившие верой и правдой царю и Отечеству.

20 декабря 1917 года Всероссийский совет народных комиссаров принял

постановление об образовании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. По предложению В.Ленина ее председателем назначался известный профессионал-революционер, имевший богатый опыт борьбы с царской охранкой, нелегальной деятельности и организации самых беспощадных групп боевиков на территории Польши и Белоруссии - Феликс Эдмундович Дзержинский. Естественно, что начальная деятельность органов ВЧК и отбор в комиссию лучших и проверенных революцией кадров происходил в Петрограде и Москве, других центральных городах России, где позиции большевиков-ленинцев были безусловно сильны в новых властных структурах. Самарская и Симбирская губернии в силу некоторых причин находились в прифронтовой полосе. Здесь традиционно население всецело поддерживало партию социалистов-революционеров (эсеров) в силу их ориентации на крестьянство, максималистов и кадетов, которым импонировала интеллигенция и зажиточные слои общественности. Губернские исполнительные комитеты и советы депутатов, большинство уездных властных структур имели в своих составах большинство создателей этих партий, а большевикам приходилось довольствоваться созданием губкома РКП(б), а в Симбирске до апреля 1918 года был только губернский большевистский центр. Такое же положение было и в Мелекессе, входившем тогда в Самарскую губернию. Хотя Самарский губком под руководством В.Куйбышева, понимая необходимость борьбы с контрреволюцией и саботажем, еще в ноябре 1917 года создал праорган ВЧК - губернскую охрану революционного порядка, а ее руководителем был назначен прапорщик, а в будущем прославленный маршал Советского Союза В.К.Блюхер...

Считается, что настоящие органы ВЧК свою деятельность в Симбирске начали 21 апреля 1918 года, 90-летнюю дату их создания мы и отмечаем сегодня. Хотя исторически это не совсем точно. Потому что уже в начале мая 1918 года под неожиданным ударом взбунтовавшегося против власти большевиков чехословацкого корпуса, состоявшего из военнопленных австро-венгерской армии на территории России, пала советская власть в Пензе. 4 июня чехословаки взяли Самару и Ставрополь-на-Волге. Губернский и уездный центры во главе с В. Куйбышевым переместились в Мелекесс, который был взят 15 июля, вслед за нашим посадом пал и Симбирск, а бои переместились под Казань...

Естественно, что с мая по октябрь 1918 года на территории от Пензы и до Владивостока власть перешла к военному командованию ЧСК и гражданскому правительству разогнанного большевиками Учредительного собрания (Комуч). В Народной армии Комуча, состоявшей из солдат, офицеров и генералов царской армии были свои, как и у чехословаков, действенные органы контрразведки. А в гражданском правительстве было создано ведомство внутренних дел, которое возглавил, как и председательство в Комуче, видный политический деятель П. Климушкин.

Ленин и его соратники по ВСНК, понимая, что борьба перешла в военную плоскость, в начале мая принимают постановление сначала об учреждении военных округов и должностей комиссаров по военным делам, а в июле - создают чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Восточном фронте. Орган этих прифронтовых ЧК поручено возглавить «пра-

вой руке» председателя ВЧК Дзержинского - В.Я. Лацису. С 19 декабря 1918 года в составе ВЧК создан Республиканский Особый отдел - военная контрразведка, которую возглавил М.С.Кедров.

Говоря о работе чекистов в прифронтовой полосе в апреле-июне 1918 года, мы можем сослаться на строки из книги полковника В.Тимофеева «На незримом посту». Именно в этот период он работал разведчиком-нелегалом на территории занятой ЧСК и Народной армией Комуца. В Симбирске курсанта-разведчика принимали в штабе контрразведки, «расположенном в тупичке под раскидистыми вязами», лично руководители губкома Куйбышев и Шверник. «Это был небольшой деревянный особняк - заурядное жилье какой-то дворянской или чиновничьей семьи. Двор зарос бурьяном... Домик этот цел и сегодня в центре Ульяновска, - пишет Тимофеев и добавляет, - руководитель красной сети нелегалов Семенов наставлял меня недолго...» Интересно и замечание чекиста к тому, что ему сказал в своем наставлении Куйбышев: «У белогвардейцев там своя контрразведка, а у чехословаков - своя. И хотя находятся они в разных местах, но работают согласованно Белогвардейцы сохранили кадры опытных разведчиков царской армии и засылают их в наш тыл. А мы ничего не знаем...».

В июле 1918-го именно Тимофеев, бывший на «той стороне» в районе Бугульмы, первым узнал о прорыве на левом фланге Восточного фронта и движении белых отрядов на Мелекесс. Ему, рискуя жизнью, удалось пробиться к родному городу, найти здесь Куйбышева и передать эту важную информацию, тем самым спасти руководство Востфронта, губкома и укома партии и их семьи от верной смерти.

После осеннего наступления красных войск, 25 сентября советская власть вернулась в Симбирск. 7 октября - Самару. Но советская власть на местах, в уездах, ее представители, возвращавшиеся из Нижнего Новгорода, в том числе и в Мелекессе, смогли вернуться к исполнению своих обязанностей только после 15 октября 1918 года. Потому властные функции и контрразведывательную работу на нашей территории вели политические органы и прифронтовые чекисты. 9 октября, выступая на собрании актива советских и партийных работников В.Куйбышев прежде всего выдвинул жестокие лозунги, определяющие задачи местной власти: «Кто не работает - тот не ест!», «Среднее Половжье превратим в военный лагерь!»

Одним из тех, кому поручалось проводить эту политику, стал молодой чекист и фронтовой разведчик, боец 3-й Орловской бригады Красной гвардии Д.Н.Медведев, впоследствии легендарный герой, командир чекистского партизанско-диверсионного отряда на оккупированной гитлеровцами территории в период Второй мировой войны. А тогда, 19-летний паренек принимал участие в боях под Симбирском и Мелекессом, о чем упоминается в книге «Чекист». В областном УФСБ в комнате чекистской славы есть стенд, посвященный его подвигам.

Но не все были достойны такой чекистской славы. Тому пример и наш Мелекесс. В декабре 18-го в город прибыл молодой самарский коммунист, 20-летний Николай Кочкуров, впоследствии известный советский писатель Артем Веселый. Ему поручалось выпустить в уезде первую советскую газету. С первого дня выпуска в свет «Знамени коммунизма» (29 декабря), не-

примиримый к несправедливости молодой редактор, знавший жизнь людскую не понаслышке, а проводивший большую часть времени в деревнях и получающий письма от крестьян, повел неслыханную публичную борьбу против негодных методов работы против неграмотных, порой случайных в этой среде людей - прифронтовых чекистов. Множество мелекесцев было ими несправедливо арестовано. На месте составлялись неправовые расстрельные списки.

Артем Веселый не только предавал эти факты гласности на страницах газеты, он составил детальный доклад о безобразиях в Мелекесе в бюро губкома. 7 января 1919 года бюро заслушало доклад П.Звейнека о злоупотреблениях в Мелекесской уездной ЧК. Постановили: весь состав учека отдать под суд. Н.И.Кочкурова утвердить председателем Мелекесского укома партии и делегировать его в новый состав учека в качестве представителя партии. Это решение всецело поддержал и только что назначенный предгубчека М.Ф.Левитин.

Теперь можно с полной уверенностью говорить о том, что настоящие территориальные органы ВЧК у нас были образованы с 7 января 1919 года. А первым руководителем мелекесских чекистов до 29 марта был коммунист, боец и писатель Артем Веселый, погибший в тюрьме НКВД в 1938 году, как незаконно репрессированный...

5 августа М.Левитин был освобожден от обязанностей председателя губчека в связи с его отъездом в Сибирь на укрепление кадров в этом крае. Новым председателем был утвержден П.Г.Сидельников, а членами коллегии губчека - К.Ф.Левитин, И.М.Гайлис (Гайле) и Е.П.Картуков. В середине сентября с юга начались прорывы через линию фронта конных полков белого генерала Мамонтова, потому стал насущным вопрос о формировании в уездах на основе чекистских кадров ООНов (отрядов особого назначения) и в Мелекесе был создан «Штаб Красной охраны» ООНа...

Гибель в Германии известных немецких интернационалистов Карла Либкнехта и Розы Люксембург настолько потрясло жителей Самарской области, что целую неделю в городе и уездах шли митинги протестов, а мелекесские власти в память о Розе не нашли ничего лучшего, как самодеятельно переименовать наш город в Люксембург аж...на целый год, пока их не поправили из центра. А уже в мае 1919 года в Поволжье грянуло всекрестьянское Чапанное восстание. Истоки его во многом связаны и с беспределом продотрядов, разорением сел и деревень...

Из этого периода интересен факт, что в наши края на подавление восстания из Москвы был брошен особый сводный отряд ВЧК, под командованием друга и соратника Ленина - П.Смидовича. К этому времени чекисты России уже имели и свой печатный орган - еженедельную газету «Красный меч». В Нижегородской губернии по приказу Ленина были созданы первые концлагеря для «контриков» и несогласных граждан. А потом по Волге долгое время ходил теплоход «Яков Воробьев», названный в честь первого руководителя нижегородских чекистов и исполнителя ленинского решения. А вот заместитель его - К.Г.Хахарев с 1921 по 1924 год руководил Симбирской

губчека и ГПУ. Хотя одним из первых территориальных руководителей Симбирской губчека с февраля 1920 года был Н.П.Крумин. Первый был репрессирован в 1937-м, а Крумин дослужился до генконсула СССР в Гамбурге, работал в Наркомате юстиции СССР.

Если до июня 1918 года руководство ВЧК с гордостью рапортовало, что в России не ликвидирован ни один политический противник советской власти, то уже в июне всего было расстрелянных - 3817 человек. А Чапанное восстание было подавлено отрядами ВЧК и фронтовыми частями, погибших исчисляли десятками тысяч...

Еще в 1922 году, когда чекистам Ф.Дзержинского было поручено заниматься поимкой спекулянтов, восстановлением работы транспорта и промышленности, ликвидацией детской беспризорности, многими другими народно-хозяйственными проблемами, назрела необходимость отречься и от многих карательных функций, исполняемых ВЧК в предыдущие годы, комиссия переименовывает в Главное политическое управление при НКВД РСФСР (с 1923-го ОГПУ при СНК СССР). После создания Союза Советских Социалистических Республик ВЧК РСФСР как бы не несет ответственность за происходившее в новом союзном государстве, вплоть до нового российского суверенитета и создания АФБ Российской Федерации. Со дня смерти Ф.Э.Дзержинского в 1926 году, к его чекистской организации все более возвращаются карательные функции.

Работа органов госбезопасности при В.Менжинском, Г.Ягоде, Н.Ежове и Л.Берии осуждена, многие чекисты понесли наказание, произошло покаяние перед народом.

Конечно, были среди них и честные люди, те, кто не запятив своих рук и совести, высокопрофессионально исполняли свой долг, храня безопасность страны, обезвреживая агентов многих разведок западных и восточных стран, эффективно проводя разведдеятельность в интересах СССР. И, если бы не эти профессионалы, во время Великой Отечественной войны советские чекисты не смогли бы эффективно противостоять гитлеровским захватчикам...

Интересная история происходила и в нашей Куйбышевской области (Мелекес до 1943 года входил в ее состав) - в 1940-м начальником областного УНКВД назначается кмиссар первого ранга (генерал-полковник) Владимир Иванович Сысуюев. Он был из семьи сызранских дворян, а брат его Петр - участник Первой мировой войны, в гражданскую воевал в Белой армии, адмиралом А.Колчаком был возведен в генералы и командовал белыми войсками при обороне Петропавловска...

Владимир Сысуюев был настолько авторитетен у Л.Берии и И. Сталина, что впоследствии его брат - белый генерал - трижды арестовывался, даже содержался в Мелекесской тюрьме, но неизменно освобождался чекистами под личную ответственность начальника областного УНКВД. В 1941 году в Куйбышев были эвакуированы многие руководители страны, министерства и ведомства, Генштаб РККА, иностранные посольства. Сегодня уже есть сведения и публикации о том, что и сам Сталин с 15 октября по 15 ноября 1941-го тоже находился в специально построенном подземном убежище в кольце войск НКВД в Жигулевских горах под Куйбышевым, и показ его на трибуне Мавзолея 7 ноября на параде войск, - всего лишь кинематографическая уловка. Есть

воспоминания бойцов войск НКВД о вражеском десанте в Куйбышев и боях на улицах города, когда немцы хотели уничтожить Сталина... Естественно все эти обстоятельства, когда генералу Сысуеву не приходилось спать сутки напролет и нечеловеческое напряжение в работе - не могли не сказаться на его здоровье - сердечный приступ и, - не стало этого чекиста....

Примером тому, как на фронте чекисты проявляли образцы мужества и героизма могут служить биографии и реальные боевые дела наших земляков мелекесцев-дмитровградцев. Свою фронтovou службу бывший начальник Мелекесского горотдела КГБ Абдулла Касимович Гарипов начинал бойцом саперных частей. Потом войсковая политработа, а после непродолжительной учебы в спецзаведении, служба в органах Смерш, выявление и обезвреживание вражеской агентуры, диверсантов, разведподразделений. А после войны его чекистская деятельность связана с обезвреживанием разведки бывших союзников Англии и США на территории оккупированной Германии. Многoму научился А.Гарипов у известного советского контрразведчика генерала Кравченко, одного из главных действующих лиц по обезвреживанию гитлеровской агентуры и диверсантов в Тегеране, где те готовили масштабную операцию по убийству встречавшихся там в 1943-м Сталина, Рузвельта и Черчилля. А после Германии Абдулла Касимович с честью исполнил чекистский долг на службе госбезопасности в Ульяновской области.

Много и подробно в свое время писалось в прессе о деятельности в тылу врага партизанского отряда чекистов под командованием С.Цвигуна (впоследствии генерал Цвигун был первым заместителем председателя КГБ СССР Ю.Андропова). Сам генерал после войны издал увлекательную книгу «Фронт за линией фронта», где один из персонажей - молодой разведчик, действующий в тылу врага, - реальный герой, впоследствии долгие годы работавший в Димитровграде - бывший начальник горотдела КГБ А.Храмов (ныне живущий в США). Это с его подачи и по его инициативе в городе долгое время действовал комсомольско-молодежный поисковый отряд, не один год ходивший партизанскими тропами отряда чекиста Цвигуна...

Многое пришлось пережить и перед войной, и во время войны, да и после димитровградцу Николаю Федоровичу Аношкину. Сын раскулаченного крестьянина, он перед войной сумел закончить Самарский электромеханический техникум. В сентябре 1941-го вместе с армиями Юго-Западного фронта боец Аношкин попадает в плен к фашистам. Бежит из концлагеря и пробирается в партизанский отряд из окруженцев, которым командует Герой Советского Союза лейтенант Покровский, а с 1943-го служит в органах госбезопасности, учится в диверсионной школе под Тулой. О его боевых делах в чекистском диверсионном отряде на Брянщине и в Белоруссии написал в своей книге - «Ты помнишь, товарищ?» командир отряда П.Кочешков. Интересны и боевые награды минера-подрывника Н.Аношкина : медаль «Партизан Отечественной войны» второй степени, ордена Красной Звезды и... «Знак Почета». Наш земляк закончил воевать в Пруссии, а потом «за антисоветскую пропаганду» чекист был приговорен к 4 годам лагерей. Там же «довесили» еще 15, а амнистирован был только в октябре 1954 года... Потом уже, как сотрудник резерва органов госбезопасности, приносил пользу в работе нашего горотдела.

С началом войны главстаршина ВМФ Михаил Скрыбин из подводников стал морским пехотинцем. В каких только передрягах не побывал зам. командира группы дивизионной разведки! Их особую дивизию генерала Керсингтона бросали затыкать прорывы в отступающих фронтах: под Ростовом-на-Дону, Харьковом, на Десне. Потому главстаршине из военной разведки не довелось дойти до Берлина, был комиссован подчистую по случаю очередного тяжелого ранения еще в 44-м. Но до самого конца войны хранил разведчик именно оружие - пистолет «ТТ», врученный ему лично командующим фронтом маршалом К.Рокоссовским. А вот его невеста (а после демобилизации - жена) Екатерина Судакова, после окончания Сарапульской летной школы, на фронтах была с сентября 1942-го и до Берлинской операции, а там и до капитуляции Японии, немного не дошла она тогда по Манчжурии до Пекина...

Екатерина Ивановна Судакова, в замужестве - Скрыбина - не стала фронтовой летчицей. Служила в военной прокуратуре, а затем в армейской контрразведке - Смерш. Бывала наша чекистка и в боях не раз, дважды участвовала в захватах гитлеровских диверсантов, трижды ранена. Демобилизации ждала долго-долго, из контрразведки просто так не отпускали, а в 46-м, только вновь открывшиеся старые раны помогли ей распрощаться с войной и добраться, наконец, до Мелекесса...

Такие вот люди пришли после Второй мировой на службу в органы госбезопасности в наш край. Используя на новой службе свое боевое мастерство, опыт, смекалку, бесстрашие, они привнесли и новые традиции в нелегкую работу на незримом для большинства соотечественников фронте. Им же и пришлось с 1953 года исправлять «грехи» своих предшественников и проводить реабилитацию незаконно репрессированных в годы сталинизма граждан. В Мелекессе примером тому может служить реабилитация, при деятельности в городе начальника горотдела МГБ СССР Н.А.Шумилина, известного советского писателя, ленинградца Александра Лебеденко, сосланного к нам после десятка лет лагерей.

В 1947 году в Ульяновской области был сформирован спецотряд из чекистов-фронтовиков и направлен в Прибалтику для борьбы с бандформированиями националистов и фашистских прихвостней, называвшими себя «Лесными братьями». Один из чекистов В.И.Солодков погиб при ликвидации Пузе-Пилтенской банды в Зурских лесах. Чуть позже в этих же краях в бою с бандитами был ранен и вывезен на родину в Мелекесс заместитель начальника отдела МГБ П.В.Павлов. Уроженец Ульяновской области, он в ноябре 1941 года, приписав себе год в метриках, ушел добровольцем на фронт под Москву. Был в диверсионном лыжном отряде, ходил в рейды по тылам врага. Потом учеба в Харьковском военном и Ташкентском училище Смерша. После войны Павлов, до перевода в Мелекесс, возглавлял райотделы МГБ в Тагае и Малой Кандале, после увольнения из органов долгое время работал в НИИАРе.

Новые структуры и новые задачи обрел наш горотдел КГБ СССР после строительства в Мелекессе Научно-исследовательского института атомных реакторов. Началась работа по сохранению важнейшего режимного объекта от проникновения разведок потенциальных противников, тайны научно-технических разработок, добывания важнейшей научной информации.

Первый спецотдел КГБ на строящемся в Мелекесе ядерном объекте возглавил майор госбезопасности УКГБ по Ульяновской области А.К.Гарипов. Это только на первый взгляд чекисты, состоявшие на охране тайн НИИАРа, были дилетантами. А.Гарипову пришлось проходить вузовский курс по атомной энергетике, а многие работники имели спецобразование по данной технологии. Мероприятия свои они проводили и проводят, конечно, негласно, но широко и с полным знанием дела, специфики темы, а, главное, людей. Показательна первая встреча в Димитровграде наших ядерщиков с целой американской делегацией во главе с известнейшей мировой знаменитостью, ученым по трансурановым элементам, прародителем первой ядерной реакции на первом американском реакторе - Гленом Сиборгом. Конечно же, обеспечивалась надежная связь со структурами госбезопасности в Москве, Дубне, Свердловске, Шевченко, Красноярске и т.д. Потому мелекесские чекисты владели и такой оперативной информацией, что в составе американской научной делегации есть несколько сотрудников ЦРУ. Им уделяли особое внимание. «В поле» работали оперативники, а вот на официальный прием к «гостям» вышел сам Гарипов, имевший уже послевоенный опыт работы против западных спецслужб на территории Германии. За обеденным столом он «случайно» оказался между переводчиком-американцем и «ученым» - генералом американской разведки - Тейблом. Американцы затеяли с Гариповым «проверку на вшивость» - испытание разговором по специфике ядерных технологий. Игра шла открыто и Гарипову пришлось «подсказать» американцам, что Тейбол принимал личное участие не только в семи государственных переворотах в Латинской Америке, но и в пусках в строй первых реакторов в США. Так и продолжался диалог достойных соперников «уколами» фактов. В Москву же скоро ушло донесение о действительной принадлежности «ученого и переводчика» к спецслужбам, их досье в КГБ значительно пополнились фактами, добытыми в нашем городе...

Следует отметить, что в Димитровграде значительно расширился фронт работ сотрудников нашего горотдела против западных разведцентров после расширения производства завода «Химмаш», строительства спецобъектов ДУСом, расширения тематики в НИИАРе, строительства ДААЗа... В случае с последним у наших чекистов забот заметно прибавилось. Поскольку работники этого производства очень часто выезжали за рубеж и постоянно принимали западные делегации в связи с закупками и наладкой станков и агрегатов, получением новых технологий. Было очень важно знать биографии и судьбы этих новых для города людей и специалистов. Такая работа велась за границей и по всей территории СССР. Делалось это не зря. Были выявлены и разоблачены два английских разведчика, определены лица «особо пристрастные» к нашим специалистам в зарубежных командировках. Предотвращены несколько попыток со стороны работников ДААЗа выйти на нелегальные контакты с иностранцами, передачу противнику технической и политической информации. Было отмечено несколько фактов идеологической диверсии против димитровградцев. Например, двое французов было замечено в особом пристрастии добывания грязных фактов бытового характера. Заметив длинную очередь горожан к киоску, где «выкинули» на прилавок первую партию арбузов, французские «гости» вынули портативную телекамеру и один

начал снимать другого в его прогулке вдоль длиннющего очередного «хвоста». Позже димитровградские чекисты отследили ряд публикаций этих «гостей» в западной печати. На страницы газет и журналов были выплеснуты ушата «помоев» о жизни в нашем городе, о его, якобы, негодной экологии, о невежестве наших земляков.

Эта эффективная работа горотдела КГБ была замечена центром. А.К.Гарипов был удостоен особого чекистского Знака - «Почетный работник госбезопасности» за номером 549! Лично председатель КГБ СССР Ю.Андропов вручил Гарипову премию - кинокамеру с дарственной надписью. Так же эффективно руководил горотделом, после ухода на пенсию Гарипова - И.М.Шипунов. Отлично справлялись со своей службой и оперработники Ю.Сергеев, В.Довгаль, А.Криковцев, Ф.Анисимов. Последний - Федор Михайлович Анисимов - ученик А.Гарипова, - впоследствии возглавил горотдел КГБ, тоже, как и его наставник, стал «Почетным работником госбезопасности», сегодня является президентом Ульяновского регионального благотворительного общественного Фонда поддержки ветеранов и офицеров запаса ФСБ, КГБ, МВД - «Эгида».

О подвигах, совершаемых сегодня димитровградскими работниками госбезопасности, мы можем узнать из истории жизни и гибели на боевом посту старшего оперуполномоченного городского отдела ФСБ майора Дениса Сергеевича Кузнецова. Этот молодой сотрудник успешно выполнял контрразведывательную деятельность по обеспечению безопасности городского железнодорожного узла, ДААЗа, ГНЦ НИИАР. В 1995 году он отбыл во временную командировку в зону боевых действий в Чечне. 12 августа его подразделение из пяти человек попало в засаду боевиков в районе села Курчалой. В неравном бою двое чекистов были убиты, трое - ранены. Отход своих товарищей Денис, истекая кровью, прикрывал пулеметным огнем. Только что отметивший свое 30-летие, он скончался от ран в Ростовском госпитале...

Родина высоко оценила подвиг димитровградского чекиста, - Денис посмертно награжден орденом Мужества, его именем названа одна из улиц нашего города.

Впоследствии димитровградскими органами госбезопасности руководили: С.С.Юрченко, В.Н.Томбасов, В.Н.Журавель, П.В.Иванов, А.Г.Чигляков, - все достойные люди, патриоты своей родины, уважаемые в городе люди, всецело отстаивающие честь и достоинство димитровградцев, стоявшие на страже государственных интересов и гостайн. Хранимых в Димитровграде.

ВДОМБРОВСКИЙ

Валерий ГОРДЕЕВ

Обиженные герои, кто их обидел?

Чем интересна бывшая столица малых городов Поволжья - Димитровград?

Во многом «слава» его приходится на возведенные здесь памятники и архитектурные излишества. К сожалению, прошлые власти оставили новым множество памятных мест, означенных камнями, где начертано: «Здесь будет установлен... памятник... памятный Знак...» или - « На месте этом будет возведен...»

Но речь сегодня не о том. На знаменитой Алее Славы, по ул.Юнг Северного флота, где ежегодно проходят массовые празднества в честь Победы, установили четыре бюста землякам героям СССР и один полному кавалеру ордена Славы. И это - есть хорошее дело. Однако у меня, как краеведа и сына ветерана Великой Отечественной войны, остаются вопросы. По какому принципу и кто отбирал кандидатов на бюсты? Кто воплощал их в бронзу? Не стал ли этот акт памяти актом нового БЛАТНОГО отношения к землякам-героям?

Почему я негодую против, казалось бы, бесспорно хорошего поступка: увековечения героев в памятниках? По нескольким причинам.

Первое - и, наверное главное, - всмотритесь в эти, с позволения сказать, творения неизвестного скульптора! Все они (за исключением татарина Бильданова) НА ОДНО ЛИЦО! Нет никакого различия между совершенно разными людьми. А это уже в искусстве называется ХАЛТУРОЙ, за которую и плачено меньше.

Второе, - по какому принципу власти, не советуясь с историками, а самостоятельно отбирали ЧЕТЫРЕХ кандидатов из ТРИНАДЦАТИ мелекесцев Героев Советского Союза и ОДНОГО из ЧЕТЫРЕХ наших земляков полных кавалеров солдатского высшего ордена Славы? Если, как упоминалось, по БЛАТНОМУ, - то понятно. Если, исходя из финансовых возможностей, - то это напоминает идиотизм. Нет денег - не ставь памятников никому, иначе - будет нанесена ПРЕДНАМЕРЕННАЯ обида всем остальным воинам-фронтовикам. Будет создана ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕЛЕПОСТЬ И НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ ПО ОТНОШЕНИЮ К НАСТОЯЩИМ ГЕРОЯМ ВОЙНЫ!

Если исходить из неграмотности (а мы этого сделать не можем после того, как почти все мэские чиновники сдали на отлично экзамен по краеведению), то тогда картина становится понятной: знаю я фамилии ВОТ ЭТИХ ТОЛЬКО героев, - им и ставлю памятники, они наши, городские, остальные - инорожденные-земляки!

Потому, преклоняясь перед подвигами тех, кому уже стоят сегодня одноликие бюсты на Аллее Славы, все же хочу внести некоторую ясность в историческую справку для чиновного сословия «краеведов-отличников».

Как уже упомянуто, МЕЛЕКЕССЦЕВ, героев СССР, именами которых могут гордиться и город Димитровград, и Мелекесский район - 13. Если брать принцип возведения памятников только по ГОРОДСКОМУ урождению героев, то только ОДИН из четырех запечатленных (Мытарев, Барышев, Юносов, Коломин) родился в Мелекесе - это Петр Иванович Коломин. А кавалер ордена Славы - Абдулла Бильданович Бильданов тоже НЕ УРОЖЕНЕЦ МЕЛЕКЕССА.

Принцип следующий и, на мой взгляд, главный: бюсты должны ставиться в порядке хронологии получения высшей воинской награды. В этом случае у нас поставили памятники воинам, получившим награду ПЯТЫМ, ШЕСТЫМ, СЕДЬМЫМ и ТРИНАДЦАТЫМ по счету! По воинским званиям - бюсты поставлены подполковнику, лейтенанту, сержанту и двум рядовым, в то время, как среди наших земляков-героев есть генералы и полковники. Видите, какая несуразица творится в городе с подачи чиновников и депутатов бывшего горсовета. Прямо, наплевательско-безграмотное отношение и к истории ВОВ, и к судьбам героев, и к славе родного города!

Потому, давайте разберемся, кто же БОЛЕЕ или МЕНЕЕ (хотя, это и кощунственно по отношению к воинским подвигам) все же БОЛЕЕ достоин установления первых бюстов в Аллее Славы. По моему разумению, увековечивая память и подвиги воинов ВОВ, следует учитывать их НАСТОЯЩИЕ заслуги перед народом, Отечеством, земляками, их ВОИНСКИЙ вклад в дело нашей Победы над фашизмом. Таких земляков-героев ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ в Мелекесском районе и его райцентре - Димитровграде - 19! А

теперь пойдем по истории подвигов, хронологии и значимости этого в истории ВОВ.

Следуя лозунгам ушедшей эпохи и компропаганды - у нас: «Никто не забыт и ничто не забыто», «Нет неизвестных героев» и «Подвиги ваши будут жить вечно»!, как относятся администраторы-архитекторы к этим истинам, - уже ясно. Поустанавливали бюсты-близнецы, и тем хотят отделаться от своего долга перед героями, перед ветеранами ВОВ.

Мне совершенно понятно, что ныне обществами ветеранов ВОВ руководят совершенно далекие от войны в «поле» ребята: зенитчики, гаубисты, десантники, «морские волки» с тральщиков... Мало того, все они, в основном, воины призыва с 1943-го года! Воины наступательного плана. Те, кому не пришлось ХЛЕБНУТЬ настоящего боя, кто дрался уже не с профессионалами гитлеровского вермахта, а с его остатками или деморализованными австрийцами, чехами, голландцами, итальянцами, румынами...

Давайте утанавливать истину в хронологии ПОДВИГОВ наших земляков. Если их не делить на урожденных в городе или деревне, то список НАСТОЯЩИХ героев выглядит так:

КОЗЛОВ Николай Андреевич. Героя получил - 6.02.42г. Уроженец с. Н.Сахча. Воевал на «финской», потом на Ленфронте. Лейтенант, комбат стрелкового полка.

ШУЛАЕВ Константин Дмитриевич. Уроженец Горьковской обл. Призывался из Мелекесса. Лейтенант-связист. Героем стал на Днепре - 20.12.43г.

ШИЛЬДИН Петр Степанович. Родился в с. Тиинске. Комроты, гв. лейтенант. Героем стал при взятии г. Киева, 23. 12.43г. После войны проживал в г. Куйбышеве.

МОЖИЕВСКИЙ Иван Елисеевич. Рожден в с. Грязнуха (Приморское). С 1941г. на фронте. Механик-водитель танка. Гвардии старшина. Герой с 3.06.44г.

БАРЫШЕВ Аркадий Федорович. Родом из села Слобода-Выходцева. Ст. сержант. Подвиг, вместе с тремя своими земляками, совершил на Карельском фронте в июле 1944 г.

ЮНОСОВ Борис Николаевич. Урожденный в Ленинграде, эвакуирован в Мелекесс. Гв. рядовой. Герой - 21.07.44г.

МЫТАРЕВ Иван Петрович. Родился в с. Репьевка Маинского р-на. Гв. рядовой. В Димитровграде жил с 1968 г. Герой - 21.07.44г.

МАРКЕЛОВ Владимир Андреевич. Родом из с. Подбелки Мелекесского р-на. Гв. рядовой. Подвиг на реке Свирь совершил 21.07.44г. Жив и сегодня, но бюста за беспримерный подвиг достоин, как и дважды герои на своей родине, ибо - **ОН ЕДИНСТВЕННЫЙ НАШ ЖИВОЙ ГЕРОЙ!**

ЕРМЕНЕЕВ Виктор Иванович. Родился в с. Аврала Мелекесского р-на. Там же проживал после войны. Сержант-зенитчик. Героем стал 18.11.44 г.

ЧЕРНОВ Матвей Степанович. Родом из с. Малая Якушка Мелекесского р-на. Учился в ремесленном училище в Мелекессе. Рядовой, пулеметчик-радист, погиб в Латвийской ССР. Герой с 24.03.45 г.

ЯШНЕВ Алексей Степанович. Родился в Мелекессе. Лейтенант. Погиб 24.01.45г. при форсировании р. Одер. В Димитровграде его именем названа улица. Герой с 10. 04. 45 г.

ЗАХАРОВ Георгий Нефедович. Учился в Рязановском совхозе-техникуме, работал в с-зе им. Крупской. Родом из д. Ст. Семейкино Куйбышевской обл. Участник боев в Испании, Китае. Имеет на счету 18 сбитых гитлеровских самолетов. Комдив. Генерал-майор, в его соединении воевал авиаполк «Нормандия-Неман». Дважды удостоен ордена «Почетный Легион» Франции, Почетный гражданин г. Парижа. Героем стал 19.04.45 г.

КОЛОМИН Петр Иванович. Уроженец Мелекесса. Учился в Оренбургской школе военных летчиков. Полковник. Комполка. 115 сбитых гитлеровских самолетов. Героем стал 18. 08. 45 г.

Причем, в 1941 году или в 1942-м Героев было - единицы. На украинском направлении знаю только генералов Власова, Петровского и лейтенанта Мукуча Бекчяна, удостоенных орденов им. Ленина, что тогда приравнивалось к званию ГЕРОЯ.

ИТАК, мы четко видим, что только ДВОЕ из 13 Героев СССР родом из города Мелекесса. Это - ЯШНЕВ и КОЛОМИН. Причем, последнему установлен бюст. Значит - не по принципу уродения ставили эти памятники! Тогда по какому?

По хронологии - бюст должен быть ПЕРВЫМ для Николая Андреевича КОЗЛОВА. А вот - и нет, управленцы думают совсем иначе, чем краеведы и жители! Кому хотим, - тому и ставим! И поставили - Мытгареву, Юносову, Барышеву и Коломину.

А по какому принципу- не ясно.Если по УРОЖДЕНИЮ: тогда бюсты должны бы стоять - только ЯШНЕВУ и КОЛОМИНУ. Они - городские!

Если по ХРОНОЛОГИИ подвигов - то - КОЗЛОВУ, ШУЛАЕВУ, ШИЛЬДИНУ, МОЖИЕВСКОМУ, - и затем, тем, кому они установлены. Так же и с кавалерами орденов Славы. Бильданов-то родом из Старомаинского района, только в 60-е годы прошлого века стал в Мелекессе директором столовой. А кроме него родом из самого Мелекесса был такой же кавалер полного ордена Славы 3-х степеней ГОЛИКОВ Иван Георгиевич, сержант, минометчик, в отличии от парторга батальона Бильданова... Кроме того, Михаил СИМОНОВ тоже кавалер трех степеней этого же ордена, мелекесец, принявший бой 22 июня 1941 года под Белостоком, уникальный боец-танкист, тоже удостоен этих наград, но его бюст почему-то не стоит на Аллее Славы! И еще один - СЕМЕНОВ Георгий Трофимович - рожденный в с. Никольское Мелекесского района, не стал прототипом бюстового творчества халтурщиков. Участник боев за Кенигсберг, разведчик, он даже не числится в памяти «архитекторов» патриотом совершившим подвиг!

Но есть еще один аспект этой проблемы. Бюсты на родине Героя положено устанавливать, если это высочайшее звание дано герою ДВАЖДЫ! Так кто же достоин такой почести сегодня? НИКТО. Ибо, НИКТО из наших героев-земляков ДВАЖДЫ не удостоивался этого звания. Согласен, что подвиги и их герои должны быть увековечены. То, что на нашей Алее Славы стоят бюсты НАСТОЯЩИХ ГЕРОЕВ, нет никакого сомнения. Но - какие ГЕРОИ? ТЕ, кто прошел отбор ПО БЛАТУ? Согласен, что все они - достойны бюстов. ВСЕ. Но тогда возникают вопросы: КОМУ, ЗА ЧТО, КОГДА, и каком качестве ДАНА ЭТА НАГРАДА? Мало того, всем кто, историю родного города не знает, а только сдает на экзамене пе-

ред никчемной комиссией, никакого отношения не имеющей к нашей истории подлинной, следует помнить бы, как помнят это настоящие патриоты Мелекесса, что есть у нас и ЕЩЕ ГЕРОИ, ДОСТОЙНЫЕ УВЕКОВЕЧЕНИЯ. К тем именам, что я уже приводил выше, следует добавить, как минимум еще ДВЕ КАНДИДАТУРЫ. Генерал-лейтенанта Василия БАДАНОВА и генерал-майора Ивана БАРСУКОВА. Первый - участник Первой мировой войны, гражданской, был командиром танкового корпуса, который перерезал пути наступления армиям гитлеровского фельдмаршала Манштейна и не позволил разорвать кольцо окружения под Сталинградом. Он был творцом и исполнителем ГЛАВНОЙ операции в ГЛАВНОЙ битве последней войны. Да, Баданов не стал Героем СССР, хотя его ПОДВИГ был этого более, чем другие, достоин. Но мы можем гордиться тем, что генерал Баданов - ПЕРВЫЙ В НАШЕЙ СТРАНЕ КАВАЛЕР ПЕРВОГО, ВРУЧЕННОГО ПОСЛЕ ЕГО УЧРЕЖДЕНИЯ, ОРДЕНА СУВОРОВА!

Иван Антонович БАРСУКОВ не только уроженец старого Мелекесса и выпускник нашей дореволюционной ремесленной школы, он в 1941 году в звании генерал-майора становится зам. Наркома вооружения, а в конце ВОВ - зам. Министра обороны СССР, он один из разработчиков и главных поставщиков в армию противотанковых ружей и минометов, которых так боялись фашисты. Он в 1943 году удостоен звания Героя Социалистического Труда - награды, вручаемой тем, кто воевал во вражеском тылу или ковал победу в тылу СССР!

ИТОГО - нам бы нужно уже иметь на Аллее Славы 19 памятников ГЕРОЯМ прошедшей войны, прославившим наш город и наш народ своими подвигами. Но это только досужие размышления здравомыслящего краеведа и писателя. Вряд ли к ним прислушаются ГЛУХИЕ чиновники.

Потому и будут стоять на ГЛАВНОЙ АЛЕЕ СЛАВЫ в Димитровграде, как «три тополя на Плющихе», ОБИЖЕННЫЕ или ОСКОРБЛЕННЫЕ своими подвигами и нашей памятью Герои, заслужившие этой великой народной ПОЧЕСТИ?

Нет! Я очень надеюсь, что новые и мудрые люди из «Единой России», пришедшие депутатствовать в городскую Думу, новый ее председатель и Глава города, коренной мелекесец Николай Горшенин, - достойно оценят «деяния» своих не очень мудрых предшественников. Оценят, принесут извинения героям-землякам, исправят историческую несправедливость. Наведут порядок на Аллее Славы.

Генерал Власов и его «власовцы» - наши земляки- предатели или...

Вторая Мировая война. А. Тейлор, ссылаясь на немецкие источники, дает нам страшную картину потерь советского народа в первые годы Великой Отечественной войны. В 1941-м, под Киевом немцы взяли в плен 665 тысяч человек, воинов РККА; в Крыму и Донбасе - еще 400 тысяч; под Брянском и Вязьмой - 673...

Но самой страшной потерей для СССР стала гибель и пленение в ходе наступления летом 1942-го 20000 воинов на Волховском фронте. Еще и потому, что там 2-я Ударная армия была пленена во главе с ее командармом - генерал-лейтенантом А. ВЛАСОВЫМ. А в дальнейшем, стала орудием Гитлера в борьбе с большевизмом. И в этих рядах были и наши земляки - МЕЛЕКЕССЦЫ!

«Власовцы» формировались и в Мелекесе

Фронтовой Мелекес заслуживает и особого разговора. Второй, после Самары, город в Куйбышевской области, он был главным опорным пунктом в Приволжском военном округе. На 1939 год в Мелекесе жило более 33 тысяч человек. В первые годы войны сюда эвакуировано еще более 10000 человек. Сам райцентр, и села: Мулловка, Новая Майна, Тиинск, Обамза, Бряндино, Новоселки, - были центрами формирования воинских частей.

За период 1941-1942 годов в нашем городке были доформированы, созданы и оснащены четыре воинских дивизии и две боевые бригады! Кроме того - еще отдельные воинские части (полки, батальоны) были включены в 21-ю и 10-ю армии, созданные в первые годы войны на территории Приволжского военного округа.

Историческая справка:

На территории Мелекесского района на 1 июля 1941 года в городе доформируется 336-я стрелковая дивизия, выведенная с Юго-Западного фронта, обескровленная в боях, но со знаменем соединения. Дивизия, почти обесчеловеченная, побывала в знаменитом, созданном фашистами «Уманском котле», пополнялась теперь мелекессцами. Начало ей положили 400 ульяновских курсантов из танкового училища, пешком пришедшие в Мелекесс из лагерей в поселке Белый Ключ.

Штаб ее находился в доме на ул. III Интернационала, 101. 6 декабря дивизия начала свой новый боевой путь в наступлении из-под подмосковного городка Одинцово - на Калугу. Впоследствии, за боевые заслуги дивизия стала: Краснознаменной, «Житомирской».

С 25-го декабря 1941 года в Мелекессе проходило формирование новой - 58-й стрелковой дивизии. В ее ряды, кроме мелекессцев, Ульяновским горкомом КПСС было направлено: «141 коммунист, 109 кандидатов в члены КПСС. 126 комсомольцев и 110 человек младшего состава.» Мелекесс, кроме всего, выделил дивизии: «... 40 котлов для приготовления пищи, 12 пишущих машинок, 4 сейфа, 20 саней, посуду, стекло и стройматериалы для землянок».

2 февраля 1942 года дивизия ушла на фронт подо Ржев. Впоследствии ей присвоено имя - «Одерская».

С 3 марта 1942-го, на базе 9-й Западной саперной бригады, в Мелекессе доформируется, выведенная из боев 1-я стрелковая дивизия (впоследствии - 58-я, гвардейская, Орден Ленина и Суворова, Краснознаменная, Красноградско-Православская дивизия). О ее биографии написана А. Ольшанским и У. Арзымбетовым прекрасная книга: «Единой семьей в боях за родину». Части этой дивизии лично инспектировал 14 мая и 16 июня 1942-го маршал Советского Союза К. Ворошилов. В ее рядах сражался и мелекессец - Герой Советского Союза Константин Дмитриевич Шулаев, с которым я был лично знаком...

В Мелекессе же формировалась еще одна - 431-я стрелковая дивизия. К сожалению, о ее боевом пути у нас пока нет достоверной информации...

В нашем городе в первый военный год были открыты и курсы комсостава; сформирован полк народного ополчения из 3-х батальонов, численностью в 1480 человек: 1-й в городе, 2-й в зерносовхозе им. Крупской, 3-й в Мулловке. В первый же год Мировой войны наш городок принял кроме беженцев с Запада, - 3 эвакуационных пункта на 1600 мест (в 1-й школе, Учебно-научном институте, санэпидстанции, музее, клубе мелькомбината), 12 вагонов редчайших книг из всесоюзной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина из Ленинграда, Житомирский театр оперетты, Витебскую чулочно-носочную фабрику, детский дом из Ленинграда, экспериментальную мастеровскую НИИ Наркомхимпрома, ставшую основой завода «Химмашин», и выпускавшую для фронта боекомплект на суда ВМФ...

В 1943-м горожане, скинувшись, отправили на фронт целую эскадрилью самолетов-штурмовиков «Валериян Куйбышев» с учебного аэродрома в селе Кошки.

Все это - факты как бы героической биографии города. Но наши историки «забывают» еще об одном, - странном факте из биографии Мелекесса и мелекессцев! Или ... предпочитают умалчивать. И я, долгое время не знал, как подать в печать сохранившийся у меня материал-рассказ Альберта Жирнова - мелекессца-фронтовика из 57-й стрелковой бригады, формировавшейся в нашем городе в октябре 1941-го.

Дело в том, что все официальные источники прошлой поры упорно молчат о том, что в наших краях в 1941-м была сформирована печально известная под именем «Власовской» - 2-я Ударная армия! Даже в специальном сборнике «Краснознаменный Приволжский» - вы не найдете ни строки об этом знаменательном событии. Вроде бы, как и не было такого факта в истории Великой Отечественной войны!

Пришлось залезать в глубины памяти и архива. И вот что выясняется: в октябре 1941-го, в Поволжье была выведена после кровопролитных боев на Украине и под Ростовом-на-Дону, крепко поредевшая 26-я героическая армия. Об этом нужно писать подробнее, ибо воины 26-й вполне заслужили этого.

22 июня 1941-го 26-я армия приняла первый неравный бой и сконцентрированный удар гитлеровцев под Львовом. Буквально на острие их действующих армий. Об этом поробно пишет в своей книге воспоминаний маршал И. Баграмян. Бывший тогда нач. оперотдела Юго-Западного фронта. 26-я - ни на шаг не отошла от своих рубежей по границе СССР, пока немцы, не прорвав фронт справа и слева от нее, не создали угрозу окружения армии. Это - вообще в первые три месяца от начала войны, была единственная армия, которая своими боеспособными действиями полностью блокировала все атаки гитлеровцев. Ни разу, без приказа штаба фронта, не сдав немцам ни одной позиции. Армия ПРОФЕССИОНАЛОВ!

Я горжусь тем, что в ее рядах первые три месяца войны в обороне Киева сражался и мой отец - Леонид Гордеев, один из пятерых фронтовиков-мелекессцев, удостоенный редкой награды - медали «За Оборону Киева»! И только, прикрывая отход всей армии, фланги которой «провалили» и сдали соседни - 5-я и 6-я армии, дивизия отца, оставленная в прикрытии отходящих частей, без боеприпасов, в тройном кольце окружения, целиком была или истреблена или - попала в плен! Но основные соединения 26-й, под командованием генерала Ф. Костенко, вышли с боями под Ростов. На берега Дона. Когда в боях погиб весь штаб Юго-Западного фронта, его командующий генерал М. Кирпонос, в плену были три из пяти командармов, - последовал приказ И. Сталина сдать Киев врагу. 26-я, обескровленная, вышла из окружения.

Самый «фартовый» гитлеровский генерал-танковец Гудериан доносил фюреру: «... пока передо мной стоит 26-я армия русских, - я не смогу двигаться вперед!». Фактически в первые месяцы войны 26-я армия оказалась единственным на всех фронтах самым боеспособным формированием во всей РККА. Она отходила с боями ТОЛЬКО ВЫНУЖДЕННО, ВЫПОЛНЯЯ ПРИКАЗ, выравнивая фронт, избегая полного окружения.

Мой отец был всего лишь лейтенантом, зам. командира артполка по вооружению. А вот отход 26-й, прикрывая ее от танков Гудериана, исполняла вся 196-я дивизия генерала Яковенко. А отход дивизии прикрывал артполк

майора Корженевского. В том, 725-м ЛАПе и служил отец. Естественно, что в том десятке тысяч человек, прикрывшими чуть ли не голыми телами отход основных частей, в живых, но плененными остались только сотни... У которых не было уже не только орудий, но и винтовок, пистолетов и патронов, чтобы застрелиться самим!

Отход полностью погибшей в боях 6-й армии до Киева прикрывала 99-я стрелковая дивизия. Еще год назад ею командовал генерал Андрей Власов. Теперь же он был назначен срочно сформировать 37-ю армию, чтобы она непосредственно прикрывала от наступающего врага столицу Украины. 37-я армия генерала Власова, выполнив свой долг, последней в сентябре 41-го покидала приднепровские рубежи, уже рассеченная немцами на три части, но с упорными боями, так же, как и 26-я, прорывая кольца окружения. В этих боях армия Власова была почти вся УНИЧТОЖЕНА. А вот части 26-й, под командованием генерала Костенко, еще прикрывали Полтаву и Харьков, сражались позднее под Ростовом, где и были разбиты в октябре 41-го...

26-я армия, оставшись без погибшего в боях командарма, была выведена на переформирование в Поволжье. На территории нашего военного округа оставалось немного мест, где можно было бы обучать и организовывать такое количество войск. В Самаре, Саратове и Пензе формировались новые - 25-я и 10-я армии. Потому новые части 26-й готовились в Оренбурге, Казани и Мелекесе. Поскольку из пяти командармов Юго-Западного фронта двое погибли в боях, а двое были пленены немцами, а их войска не раз находились в окружении за линией фронта, старый состав воинских частей был признан «неблагонадежным». Потому и новым командармом стал не единственный «боеспособный» из той пятерки - генерал А.Власов, находившийся в резерве Ставки, а генерал-лейтенант Г.Г.Соколов, проходивший свою службу в ЧК и НКВД.

Хочу привести пример его «полководческих» способностей. Отраженных в приказах по армии:

«Хождение, как ползание мух осенью, отменяю и приказываю впредь в армии ходить так: военный шаг - аршин, им и ходить! Ускоренный - полтора, так и нажимать!

С едой не ладен порядок. Среди боя обедают и марш прерывают на завтрак. На войне порядок такой: завтрак - затемно, перед рассветом, а обед - затемно, вечером. Днем удастся хлеба или сухарь с чаем пожевать - хорошо, а нет - на том спасибо, благо, день не особенно длинен...

Запомнить всем - и начальникам, и рядовым, и старым, и молодым, что днем колоннами больше роты ходить нельзя, а вообще на войне для похода - ночь, вот тогда и маршируй!

Холода не бояться, бабами рязанскими не наряжаться, быть молодцами и морозу не поддаваться. Уши и руки растирай снегом!»

Вот таков был теперь, после гибели генерала Федора Яковлевича Костенко, командарм в 26-й.

Именно с этого периода и начинаются нестыковки в официальной мелекесской истории. Как мы помним, в августе 1941-го в Мелекесе формируется 336-я дивизия. В декабре - 57-я. В марте 1942-го - 1-я. Причем, на базе 9-й саперной бригады. Кроме еще ополченного полка, войск в нашем горо-

де больше как бы и не было. Но вот свидетельство нашего земляка, солдата Великой Отечественной войны А. Жирнова:

- В октябре 1941 года меня мелекесский райвоенкомат призвал в учебную роту. Мы занимались в лагерях у Новой Майны. Здесь формировалась 57-я стрелковая бригада: четыре батальона пехоты и саперная рота. Был еще взвод разведки из лыжников. Большинство ребят призвали из-под Бугуруслана и на лыжах они ходили очень плохо. Мы, «лесные люди», учили их на лыжне хотя бы держаться. Но, что толку, если ты в 18-20 лет впервые лыжи надел! А война-то - это не шутки и не соревнования, не прогулка...»

1 декабря 1941 года 57-я стрелковая бригада, еще 6 таких бригад и одна дивизия - и составили реанимированную 26-ю армию (в июне 1941-го армия генерала Костенко насчитывала «по мирному» времени 3 стрелковых, одну авиадивизию, отдельный мехкорпус и один арtpолк, три отдельных зенитных дивизиона). Так вот, эта «полуармия» - недокомплектованная, полубученная, полуголодная - была срочно брошена Ставкой на Волховский фронт, исполняя одну из двух (кроме обороны Москвы) на то время задач стратегического характера, - разблокирование Ленинграда. Теперь запомним, что Мелекес к тому времени уже принял из города Ленина библиотеку союзного значения «Салтыковку», детский дом, госпиталь. Настало время помочь ленинградцам боевыми частями. Именно мелекесцы составили ядро в формировании 26-й армии. Основа ее - 57-я лыжно-стрелковая бригада спецназа наполовину состояла из наших земляков, мальчишек-добровольцев, которым не было 18 лет! Приведу пример: тогда же из Карсунского и Вешкаймского районов нашей области добровольцами в 10-ю армию, формируемую в Кузнецке под командованием бывшего начальника ГРУ генштаба генерала Ф. Голикова, ушло около тысячи добровольцев-ульяновцев. Среди них было двое знакомых мне. После войны они поселились в Мелекесе: П. Павлов был зам. начальника горотдела МГБ, а В. Будиллов директором 25-й школы. Они ушли на фронт защищать Москву, когда обоим едва исполнилось по 17 лет, прибавили в метриках по году, а в военкомате на это «не обратили внимания»!

Но вот путь мелекесцев в составе пока еще 26-й армии на Волховский фронт, - это путь к их «проклятию в истории войны».

Как их «кинули»

Командующим Волховским фронтом Сталин назначил бывшего начальника генштаба РККА генерала К.Мерецкова. Который только что был выпущен из тюрьмы НКВД. Одно это говорит о том, какое значение Сталин придавал этому фронту и задаче по разблокированию Ленинграда. Генерал, еще плохо передвигавшийся на ногах (у него отбили почки, сломали ногу, подавили психику и волю), получил задачу на наступление войск Волховского фронта в направлении Новгорода и прорыва кольца вражеской обороны под Ленинградом. Находящийся в окружении, голодный, плохо вооруженный, измотанный Ленинградский фронт генерала М.Хозина, должен был стать вспомогательным в этой операции. В усиление Волховскому фронту в конце ноября из Поволжья стали выдвигать новую армию, которая, уже во время ее выдвигания, из 26-й была переименована во 2-ю Ударную. Но, как ее не

назови, то, что было в нее понапихано на скорую руку, боееспособным назвать было трудно. Вместо 4-5 стрелковых, обученных воевать в поле дивизий, в ней была лишь одна, сформированная из войск НКВД. 7 бригад и пять отдельных лыжных батальонов были собраны из мальчишек-новобранцев, да и «старики», пришедшие из боев на Украине, лыжами владели плохо, они прошли только летне-осеннюю кампанию на Юго-Западном фронте. Самой стойкой была здесь дивизия, собранная из воронежских рабочих дружин. Но ни одна часть не имела боевого опыта!

21 ноября 1941 года:

Полковник Антюфеев пеняет командарму Соколову, - что дивизия его еще на марше, у него нет боеприпасов и продовольствия, - на что командарм от НКВД отвечает: «...так требует «Хозяин» (Сталин), значит, надо выполнять приказ».

10 января 1942 года комфронтом К.Мерецков, убедившись в небоеспособности генерала Соколова, заменяет того на генерала Клыкова. А тот, в свою очередь, перед самым наступлением, заменяет ВЕСЬ состав Военного совета и штаба 2-й Ударной.

11 января Клыков убеждается, что в армии израсходован ВЕСЬ БОЕЗАПАС снарядов и патронов!

13 января по приказу Сталина все еще не полностью переброшенная на передовую из эшелонов 2-й Ударная идет в наступление. Встречное же движение войск Ленинградского фронта успешно отбито немцами.

14 января, за счет других армий, поддерживающих наступление 2-й Ударной, ей передано по 3 (!) беконплекта на каждое орудие...

25 января К.Мерецков просит (!) Ставку Верховного главнокомандования поддержать прорыв 2-й Ударной дивизии, снятыми из соседних, вспомогательных армий, и - ПОЛУЧАЕТ ОТКАЗ. Наступающие части 2-й Ударной оторвались от основной линии фронта на 80 километров, при ширине этого прорыва всего в 25! Поддерживающие их армии соседей так и не смогли прорвать свой фронт!

Введенные в прорыв всед за 2-й Ударной кавалерийская и стрелковая дивизии резерва - окружены немцами и с боями прорываются назад...

6 марта на Волховский фронт прибывают член ГКО Г.Маленков и маршал К.Ворошилов. Вместе с ними - назначенный на должность первого заместителя Командующего фронтом прибыл генерал-лейтенант А.Власов.

Историческая справка

Андрей Андреевич Власов. Кличка «Ворон». Родился в 1901г. в селе Ламакино Нижегородской губернии, в семье священника. В 1917-м поступил в Духовную семинарию. В 1918-м оставил учебу и перевелся в Московскую сельхозакадемию. В 1919-м добровольцем вступил в РККА. Воевал на Южфронте. Закончил один курс вечерней военной академии. С 1920-го выдвинут на командную должность. С 1930-го - член ВКП(б). В 1938-39 годах, под командованием маршала В. Блюхера, слушает военных советником в Китае. Награжден орденом генералиссимуса Чан-Кайши, медалью «XX лет РККА».

С 1940 года - командир 99-й стрелковой дивизии в Киевском Особом военном округе. С 25 по 27 сентября его дивизи-

зия участвует в смотровых учениях в присутствии Наркома обороны С.Тимошенко и кам. Округом Г.Жукова. Впервые за последние годы в приказах по РККА отмечается очень высокая подготовленность и выучка дивизии Власова, его умелое командование войсками. Газеты пестрят хвалебными статьями о нем. За этот успех дивизия и ее артиллерия награждены Переходящими красными знаменами. Лично нарком обороны награждает А.Власова золотыми часами. Правительство - орденом Ленина. В его аттестации на повышение генерал армии Г.Жуков записывает: «Предан партии Ленина-Сталина и социалистической родине... Прекрасно всесторонне развит, военное дело любит... Хороший руководитель и методист, обладает высокой оперативно-тактической подготовкой... энергичен. Смел в решениях, инициативен.»

В июле 1941 года генералу Власову поручается формирование 37-й армии, которая с ходу вошла в бои под Киевом. Он организует мощный укрепрайон в столице Украины и, после отхода за Днепр штаба фронта, фактически командует всеми войсками ЮЗФ, участвующими в обороне Киева. После приказа Сталина, 37-я, прорвав двойное кольцо немецкого окружения, отошла за Днепр. Фактически гитлеровцам так и не удалось взять у Власова Киев!

В период, когда в стране организованся дефицит командных кадров, после массовых репрессий перед войной, А.Власов становится фаворитом Сталина, облечен его особым доверием, газеты пестрят хвалебными о нем статьями - «Сталинский полководец», по авторитету Власов уже превосходит Жукова. Потому, когда в конце октября 41-го немцы почти вышли на улицы Москвы, и в пос. Красная Горка фельдмаршал фон Бок в бинокль рассматривал Москву, Сталин бросил в бой еще недоформированную Власовым в тылу 20-ю армию. И здесь генерал Власов блестяще выполнил требование вождя - вышиб вражеские войска именно из Красной Горки, отодвинув фон Бока от столицы.

Теперь становится понятным, какие надежды возлагал Сталин, посылая генерала Власова заместителем к нерешительному, с подавленной психикой, командующему Волховским фронтом Мерецкову!

Как грамотный, но неуверенный и малоинициативный военачальник Мерецков понимал, что введенная им в прорыв 2-я Ударная армия, ввиду неудачного наступления соседних с ней войск, теперь находится в вытянутом далеко вперед «мешке». Прервано ее снабжение. Лыжники завязли в раскисших лесных болотах. Задача по прорыву блокады Ленинграда фактически сорвана. Как опытный, высокопоставленный генштабовский и цэковский аппаратчик, Мерецков также понимал: ПОЧЕМУ к нему заместителем назначен А.Власов. Через короткое время Мерецков из комфронта вновь бы переместился в арестанта НКВД!

Но и сам генерал Власов, несмотря на свой фаворитизм у Сталина, хорошо понимал, что с начала окружения Ленинграда, поражение здесь от немцев, а теперь сорванная разблокировка на Волховском фронте, - уже стоили отставки сталинскому другу К.Ворошилову, ставленник маршала

Жукова, стабилизировавшего фронт под Ленинградом, генерал М.Хозин, так и не сумевший продвинуться с войсками ни на метр, отправлен Сталиным на «тухлый» тыловой Приволжский ВО. Хуже всех пришлось маршалу Г.Кулику. Его войска так и не сумели взломать оборону немцев извне и выйти к железной дороге на Ленинград. 54-я армия, как и 2-я Ударная увязла в обороне врага. Уже в январе 1942-го нарком внутренних дел Л.Берия представил Сталину рапорт:

«... маршал Кулик настроен пораженчески, поддался панике... не организовал отпора врагу», за сим последовало постановление ГКО и оргвыводы: «...привлечь к суду маршала Кулика и передать его дело на рассмотрение прокурора СССР». Следом шло постановление Пленума ЦК ВКП(б): «...исключить Кулика Г.И. из состава членов ЦК ВКП(б) ...снять Кулика Г.И. с поста...»

Но то был маршал! Старый боевой товарищ Сталина. То же могло ожидать всего-то генерал-лейтенанта Власова? И Андрей Андреевич отдавал себе отчет в надвигающейся беде.

Хроника надвигающейся трагедии

7 марта - во 2-й Ударной, по приказу К.Мерецкова, в третий раз (!) за два месяца меняется начальник штаба. Генерал В.Визжалин - на полковника (!) С.Рождественского.

10 марта, в связи с тяжелым заболеванием (!) в тыл эвакуируется командарм-2 генерал Клыков. Его обязанностью исполняет генерал П.Алферьев. Армия продвигается вперед на 100-200 метров в сутки!

19 марта. Ставка требует от Мерецкова атакующих действий фронта. При этом комфронта не только не дают обещанную из резерва армию, - но и запрещают переброску в полосу наступления 2-й Ударной двух дивизий из армий обороны.

9 апреля. Гитлеровцами полностью перекрыт «перешеек» в районе местечка Мясной Бор, снабжавший армию боеприпасами и продовольствием. В окружении оказались и части 59-й армии.

16 апреля. Мерецков, уславший своего заместителя «от греха подальше» - помочь наступлению в штабе 2-й Ударной, требует от Власова принять командование окруженными войсками. Власов не соглашается с таким решением. Тогда Мерецков приказом НАЗНАЧАЕТ замкомфронта (!) командармом без согласования со Ставкой. Соответственно Власов становится ответственным за разгром армии и НЕ ВЫПОЛНЕНИЕ приказа Ставки на прорыв!

21 апреля Ставка ЛИКВИДИРУЕТ весь Волховский фронт! Тем самым как бы утверждает приказ Мерецкова и закрепляет за Власовым ответственность за ВСЕ дела во 2-й Ударной. Командующий теперь уже объединенным Ленинградским фронтом и инициатор объединения - генерал М.Хозин со своими войсками по ту сторону немецкой блокады в ходе всей наступательной операции так и не смог ни километр приблизиться к атакующей противника с внешней стороны 2-й Ударной.

Именно с этого дня и до июня 1942-го, всего полтора месяца был генерал Власов командующим войсками, сражавшимися в полном окружении. И, нужно сказать, опытный военачальник, имевший практику вывода войск из окружения, уверенно руководил армией.

Но 30 мая следует приказ Ставки М.Хозину на новое наступление! Хозин передает его во 2-ю Ударную, где без боезапасов, «по уши» увязли в лесных и болотных боях всего-то 2 дивизии и 7 неполноценных бригад. Армия была блокирована немцами и с флангов, воевала без поддержки соседей. Выход был единственным: прикрывшись с фронта и флангов от наседавшего врага, ударом в тыл - на Мясной Бор, восстановить «перешеек» и отойти к войскам фронта за Волхов!

Ни бывший комфронта (впоследствии, маршал) К.Мерецков, ни настоящий - генерал М.Хозин, впоследствии за провал собственной инициативы объединения фронтов «униженный» до Приволжского ВО, понимая всю гибельность наступления 2-й Ударной, знающие о необходимости ее выхода из окружения, не станут искать пути спасения войск. И только в конце мая Ставка санкционирует отход армии из «котла». Но остается вопрос КОМУ передан этот приказ? С армией уже нет связи! «Перешеек», восстановленный в ее тылу извне, составляет в поперечнике всего один километр! Из армии не могут эвакуировать раненых, у воюющих в разлившихся болотах солдат нет еды, кончаются патроны!

Рассказывает А.Жирнов, боец 57-й «мелекесской» стрелковой бригады:

- Жрали еловые шишки, червей, лягушек... Кости, уцелевшие от убитых и разложившихся коней, считались деликатесом. Солдаты походили на скелеты. Не только наступать, передвигаться то могли с трудом. Я был ранен в шею, все боялся отстать от своих ребят, которые пробивались на «пепрешеек», хотя там был такой кошмар! Немцы перерыли этот километр минами и снарядами и только ночью можно было там проползти! Мне не удалось... Попал в плен к немцам.

А вот письмо-свидетельство И.Деменкова к родным, опубликованное в газете «Правда» 5 февраля 1970 года:

«Я получил первое ранение под Тихвином, второе на Волхове... Мы в окружении копали окопы штыками, прикрывая отход наших полков... Помню, как пробирался я на кукурузное поле, которое обстреливал противник... оттуда меня тащили раненого к «перешейку», потом - госпиталь, где выходили по-матерински медсестры. Выписали - и вместо фронта - отправили в лагерь...»

Когда генерал Власов повел свои войска на прорыв, - он мог полностью полагаться только на вражескую дивизию генерала Антюфеева, где еще оставалось до 1000 человек, которые за неделю уничтожали до 500 гитлеровцев. Остальные части, разделившись на мелкие группы, ползком, шли за линию фронта, голодные израненные... Вышла из окружения и вынесла знамя 92-я стрелковая дивизия - всего из 15000 человек личного состава - 83 бойца!

23 июня генерал Власов еще раздавал бойцам медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». А 25 июня командующий ВНОВЬ ВОССТАНОВЛЕННЫМ Волховским фронтом К.Мерецков с радостью издает приказ ОБ АРЕСТЕ командарма 2-й Ударной, генерала А.А.Власова!

Предатели? Назначенные в крайние? Сволочи?

2-я Ударная, в принципе, продолжила свое существование до дня Победы. Но те, кто попал в окружение на Волхове, названы были страшным словом: «ВЛАСОВЦЫ», хотя большинство не стали предателями! Итого, около 30000 человек. В том числе - 57-я «мелекесская» стрелковая бригада. Получившие приказ разблокировать кольцо гитлеровцев вокруг города Ленина. Попавшие в лесах и болотах Новгородчины в плен или павшие там. Выжившие в этой бессмысленной «мясорубке». Израненные дистрофики. Потерявшие своего полководца...

По его имени назвали ВСЕХ, кто с оружием в руках противостоял нам с 1942 года - «Власовцами». Кем же они были? Почему стали такими?

Начнем с того, что во 2-ю Ударную из ПриВО было отправлено 7 бригад: 19-я запасная, 91-я отдельная танковая, запасная - полковника Г.Лапшева, 31-я, полковника С.Кувшинова, танковая, полковника Орлова, 57-я стрелковая «мелекесская», еще одна - отдельная танковая...

В основном - состоявшие из призывников Казахстана и Оренбуржья. Поставленные на лыжи, но плохо обученные на них ходить. В прорыв они шли по сугробам пешком, лыжи несли на плечах, жители степных районов, они по воле Сталина-Жукова были брошены в леса и болота, которых никогда не видели, не знали. Вооруженные винтовками, вместо автоматов, тащившие в прорыв орудия без снарядов, управлявшие легкими, слабобронированными танками, работавшими на бензине, замерзающем на морозе, тонувшие в болотах...

Им дан приказ: ПРОРВАТЬ МОЩНЫЕ УКРЕПРАЙОНЫ ПРОТИВНИКА ВОКРУГ ЛЕНИНГРАДА! Хотя, от времени отдачи этого приказа, до окружения 2-й Ударной, в наступающей армии армии ТРИЖДЫ и - ДВАЖДЫ на фронте - сменилось командование! Генералу Власову выпала самая незавидная доля: выводить почти разгромленное войско из окружения. И он сделал все, что мог: вывел из лесов и болот 16000 солдат и офицеров. Но при этом - более 6000 воинов погибло, 8000 пропало без вести. 11 июля сам генерал-лейтенант А.А.Власов перешел на сторону немцев. ПОЧЕМУ?

Давайте порассуждаем. Первое, - несмотря на то, что он был «лучшим сталинским полководцем», Власов уже до того дважды выводил свои войска из окружения, чем, видимо, исчерпал кредит доверия у вождя. Победоносный генерал усилиями будущего маршала Константина Мерецкова (на смену которому Сталин и прочил Власова), «отмывающегося» от бериевских обвинений, брошен, вместо маячившей должности комфронта, на армию, которая к его приходу туда уже была деморализована и небоеспособна, гнила в болотах. Но спрос теперь в полной мере был бы именно с ее последнего командира - Власова (помните приказ Мерецкова о его аресте?).

Второе, - он сдался врагу. И на то была своя причина. Власов хорошо понимал, что Сталин теперь припомнит все: «поповское происхождение» генерала, сдачу Киева, провал наступления под городом Ленина (хотя, в этот период был блокирован Сталинград, дважды отдан врагу Харьков,

сданы Воронеж и Керчь). Кстати, в это же время учинена расправа и над замом наркома обороны, маршалом Куликом! Именно потому Власов, выведший из окружения всех, кого смог, потерявший в боях и от самоубийств генералов из 2-й Ударной - И.Зуева, С.Буланова, Ф.Черного, А.Шашкова, - сам перешел на сторону противника. А там возглавил Русскую оппозицию сталинскому режиму. И тех, кто поверил ему, кто был его единомышленником, кто вступил ДОБРОВОЛЬНО в Русскую Освободительную Армию и вел бои с Советской Армией с 1944 года, назвали его именем - «Власовцы». Хотя они и не были бойцами 2-й Ударной, не шли с генералом Власовым в плен.

Кем же были эти люди? Обычные бойцы и офицеры, брошенные своим командованием в смертном бою, под давлением обстоятельств и в невыносимой обстановки взятые в плен. Отправленные в немецкие концентрационные лагеря, сломленные ранами, голодом, режимом содержания. И только небольшая часть из них - сознательно перешедшие по идейным соображениям на сторону врага. Среди них был и наш земляк А.Жирнов, и другой наш земляк, которому повезло выйти из окружения - Н.Егоров, сражавшийся в 99-й дивизии (в последствии - воздушно-десантной). Они не попали в число «оборотней», не было их и в рядах власовской РОА, но мы и не знаем сколько еще наших земляков, плененных там, потом воевали на стороне гитлеровцев?!

«Ворон»

Такую кличку дали генералу Андрею Власову в НКВД. Его поступок считается и сегодня бесчестным. Нет, до Власова в плену у немцев были и другие советские генералы: Карбышев, Понеделин, Лукин... В окружении застрелился генерал Ефремов. Но Власов и его сформированная для борьбы со сталинским режимом РОА стали для советского коммунистического руководства самым сильным раздражителем, даже более, чем сами гитлеровцы. Потому, еще в годы войны, Л.Берия и его подчиненные чекисты сформировали спецбригады для физического уничтожения генерала Власова. Которому и дали кличку «Ворон». Ближе всех к исполнению этой цели был, завербованный НКВД, ранее плененный немцами, начальник артиллерии 8-го стрелкового корпуса 26-й армии (перестроенной во 2-ю Ударную), комбриг М.Богданов. В РОА Власова он стал начартом. Но ему не удалось ни отравить, ни убить, ни взорвать Власова, как предполагалось. Сам же он потом, как ни доказывал, что был агентом НКВД, был расстрелян по приговору советского суда.

Несмотря на активные действия диверсантов Берии, вместе с генералом Власовым РОА создавали майор И.Евстифеев, генералы А.Благовещенский, В.Мальшкин, Ф.Трухин, Г.Жиленков, Д.Закутный, И.Меандров, В.Мальцев, С.Буняченко, Г.Зверев, В.Корбуков, Н.Шатов.

И последнее. Каким же он был - генерал-лейтенант и несостоявшийся маршал - Андрей Власов? Вот что говорит клирик Московской патриархии, - бывший настоятель православного храма в Нью-Йорке, отец Александр:

- Был он очень высокий - за 190, - плотный, осанистый, представитель-

ный. Уехав из Берлина в конце войны, вывез с собой в Фюсен митрополита Анастасия, главу Зарубежной Церкви... бывший партиец, мог нести и сам церковную службу, - без запинки произносил «Симол веры», другие молитвы. Значит не все еще выдул из его семинаристской головы красный сквозняк. Много говорил о большевиках, о зверствах Сталина...»

Из «Обращения Русского Комитета» к бойцам и командирам Красной армии, ко всему русскому народу:

«Русские люди! Друзья и братья!

Довольно проливать народную кровь! Довольно вдов и сирот! Довольно голода, подневольного труда и мучений в большевистских застенках. Вставайте в борьбу за свободу!»

Так писал в 1943-м году генерал Власов. Его войска из РОА несли этот девиз в страшные по жестокости и братоубийству бои между русскими солдатами под венгерским озером Балатон и под чешской Прагой. «Власовцы» сами в плен не сдавались, они сознательно шли на гибель, предпочитая смерть сталинским застенкам.

Андрея Власова советские спецназовцы «достали» в мае 1945-го. В том же году его расстреляли.

...А сын Андрея Андреевича до сего дня живет в Самаре...

И еще несколько штрихов к этой истории:

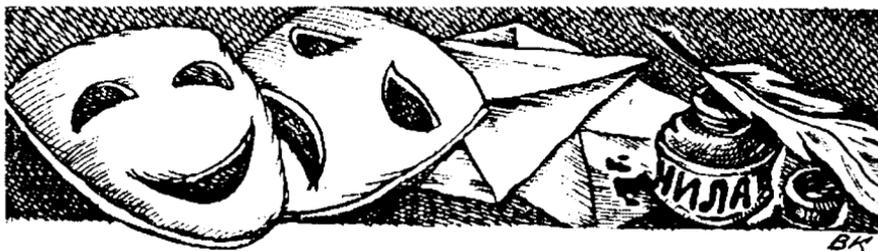
Символично, что генерал Власов сдался немцам в деревеньке названием Пятница, с ним была только повариха. Его личную капитуляцию принимал командующий группой немецких войск на Волхове генерал-полковник Линдемман («Липовый человек») и именно - в пятницу...

Сталин настолько возненавидел Власова и всю (!) 2-ю Ударную армию, что, несмотря на ее героические дела, в будущем, из представленных к званию 35 Героев Советского Союза в этом соединении получали только с 1944г., ни один не получил высокого звания ни в 1942-м, ни в 1943-м годах!

В редакции газеты 2-й Ударной - «За Отвагу!» - служил и погиб под Мясным Бором поэт Всеволод Багрицкий, сын известного советского поэта Эдуарда Багрицкого.

В редакции его заменил поэт М. Залилов. Ныне это героический сын татарского народа. Герой Советского Союза, один из лидеров борьбы антифашистов в гитлеровских застенках - Муса Джалиль, попавший в плен вместе со своим командармом Власовым...

Еще один симбирянин и писатель Николай Троицкий (Норман) попал в плен в 1941-м году. До 1943-го был в концлагерях, где получил предложение идти в РОА Власова. С тех пор этот бывший семинарист из Симбирска был чиновником по особым поручениям при бывшем семинаристе - генерале А. Власове. Работал под псевдонимом Нарейкис. Затем - долгие годы скитаний по Германии, Испании, Америке. Лишь в феврале 2000-го года Троицкий вновь побывал в Ульяновской области. Как гость, автор десятка остро сюжетных книг о сталинском режиме, о генерале Власове, о Русской Освободительной Армии...

Виктор СЫСУЕВ

Предтеча

Об Аврале и Кошках

В книге Ф.Касимова «История Мелекесса и его окрестностей» указывается, что слово «Авраль» происходит от монгольского слова «эврал», что может означать сухое русло, пересыхающий поток. Есть в монгольском языке слово «гол», имеющее три значения. На монгольском и бурятском языках она означает реку, например, «Халхингол». Правда, более типичным для монгольского языка является «Мурен», например, Амур монголы называют «Хаара-мурен» - Чёрная река, как и китайцы - «Хэйлуцзян», с тем же значением. Второе значение слова «гол» - заболоченное озеро. Это имеет место в названии залива Карабугаз гол. И третье значение - в пустыне Гоби - сухое русло. Как видим, никакого слова «эврал» в монгольском языке нет, да и Авраль никогда не пересыхал.

Не совсем понятен мне и перевод слова - Кошки. По версии Касимова, «кош» в переводе с калмыцкого языка означает юрту или войлочную палатку. Но ведь Кошки в Самарской области означает не одну, а несколько кошек, ведь на конце стоит «и», такая же история с Кошками в Татарии, да и в Казахстане есть Кокши тау. Наверное, бы было логичным перевести не «кош», а «коши», во множественном числе с окончанием «и». Правда, и тут вопрос с правильным переводом не решается окончательно, ведь Кокшайск - это тоже Кокши и переводится как «кладбище» с древненогайского.

Также я не согласен и с переводом слова Ставрополь. Вроде не случайно имеется Ставрополь неподалеку от столицы Калмыкии и Ставрополь-на-Волге. Мне кажется, что это не имеет никакого отношения к калмыкам. Названия Севастополь, Симферополь, Никополь, Мелитополь - все эти слова означают греческие колонии, Польш по-гречески - город. Да и в самой Византии был город Константинополь - переводится как город императора Константина.

Реку Сельгу почему-то называют Сельди. Я хорошо помню, что в детстве ходили купаться и называли мы реку Сельгой. В переводе на русский язык с финского Сельга означает возвышенность. Название Сельга дали балты, жившие на средней Волге 2 тысячи лет до н.э. Вероятно они и не знали, что такое сельди. Они же дали название Свяге - по названию птиц

семейства утиных длиной около полуметра. Именно на Средней Волге балты дали название и Волге. Как пишет Мельников-Печёрский в «Очерках мордвы», в мордовских языках имеется слово Волога, в переводе на русский язык оно означает - влага, жидкость, привар, приправа. Но, ведь мордва появилась на Средней Волге в I веке н.э., а балты намного раньше, поэтому название Волга произошло не от мордовской вологи, а от финского валка и эстонского Валга, что означает - белая. И уж совсем нелепо звучит, что Волга произошла от названия привар, приправа. А вот слова привар, приправа произошли от вологи, волги, влаги - это звучит вполне логично, потому что привар и приправа - это жидкость. В итоге хочется привести дословный перевод рек с языка древних балтов: Волга - Белая (река), Свяга - утиная, Сельга - возвышенная. Впрочем в отношении Сельги нужно ставить вопрос о том, как вернуть ей настоящее имя. Ведь, никто из специалистов не может объяснить толком, как появилось название Сельди. Впрочем, её никто не называет так, все зовут Сельгой. Только нужно изменить её имя на географических картах.

Хазарские и другие имена и топонимы

У казанских татар изредка встречаются имена со звуком «дж»: Джирджиз, Джават, Джамиля и другие. Откуда они появились, ведь такие имена нетипичны для нынешнего населения. Когда-то в заволжских степях обитали племена печенегов, они не были однородными по составу, это был союз племён огузов, торков и других. У огузов были слова со звуком «дж», названные выше, затем эти имена перешли к казанским татарам.

Имена Ильфат, Ильхам, Ильнар являются именами хазарского происхождения. Интересным является топоним - Иркутск, он топоним хазарского и ногайского происхождения. «Ир» - это река по хазарски, а «кут» - на ногайском языке. Следовательно, в этих местах жили и хазары и ногайцы, они-то и дали двойное название реки (река-река), интересным является тот факт, что первыми дали название хазары. По-видимому, сюда надо и отнести название реки Иртыш. Потомок Джучи хан-Тохтамыш, по-видимому, имел мать казашку болгарского или хазарского происхождения, поэтому у него имя не монгольское. Итларь - один из половецких вождей был взят славянами в заложники и уничтожен по приказу Владимира Мономаха стрелой в грудь через отверстие в потолке, имя Итларь означает - большая река в переводе с одного из хазарских диалектов. Имя Иршат тоже хазарское и означает - горную реку.

Родственники у Атилы тоже имели хазарские имена. Правивший гуннами раньше Атилы - его дядя Руга - Ругила, Ругил - был также хазаром, Ил - река по хазарски, как и его родной брат Бледа. У хазар не было звонких звуков «б» и «д», а были глухие «п» и «т», поэтому правильно звучит это имя Пле-та. Та - это хазарское имя.

И резонный вопрос, если первым городом у болгар был Болгар, у суваров - Сувар, у темтюсей - Тетюши, у ашелей - Ошель, у Биляров - Биляр, то могли ли хазары и их небольшое государственное объединение на территории Ульяновской области обойтись без первого пра-города. Вряд ли, - ведь их национальность стала впоследствии основой новой национальности - казанских та-

тар уже с другим первым городом. Все признаки указывают, что до Казани «Первым» городом у хазар мог быть Синбирск и играл пока не выясненную роль непродолжительное время.

Фамилия обрусевших хазар Аргуновы, их предки родились на чеченской реке Аргун или на китайской реке Аргунь. У украинцев «хазарская» фамилия Ярошенко (яр - река) и другие.

Мелекесс - край хазарский

В средние века на территории Ульяновской области и Мелекесского района проживало много хазар. В Мелекесском районе, например, они проживали на территории северной части села Ерыклинского - хазарского селища. Для этого имеются веские доказательства. Так, название реки Ерыкла происходит от хазарского слова - ерык (арык, алык), что означает ручей, канава с водой, речушка. Слова «ер, ар, ал» - это река, а суффикс «лык, ык» перешёл из хазарского языка в другие тюркские языки (ашамлык, алмалык). Никаких болгаров в этом месте не проживало, ведь болгары превратились со временем в татар, как это имеет место в Татарском Аппакове. В современном Ерыклинске нет ни чувашей, ни татар, сохранившихся с давних времён, а вот часть населения имеют фамилии, произошедшие от хазарских имён. Это - Мальцев - ма-маленькая, аль-река, Лазарев (ар-река), Гарусов (ар-река), Серков (ер-река), Чертопьятов (ер-река).

Не будет лишним упомянуть, что на другой стороне Волги в Кузоватовском районе тоже имеется Ерыклинское с теми же признаками, татарских и чувашских сёл поблизости нет, и в нём тоже живут потомки обрусевших хазар с хазарскими фамилиями. Аналогичное положение имеется и в селе Лебяжье. Там тоже живут потомки обрусевших хазар. Фамилии Марсянов (ар-река), Вершинин (ер-река) говорят о хазарских корнях. Впрочем и ерыклинцы и лебяжинцы об этом забыли. Лебяжинцы даже не знают, что означает слово Лебяжинская Корава, а ведь это явно хазарский топоним (ор-река). То же самое можно сказать и о названии Малыкла (Малыкла-ма-маленькая, ал-река) - маленький ручей.

И несколько слов об особенностях хазар. Если цыгане и евреи живут среди других наций, но продолжают оставаться нацией, то хазары после разгрома каганата распались как нация и растворились среди других наций, потеряв свои национальные признаки и, перестав существовать как нация. Они вошли в состав русских и башкир, казахов, туркмен, киргизов, узбеков и даже значительная часть ушла в Китай и растворилась в китайских нациях. Об этом говорят огромное количество топонимов в Средней Азии, на Кавказе, в Китае. Причина в том, что огромное количество хазарских племен были слабо связаны между собой. У них была разная религия - ислам, иудаизм, христианство, язычество, да и язык имел огромное количество диалектов и наречий. Вот поэтому сейчас нет ни нации хазар, ни хазарского языка. В большинстве современные потомки хазар просто забыли, что они были хазарами. В Японии живут коренные жители - айны. Они тоже не помнят, кто они и откуда пришли. Так что прецеденты имеются. Не будет лишним упомянуть, что Синбирск изображён на карте братьев Пицигано и назывался на итальянском языке хазарская Санкога, т.е. в 1367 году это был сугубо хазарский город. Слово Синбирск это интерпретация хазарского Сенпирия - новая столица.

Предтеча Казанского ханства

«Славное море, священный Байкал», наверно, многие слышали эту песню. Но не всякий запомнил слова этой песни: «Долго бродил я в степях Ака-туя». Как же попал сюда сугубо болгарский топоним - праздник плуга. Ока-зывается, ещё в первом веке до нашей эры в верховьях Иртыша между Тянь-Шанем и Алтаем обитали - шесть болгаро-суварских племён - «Царство Чаши». Но вот что интересно, где болгары, там обязательно поселялись и хазары и ставили болгар в вассальную зависимость. Топонимы Иркутск, Иртыш (ир-река) говорят о том, что здесь жили и хазары. Поэтапно болгары передвига-лись на Нижнюю Волгу, Северный Кавказ, Приазовье под натиском китайцев, вместе с ними переселялись и хазары. В 8-9 веках болгаро-суварские племена переселились на Среднюю Волгу, но и здесь они не избавились от хазарского господства.

Карта братьев Пицигано датируется 1367 годом, здесь изображено Сред-нее Поволжье. Не все краеведы знакомы с итальянским языком. Возможно, поэтому они не обратили внимания на четыре хазарских населённых пункта. Это - хазар де Бока, хазар де Санкога, хазар де Арабу, хазар де Бокоси. По-видимому, кроме этих четырёх населённых пунктов существовали и другие хазарские поселения, и они составляли небольшое государственное образова-ние - малая Хазария. Это государственное образование послужило, вероятно, предтечей Казанского ханства. В современном Ульяновске встречается сугубо хазарская фамилия Ильясов и таких имён и фамилий много. Это подтверждает вышеизложенную версию.

Как и раньше потомки хазар - казанские татары живут рядом с потомками болгар - чувашами. Всё это наводит на размышления, что эти две народности всегда жили и живут рядом. Правда, в образовании нации казанских татар уча-ствовали и ногайцы, потомки огузов и торков (печенег), башкиры, а также другие кипчакские племена. Вот поэтому имя Гульджамал (улыбка цветка) постепенно превратилось в Гульямал, фамилия Джамальтдинов превратилась в Замальтдинов, Мухаметджанов в Мухаметжанов и Мухаметзянов и т.д. и т.п.

В современном понятии малая Хазария означает малая Татария, потому что хазары являются прямыми и косвенными предками современных татар.

Но, справедливости ради следует отметить, что не все хазары приняли ис-лам и стали татарами. Я уже писал о фамилиях хазар из Авралей, которые не приняли ислама, а стали чувашами. Это Ириндеев (ир-река), Ерменеев (Ир-менеев) - ирма - маленькая река, превратившегося потом в Ирменей, Тойгиль-дин - той - праздник, свадьба, кильде - дом. Правда, мне не совсем понятна позиция многих учёных, которые делают археологические раскопки в нашей области, чтобы найти следы хазар. Для этого достаточно взглянуть на карту братьев Пицигано, ведь там чёрным по белому написано, что четыре населё-нных пункта являются хазарскими. По-видимому, древние хазары делали пред-метами поклонения реки, ведь в пойме рек много травы и веточного корма, а корм и вода это основные компоненты для жизни кочевников. Вот поэтому у хазар распространены «речные» фамилии: у какой реки родился ребёнок, име-нем той реки и называли его.

Речные имена - Альфия, Ильмир. Пишу про эти имена потому, что в те

времена место, где мы живём, называлось Волжско-Камской Болгарией и было завещано Чингиз-ханом сыну Джучи, завоёвано Батыем и стало его улусом.

Интерес представляет и тот факт, что предводитель гуннов Атила был по национальности хазаром (ат-большая, ил-река). Хазарскими являются и фамилии Улендеев, Улюкин (ул-река), Ильдейкин, Илюткин, Еремеев (ирма-маленькая река), Албатырев (река богатырей), Альдебенев, Арасёв, Яруткин и т.д. Примером Хазарской фамилии является Кашкиров (соответствует русской фамилии Волков, немецкой - Вольф, английской - Вульф). А слово Арал по хазарски море (ар-река, ал-река) - река рек.

Хазары и болгары

Несколько десятков сёл в Ульяновской области имеют население из обрусевших хазар. Сёла имеют названия, переделанные на русский лад, а также хазарские фамилии, тоже переделанные на русский лад, например Тинарка, Ерыклинск, Малыкла. Интересным было для меня открытие, что мои предки по материнской линии были хазарами. К этому выводу я пришёл на основании карты братьев Пицигано, предки были выходцами из села Каранино неподалеку от Сенгилея, фамилия предков была Тагаевы, а Тагай - это хазарское имя. Так что хазарский язык у меня в генах. Вообще в Ульяновской области не менее 10-15% русских фамилий - это обрусевшие хазары, например Шаталин, Аралин, Елагин, Падиаров, Дамаев (Та-ма), Артамонов (Ар-та) и т.д.

С другой стороны фамилии чувашей в Чувашии звучат по другому, по сравнению с Мелекесским районом, это Енпахта, Пихтан из Асламаса, Мурзай, Терекен, Тенеев, Теняков, Магмет Бозубов, Томеев Охаде, Турхан, Юлдаш, Таир, Тхти, Тогаев Ахкубек. В Мелекесском районе таких фамилий нет, а большинство хазарские, например Пайметов, имена Асхат, Камиль, Ермил. Также названия речек звучат по другому - это Була, Карла, Киря, Меня, Выла. В Мелекесском районе большинство рек звучат по хазарски Тинарка, Елшанка, Ерыкла, Малыкла, (Ар, ор, ел, ал- это река по хазарски) и, наконец, имеют место случаи, когда путаницу вносят краеведы. Например, на карте братьев Пицигано чёрным по белому написаны названия четырёх хазарских пунктов, и тут же некоторые краеведы называют эти города болгарскими. Вообще, мало назвать хазар болгарскими, надо ещё это доказать. Я уже не говорю о том, что некоторые краеведы считают, что название Мелекесс произошло от мифического племени мелля, не исключено, что это название является или ошибочным или сфальсифицированным т.е. антинаучным, такого болгарского племени не существовало. Также пользоваться краеведам в качестве первоисточника райкомовскими брошюрами нельзя, они устарели и антинаучны.

И ещё одна интересная деталь. Все болгарские города находятся в Татарии. Так Болгар - столица племени болгар - в Татарии, Биляр - столица биляр - в Татарии, Тетюши - столица темтюсей - в Татарии, сюда же следует отнести Ошель - столица ошелей и Сувар - столица сувар и барсиллов. Никаких болгарских городов в Мелекесском районе и Ульяновской области не было за редкими исключениями. Были города, как это указывает карта братьев Пицигано, но это совсем другая нация. Речь идёт об этнических хазарах, появившихся в среднем Поволжье во 2-4 веках н.э. и ещё до прихода Атилы. Когда же появи-

лось государство Волжско-Камская Болгария, то эти хазары постепенно забыли родной хазарский язык и стали говорить на болгаро-суварском языке, поскольку он был государственным. Поэтому сейчас их потомки говорят на чувашском языке.

В итоге и в Чувашии, и в Ульяновской области сейчас в ходу чувашский язык, хотя происхождение этих двух народов разное, одни были болгаро-суварами, а другие хазарами. Интересно, что в Средней Азии встречается слово арык (речушка, реченка, ручей, канава с водой), не нет слов - ерык, алык, у нас наоборот не встречается слово арык. Это опять доказывает, что хазары были этнические.

Об Астрахан и Таматархани

В России сохранились несколько хазарских топонимов, которые имеют в своей основе - слово тархань-тархан. Слово тархан соответствует слову хан, князь, тархань-ханство, княжество. Астрахань можно расшифровать как Асатархань, здесь Аса - имя тархана. Уместно здесь также вспомнить, что в средние века этот город называли Хаджи-тархань, т.е. речь идёт о святом хане, совершившем паломничество (хадж) в Мекку, Таматархань - здесь имя тархана Тама или Та-ма (маленького Та). Русские переименовали непонятное слово в Тьматаркань, тьмы и тараканов в хазарских кибитках хватало. Ну, а что касается маленького Та, то по-видимому это слово соответствует немецкой фамилии Клейнмихель (малорослый Миша), чувашской Лутрованя (низкорослый Ваня), китайской Дэн сяо (коротышка Дэн).

Также сюда можно отнести название родины Лермонтова Тарханы. По-видимому, хазарское имя маленький Та схоже с болгарским Тохтаман - маленький Тохта, маленький Та или с другим хазарским именем Тохтамыш. Я уже писал, что древние хазары давали новорожденным речные имена, но были и «неречные», которые давались детям в пути. К ним относится имя маленький Та, сюда же следует отнести и древнехазарское имя - Аса. У современных татар сохранилось имя Аса или Асан, фамилия Асанов, название сёл Асаново, у башкир сохранилось женское имя Азан, и там и тут истоки хазарские. Аса-Тархан, можно перевести как ханство. Асана или большое ханство. У туркмен сохранилось хазарское имя Артык (Ар-река), а вот лермонтовские персонажи Бэла и Азамат, были потомками хазар, Азамат - это Аза-ма (младший Аза).

Есть хазарский топоним и среди речек - это река Тарханка, являющаяся притоком Черемшана. Вообще в России очень мало рек с русским названием, потому что славяне появились на территории России позже других наций. Например, название реки Ока я бы расшифровал как Ога, данное балтами. Даже топоним Сибирь я бы расшифровал как Чувашия, потому что здесь жили сибиря-сувары-сувасы-чуваши, ведь здесь ещё до нашей эры существовало «Царство Чашей». Интересной является и чувашская фамилия в Авральях - Пайдутов. Пай по хазарски - означало - хозяин, богатый человек (в болгарском языке схоже слово - пуй, пу, пю - князь, хан, тархан, богатый человек, хозяин). Во многих тюркских языках слово пай превратилось в - бай с тем же значением.

Не следует забывать и тот факт, что многие болгарские правители носили хазарские имена, т.е. были хазарами. Например, правитель болгар (тархан?). Органа (ор-река), Батбай, хазаром был великий князь сувар Ал-Илитвер (ал - ре, ил - река), хазаром был постельничий Чата-хазар (Та - хазарское имя), хазаром был хан Алмуш. Поэтому многие исторические события в Волжско-Камской Болгарии надо интерпретировать с учётом этого факта.

Интересно, что у славян была аналогия с Волжско-Камской Болгарией. Так, княгиня Ольга приняла христианство, а её сын Святослав с дружиной отказался и жил по языческим обрядам. Также и болгарские правители приняли ислам, а основная масса населения отказалась.

Случай на Черемшане

Шёл уже первый час ночи, когда Володя Соллогуб выскользнул из дома. Большую часть времени он был предоставлен самому себе. Часто он видел и В.И.Григоровича. Управляющий Никольским именем графа Соллогуба был вечно занят. С зари и до зари он скакал на коне, разрываясь между полем, дымящимися овинами и ригами и барским парком, где были расположены теплица и сад, хлопот хватало. Появится Василий Ильич на минуту, выпьет ковш кваса и опять на коня, даже хорошо не отдохнув.

Мальчишка знался с сыном бурмистра, были также друзья из крестьянских детей Ванька Маштаков да Васька Дегтярёв. Правда двое последних были сильно заняты, родители неохотно отпускали их из дома, они помогали править тягло - это означало много работы. В те нечестные часы, когда их родители всё-таки отпускали, мальчишки пропадали на Черемшане, ходили в лес по ягодам, грибы и за орехами, которых в окрестностях было в изобилии.

Сзади Володи белел барский дом, выходящий фасадом прямо к Черемшану, за ним высоко поднималась церковь Николая-чудотворца, по имени которого село и было названо Никольским, впереди чернел чёрным пятном Борок, принадлежавший соседнему помещику Кроткову, были также видны торговые ряды между церковью и барским домом. Володе не спалось, и он решил искупаться в Черемшане. Раздевшись, он бросился в речку, нырнул, потом повернул к берегу и лег на песок. Он пригребал к себе песок, ещё не остывший внутри от дневной жары, потом лежал не двигаясь.

В этот момент Володя увидел как к Черемшану идёт какая-то женщина с коромыслом и вёдрами. Что её побудило в такой поздний час идти за водой, - трудно сказать. Володя надеялся, что женщина обойдёт его стороной, но она шла прямо на него. И вот, когда до женщины оставалось два шага, он вскочил и бросился в Черемшан. Вынырнув, он увидел, что женщина бросила вёдра и коромысло, и мчалась назад, - только развевался подол её юбки. Вздохнув, Володя взял вёдра, наполнил их водой, поставил их на песок, затем, не торопясь пошёл домой.

Этот случай имел неожиданный резонанс. Женщина оказалась сестрой няни Володи и доказывала ей, что ночью видела чёрта.

- Волосатый, косматый, а хвост два метра!

Но няня решительно была против чёрта.

- Какой чёрт, это тебе померещилось, у нашего Володи нет никого хвоста!

Только после такого заявления кривотолки в селе прекратились, лишь иногда крестьяне смеялись, вспоминая этот случай.

Валентин МАНУХИН

В стране богатой - люди нищие!

* * *

Войска подняты вновь
«В ружьё!» -
Флажкуют ЗОНЫ янки!
Идёт охота на сырьё.
У нефтескважин танки.

В петле - Хуссейн, в крови - Ирак.
Трофеи делят БОССЫ!
Уже другой намечен враг -
Плывут авианосцы:

Везут «СВОБОДУ» - беспредел,
Эквивалентный силе!
Начался новый передел
В однополярном мире...

В прицеле янковском Иран,
Богатый нефтью, газом:
Там будет свой поставлен КРАН
И разместятся базы...

* * *

Преступно, глупо быть беспечным,
Коль враг готовится к войне.
Ведь тушат лес огнём-то встречным -
Так и надёжней и верней.

* * *

Говорят, что деньги - зло,
У них грязное нутро,
И чем больше этой грязи
Легче стать сегодня князем.

* * *

Всё доброе - цветёт на лицах,
А злое - прячется в темницах.

* * *

Пока мы охали, да ахали -
Верхи прибрали всё к рукам!
Потом «реформами затрахали»,
Стриптиз устроив беднякам.

Пока над ребусом кумекали:
Как всё ж концы с концом свести, -
Те, кто слабей, навечно «съехали»
На лоно кладбищ, под кресты...

В стране богатой - люди нищие -
Умом здесь точно не понять.
И обращаемся к Всевышнему,
Хотя должна ответить ВЛАСТЬ.

Вот так мы в жизни часто охаем, -
Где надо волю проявлять:
Утёршись, молча, смотрим лохами
И продолжаем чуда ждать.

* * *

Кто всю жизнь «пахал»,
скажите:
Где ваш, братцы, урожай?
Значит соцдевиз «Пашите!»
Хуже лозунга «Хватай»?

* * *

Кто виноват, что жизнь как хина
И нищета из года в год?
В глубокой ... коме медицина,
А люд простой всё больше мрёт.

В больницах - платные палаты,
К врачам без денег не попасть.
Слепыми стали депутаты.
Больна душой и сердцем ВЛАСТЬ.

Одни жируют на реформах
И множат личный капитал.
Жизнь у других - сплошные штормы,
Где каждый день - девятый вал.

В стране:
коррупции стихия,
Чиновник честный - прецедент...
Живёт надеждою Россия:
Даст бой мздоимцам
Президент!

* * *

Как тяжело деревьям
в большие морозы -
Их студят до треска,
без всякой вины.
Ты видел, как плачут
весною берёзы,
Дождавшись тепла,
после долгой зимы?

То буйствует радость
в застуженных жилах,
Она долгожданна,
как встреча друзей.
И, кажется, вправду -
берёзы ожили! -
Плывут, словно стая
больших лебедей!

Деревья -
живая природа!
В их почках
Рождается
                                новая жизнь,
  и весной

Откроются дверцы -
и выйдут листочки,
Чтоб свежим и чистым
был воздух земной...

Всё это мы,
вроде бы,
                                знаем и любим:

Лес - лёгкие наши,
богатство, краса.
Зачем же безжалостно,
варварски рубим,
В пустынную степь
превращая леса?

* * *

У реки черёмуха белым-бела,
В пламени весны и луг, и сад!
Одуванчик в желтой шляпе у села
Вышел на весенний маскарад.

Хорошо вдвоём на зорьке у реки
Помечтать под всплески окуней,
Побывать не раз в плену твоей руки,
Побродить по юности своей.

Вновь познать,
Что счастье - вот оно, с тобой!
Солнышко, любовь и красота!
В жизни главное не зачерстветь душой,
Остальное - просто су-е-га!

* * *

Чуть свет пройдушь кроссовками по росам,
Под сонное мычание коров,
И попаду за луговым покосом
В страну опять, груздей, боровиков!

С тяжёлою корзиною вернусь я,
С восторженной улыбкой до ушей.
Жене с порога крикну: «Люся!
Смотри, кого привёл - лесных «друзей»!

А к вечеру под радугой проеду
В залив озёрный - в царство карася!
Заварим на костре уху с соседом,
И помечтаем, глядя в небеса...

А завтра снова:
Солнце росным утром
Жар-птицею вспарит в родном краю!
Какого счастья, Господи, кому-то
Ещё потребно в этом раю?!

* * *

Ключ к сердцу женщины
всегда загадка,
Которую не просто разгадать:
Здесь для мужчины главное -
не «хватка»,
А надо душу женщины понять...

И доказать ей благородно, чинно,
Что ты её счастливая судьба,
Мечта её, единственный мужчина,
Защитник и покорнейший слуга...

Ах, женщины,
Божественные феи!
Вас можно лишь любить и обожать!
Что может быть дороже и роднее,
Прекрасней, чем «любимая» и «мать»?

* * *

Если думаешь одно,
Делаешь другое:
Надобно лечить НУТРО -
Кредо в нём гнилое.

* * *

Хоть всем известно,
что ПРЯМАЯ
Короче завсегда кривой,
Но в жизни, друг,
стезя КРИВАЯ
Порой короче всё ж прямой...

* * *

Где ЧЕСТНОСТЬ не бывает -
Отсутствует и ЧЕСТЬ.
Ведь без воды,
всяк знает,
Ручью к реке не течь.

* * *

Дуб в лесу был бурей сломлен -
Мощный ствол
его не спас.
А лозняк собой доволен -
Гибкое
устойчивей,
подчас...

* * *

С годами приходят
    болячки, усталость,
Но надо бороться за радостный день.
Ведь душу сгибает
    не слабая старость,
А дряхлый характер и сильная лень...

* * *

Если в старости ты нужен
И душою не угас,
Хоть устал и перегружен, -
Значит, жизнь, друг, удалась!

* * *

Если сердцем ощущаешь
Боль чужую, как свою, -
Значит цену жизни знаешь,
Я с тобой в одном строю.

Если с правдою сдружился,
А для сына - ты кумир!
Значит ты не зря явился
В этот грешно- бранный мир...

Если ждут тебя на ужин,
Чтоб вдвоём с тобой побыть -
Значит ты кому-то нужен -
Рано в вечность уходить.

* * *

У МАСТЕРА - работа велика,
У СЕРОСТИ кичливой - дума.
Чем мельче, каменистее река,
Тем больше в перекатах шума...

* * *

Вода есть у реки,
Слова - у языка,
Чтоб благостно текли -
Нужны им берега.
Беда, наверняка
Войдёт в разгул,
Когда
В плену стихий река,
Язык - у дурака...

* * *

Всё так огромно во Вселенной,
А мы с ней целое, одно...
Но почему же жизни брэнной
Так мало времени дано?

Но видно разговор сей всуе -
Жизнь сам не ценит человек:
Спокон веков он всё воюет,
Свой краткий сокращая век...

В КОНЦЕ - НАЧАЛО

Концы есть у полей и рек,
Конец есть у дороги,
Конечен миг, конечен век -
Концов всех очень много.
И, к сожаленью, есть конец
У нашей жизни брэнной.
Но пусть всё ж скажет мне мудрец:
А где конец ВСЕЛЕННОЙ?
Откуда взялись: звёздный мир,
Исток МАТЕРИАЛА,
И тот, кто это всё творил?
И есть ли здесь НАЧАЛО?..

*Памяти В.Е.Крайневой,
руководителю
клуба любителей поэзии «Эхо»*

Она была б сегодня с нами...
Её улыбка, тёплый взор
Горели пламенем, как знамя,
И грели всех нас, как костёр.
Когда она стихи читала -
Преображался её лик!
Она цвела и ликовала
И ярким становился миг.
И «Эхо» было вдохновенно,
Когда в кругу коллег-друзей
В вечерний час самозабвенно
Журчал поэзии ручей...
Она ушла, как будто вышла
Пройтись по улице родной...
Как быстро отцветает вишня,
И очень краток день земной.

Олег ГРИГОРЬЕВ

Дарить и помнить

* * *

Ох, тоска, тоска, тоска -
Грусть печальная,
Снова ждет меня она –
Ох, дорога дальняя.
Снова ждут меня снега,
Да метели белые.
Снова будет ждать меня
Девочка несмелая...

* * *

Налилась благоуханием природа,
А пионы – невозможной красоты!
Помнишь, как когда-то, на восходе,
Я дарил тебе воздушные цветы...

* * *

Пенье птиц над утренней росой, -
Свежесть улыбающихся губ.
А заря, на призрачном просторе
Целовала нежность твоих рук...

* * *

А мы вернулись к жизни суетливой,
Возобновляя одинокий бег,
Со скоростью морского пилигрима
Переживать отпущенный нам век.

Брату Гене посвящается

Тихо и холодно стало
В городе и на земле.
Слёзы из глаз не устанут
Литься ,родной, о тебе.
Мир тебе.
Успокоенья,
Милый ты наш человек!
Душе твоей – к Богу в смиренье,
А нам только Память.
Вовек...

* * *

Никогда!
Никогда?
Никогда...
За этим словом приходит беда.
Но уживается с нами всегда -
Отрицанье жестокое из « Никогда».
Никогда не увидев тебя,
Твою руку уже не пожму.
Никогда тебя не обниму.
И в страну из сплошных « никогда»
Только память уносят года...

Где ж мы молоды были,
Когда,
Мы дарили тепло и улыбки свои
Людям всем,
Навсегда?
Навсегда!
Пожелтела деревьев листва,
Когда шел ты от нас навсегда,
Но сердцам ,словно
Рощам,
Садам,
Не забыть тебя
Никогда!

* * *

Холодно осенью стало,
На улице утром темно,
Даже птица взлетает вяло, -
Зима постучалась в окно...
Вот и все – кончилось лето.
Впереди – метели, морозы,
Только в память врезались эти
На могиле уснувшие розы.
Пробежали дожди, опустели
Напоенные радостью дни,
Вместе с птицей они улетели,
И не скоро вернутся они.
Наша жизнь – это только прощанье
С летом, весной и зимой,
Но задумчивых роз увяданье,
Никогда не простится со мной.

* * *

Ночью, проснувшись в стране несбывшихся снов,
Я оказался в стране недосказанных слов.
Реки, моря и такие же горы и лес
В этой стране - стране недописанных пес.
Фразы, слетая, там тонут в туманной воде,
Не успевая сказать вам о чьей-то беде,
Не долетая до дальних других берегов.
В этой стране - стране недосказанных слов -
Были мосты, и когда-то паромщик был жив,
Но он скончался, старуху свою побранив,
И никому не оставив свое ремесло.
И, как назло, все мосты в тот же год унесло -
Не докричаться нельзя и нельзя помечтать,
Люди привыкли там просто смотреть и молчать,
В этой проклятой стране недосказанных слов,
В этой стране - стране несбывшихся снов.

* * *

Клен над домом, старый-старый,
И луна в ветвях.
Листьев нет, все листья пали
С ветрами в боях.
Все, что было, то, что будет -
Где-то там, вдали.
А сейчас лишь старый клен
Да луна в ночи.
Сигареты слабый запах
Под моим окном.
Что такое тридцать лет
В сумраке ночном?

* * *

Где ты, моя молодость -
Голубой закат?
Поезда ночные
В сумраке гудят,
Небо в перьях белых,
Годам вопреки,
Молодость ушедшая,
Словно бег реки.

Были ночи лунные
Да лишь стук колес,
Отделял любимую
От летящих звезд!
Были ночи темные,
Ласки до зари, -
Словно всплески молнии,
Молодость любви!

Поезда ночные -
Слышен стук колес...
Мне теперь роднее
Тихий шум берез.
Время пролетело,
Время алых роз, -
Молодость прошедшая, -
Словно шелест звезд.

* * *

Если нам с тобой расстаться
В этой жизни суждено,
Значит, осень наступила,
Значит, кончилось тепло
Если нам с тобой встречаться
В этой жизни не дано,
Значит, нет на свете счастья
Значит выдумка оно.
Любви все возрасты покорны
Она способна делать чудеса.
Любовь нам душу окрыляет,
Она же разбивает нам сердца.

* * *

Все пройдет, все будет хорошо.
Снова зацветет жасмин в апреле,
Несмотря на зимние метели,
Растворим закрытое окно.

Все пройдет, лишь только легкий снег
Ляжет на озябшие ладони.
О кошмарах призрачных агоний
Ты забудешь, милый человек.

Все пройдет - и времени расплата
И дождей осенних перекоп,
Сад, который так давно зарос -
Рыцарь твой без доблести и злата...

Все пройдет, лишь только детский смех
В тишине порвет струну стальную,
И ворвется в пору ту ночную,
Пробужденный наш с тобою грех.

* * *

С надломленной душой
Скитаемся по свету
И все чего-то ждем,
Но счастья все же нет.
Тоскуем по мечте,
Несбывшейся когда-то, -
Живем почти как все
И не хотим возврата.

* * *

Был ветер, гром, потом затишье было,
Потом гроза, не встретившись, прошла
Куда-то.
Где-то, вроде бы над нами,
Ее попутчики вели свою игру...
Но ночь прошла, и утро наступило,
И не дожидаться нам с тобой грозу.
И не к чему нам слов пустых бравада -
Гроза ушла, давай-ка помолчим!
К чему ответы на известные вопросы?
Не стоит попросту...
Кто ветром был гоним.

* * *

Мечта сидеть и ни о чем не думать, -
Смотреть в огонь и пить горячее вино,
Поразмышлять о жизни неразумной,
И посмотреть в замерзшее окно...
Окно скрипит, но терпит непогоду.
Оно не может высказаться вслух,
Оно не просит о защите сроду,
Оно - окно, а человек к нему глух!

Вот так и я, как множество подобных,
Не жалею и Бога не прошу
Продлить мой час.
Зачем?
Ведь я не первый,
И совсем не добрый.
Я все свое в себе всегда ношу.

* * *

День прошел, как много других
Скучных, обыденных дней:
С утра на работу, с работы домой -
Поесть и уснуть поскорей...

В душе пустота - нет ничего:
Ни радости, ни печали -
Истуканом стою , смотрю в окно
В ночные беззвездные дали...

На улице дождь.
Дождь в феврале.
И ветер деревья качает.
А завтра снова обычный день.
Не это ли нас кончает?!

* * *

Ну, вот и все.
Забуду о тебе.
Зачем любить
Надеяться и ждать?
Все очень просто -
Я тебе не нужен!
И вся беда, что сразу
Я этого не смог понять!

* * *

Я, как Гамлет, задаю себе вопрос:
Для чего живу на этом свете я?
Есть ли смысл, нужна ли ты кому
Тусклая, немая жизнь моя?
Я ведь, тень, я холод без тепла:
Не согрею никого, не рассмешу
На людей своим я видом и речами
Скуку и зевоту навожу.
Да, я скучен, смех давно потерял,
Улыбаюсь я, и то - в глазах тоска.
Молчалив я, равнодушный пессимист
Это моя главная черта.
Я вас прошу, не трогайте меня.
Я вас прошу, не надо ради Бога,
Ведь есть у каждого из вас
Своя нелегкая дорога -
Вот и идите вы дорогой той.
Без всяких мимолетных отклонений,
Не создавая трудностей себе,
Не причиняя мне мучений,
Ведь я такой уж странный человек.
Мне не нужны советы ваши -
От них ведь, право, толку вовсе нет.
И жизнь моя не станет краше,
Я с детства к одиночеству привык.
Мне чуждо ваше общество людское,
От вас прошу я только одного -
Оставьте вы меня в покое,
А я найду свой домик у пруда -
Среди лесов и водной глади,
Где буду жить совсем-совсем один,
И песни петь, на солнце глядя.

*Геннадий Генераленко
«Грусть»*

* * *

Кто по натуре
        добрый человек,
Кто злости на других и
        не срывает,
Тот, кто умеет
        только лишь прощать,
Тот сам, в конце концов и
        погибает.

* * *

Где же мой дом?
Дом мой родной
Тот, что ночами
Сниться порой?
Где моя мать?
Где мой отец?
Куда залетел
Их последний птенец?
Где мой очаг?
Пламя огня,
Что согревало
Меня в холода?
Когда я увижу
Город родной,
Скоро ли? Летом?
А может, зимой?

* * *

Почему я хочу все знать?
Почему я хочу все понять?
Почему я хочу знать то,
Чего знать мне не суждено?
Для чего существует любовь?
Затем, чтобы вновь и вновь
Опять расставаться с любимой?
Или, чтобы сказать всему миру
Люблю я ее!
Ну и что?
Счастливей не станет никто.
Зачем я живу на свете?
Чтоб после меня были дети?
Затем, чтоб им к старости лет
Уйти вслед за мной на тот свет?
Зачем вообще мы живем?
Зачем опадает клен?
Зачем наступает зима,
Чтоб следом пришла весна?
Зачем же тогда холода?
Тепло пусть будет всегда!
Зачем мы стареем когда-то?
Что это? Жизни расплата?
Почему мы живем так мало?
Чтобы кладбище не пустовало?
Почему мы не можем летать?
Почему мы не можем не врать?
Почему не хочу я понять,
Что вопросов не сосчитать?

* * *

Ты чудо природы,
Ты тайна из тайн,
Ты яркое солнце,
Ты мрачный туман,
Ты холод глубинный,
Ты пламя огня,
Ты славный носитель
Веселья, добра,
Но ты же и - смерть,
Ты черная мгла,
Ты черная туча
Средь белого дня.
Кто же ты есть
На самом-то деле?
Тебя мне никак не понять.
Ты так и осталась
Загадкою тайной -
Тебя я не смог разгадать.

* * *

Говорим мы часто - да
Говорим, что чернь бела,
Говорим, что даль близка,
Что ущелье - высота,
Что вокруг нас много зла,
Что погибнет доброта...
Говорим неправду мы -
Ложью с детства мы полны.

* * *

Я смотрю в наш сад, такой печальный,
Что когда-то солнцем был объят.
А теперь лишь мокрые деревья
На меня с тоской бросают взгляд.
Ты сидишь в уютном старом кресле,
На меня с улыбкою глядишь.
Ты руки моей коснулась очень нежно,
Ты о чем-то молча говоришь...
Вижу образ твой, ловлю его, но поздно,
Нет тебя, видение прошло
И лишь только легкий шелест платья
Донесло открытое окно.
Горят дрова в камине. В нашем доме
Всегда уютно, сухо и тепло,
А на дворе все тот же скучный дождик
Стучит, стучит в промокшее стекло.

* * *

Люблю я сумерки
И дождь,
И тишину,
И шум берез,
И ночь,
Луну печальную.
Люблю дорогу
Дальнюю
И птицу в небе,
И моря, -
Ведь это все
Моя земля!
Люблю я все
Прекрасное,
Люблю я
Солнце красное,
Люблю, люблю
И жить,
Не видя этого
Уж больше,
Не смогу.

* * *

Скажи, на свете ты зачем живешь
И на земле ты проливаешь чью то кровь?
Зачем в наш чудный мир явился ты
И топчешь яркие весенние цветы?

Скажи, не можешь разве ты никак понять,
Что красоту земную незачем топтать?
Что красота жива, пока есть мы
И что живешь один на свете ты?

Ведь ты умрешь, и на могилу ту
Мы не прольем скорбящую слезу
Ты не увидишь на могиле той
Цветов, которые топтал своей ногой.

* * *

На прощание скажу тебе: «Люблю»,
Под осенний шелест листопада,
Это слово трижды повторю
И мне больше ничего не надо.

Я тебе, под тихий шум дождя,
Твои руки нежно согревая,
Расскажу, как я хотел тебя,
В пролетевших днях любви и мая.

А потом в осенней кутерьме,
Растворюсь, судьбой своей играя,
Устремлюсь к лазурной вышине
В небо одиноко улетаю.

* * *

Прости!
Но я хотел опять
Все заново с тобой начать!
Хотел любить тебя, ласкать,
Ловить твоё дыхание
И с нетерпением,
Как прежде,
С тобою ждать свидания!

Хотел!
С тобою рядом быть,
По жизни в одной лодке плыть,
И о судьбе своей забыть
Хоть на одно мгновение,
Почувствовать и жизни пульс,
И ветра
Дуновение.

Но нет!
Нам в реку дважды не войти,
И мост к тебе мне, видно, не найти,
А у людей, потерянных в пути,
Надежда тает в ожидании,
С любовью вместе умирает,
И волны им поют
О расставании.

*Геннадий Генераленко
«К Элизе»*

* * *

То, что кажется,
То, что видится,
Не исполнится,
И не сбудется.
Не потеряно
И не найдено
Счастье девичье
Запоздалое.

А в душе вопрос
Не потерянный:
Ах, зачем же я
Это сделала?
Ведь не сбудется
То, что снилось мне,
Не исполнится
То, что виделось.

То, что кажется,
То, что видится,
Не исполнится
И не сбудется.
Счастье девичье
Запоздалое,
Не потеряно
И не найдено.

* * *

Что ждет меня этой осенью,
Бед, каких мне судьба наготовила?
Может, ждет меня небо с проседью,
Или облако ждет бирюзовое?

Может быть, мне упасть на небо
И разбиться об это облако,
Оказаться в стране, где я не был,
Где не стану твоим я любовником?

И где в поисках лучшей доли
Я навеки смогу потеряться,
Мне с тобою проститься что ли,
Что бы больше нам ни встречаться?

Мы в сердцах сохраним наше лето,
Наши чувства - далекие, нежные,
Никогда не вернется к нам это,
Наши чувства не станут прежними.

Что же ждет меня этой осенью,
От нее я дождусь ли ответа?
Может быть - это небо с проседью,
Может быть - это облачко лета?

Детский
уголок

Елизавета ПАРФЕНОВА

ЗИМА

Снег кружится и кружится -
Звездочками падает.
Белой простыней ложится,
И детишек радует!
Замела метель дорогу,
Все тропинки и пути,
Через пухлые сугробы,
Ни проехать, ни пройти!
Серебристый, но и белый
Снег под солнышком блестит,
Лес в сугроб вступивший смело, -
Им укрывшись, крепко спит.
Все деревья в белых шапках, -
Знать, - уютно и тепло!
Ветки тонкие - в перчатках,
Пальцы чтобы не замело...
Сверху снег все сыплет, сыплет,
Приминая все вокруг.
Прохудилось, словно сито,
Небо хмурое, мой друг!

ИНЗА

Как живешь моя ты, Инза,
Город юности моей?
Главный город в нашей жизни,
Страшных и военных дней?!
А с Зеленого Кордона,
Вдоль «железки», - все леском,
Каждый день, уйдя из дома,
Я за почтой шла пешком...
А была еще девчонкой, -
Но война сравняла всех.
В старой, ветхой одежонке -
Мы трудились, не присев.
В дни тревоги, даже ночью,
Писем перла я мешок,
Ждали их солдаты очень,
Окрестив меня: «Дружок»!
Я на фронт их провожая,
У дороги, всю войну, -
Все ждала с надеждой, зная,
Что не все назад придут...
Хоть и лет прошло немало,
Та тревога все жива.
Из дивизии немалой,
Что у нас тогда стояла, -
Кто ж вернулся по домам?!

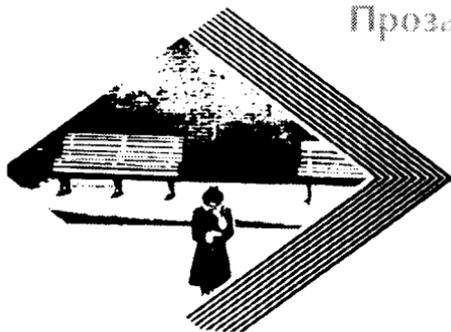
Инза, город светлой рани,
Нам не помнить ли тебя,-
Ни войну, ни смерть, ни раны, -
Письма, родину, ребят!

БЛАГОДАТЬ

Лето, осень на исходе.
Часто дождик моросит.
Что поспело в огороде, -
В погребах уже лежит.
Лук, чеснок, морковь, картошка,
Свекла, - радуют народ, -
Нам помогут понемножку,
В дни, когда мороз придет.
Птицам семечек подсыплем,
Сами - яблок поедим...
Урожай собрали сытный,
На морозы не глядим.

ПРОГУЛКА

Мы с собакою вдвоем
Гулять вечером идем.
Она рада и скулит,
Впереди меня бежит:
Бежит - кувыркается,
Да в снегу купается...
А других собак встречает -
Всех оближет, обласкает.
Но меня оберегает -
Их ко мне не подпускает.
Ее любят все соседи,
Уважают даже дети,
И она на них не лает,
Узнает и обожает.
Завтра вечером опять
Поведу ее гулять!

Александр ОСИПОВ

Дидактика

*«Да здравствуют маленькие,
когда нет больших героев...»
М. Горький.*

- Поставь ты ему эту несчастную тройку, и пропади оно всё пропадом. Третью ночь не спишь. Сколько можно, в конце концов. Плетью обуха не перешибёшь. Зачем тебе это нужно, - говорила утром жена преподавателю техникума Макарову, мрачно возившему бритвой по осунувшимся щекам.

- А лесом на работу больше не ходи. Подкараулит и пырнёт ножом. У них это теперь запросто. Им, молодым, нынче море по колено. Умоляю, Павлик. Садись на маршрутку. Ближе к людям будь. На стадионе тоже один не гуляй.

- Ну хватит, хватит, заладила с утра. Знал бы, не говорил. Дёрнуло меня, дурака.

- Нельзя, нельзя, Павлик, всё в себе носить. Я же вижу - ты сам не свой ходишь.

Вот уже четвёртый день супруги жили в каком-то тревожно-напряжённом состоянии. К тому же «ящик» (так называл телевизор Макаров) ежевечерне смаковал подробности убийства генерала-пограничника, вставшего на пути рыбной мафии.

* * *

Когда студент младших курсов Иванкин терроризировал преподавателей общеобразовательного цикла, Макарову до этого не было никакого дела. Он редко заходил в преподавательскую из-за царящего там «матриархата», сплетен и пересудов. И всё же в разное время слышал, как женщины называли Иванкина мучителем, наглецом, террористом и бандитом, на которого нет управы. Иванкин (по их мнению) ничего не знал, занятия посещал редко, но ему нужно было ставить положительные оценки. Макаров иногда спрашивал, почему?

- Узнаете, когда до вас очередь дойдёт. Всё узнаете. И будете ставить точно так же, - слышал он в ответ. При этом добавляли, что Иванкин наркоман и от него можно ожидать чего угодно. Высокомерная улыбка Макарова, которой он одаривал «заблудших женщин», вероятно, означала - «у меня такие номера не пройдут...»

Так шли недели, месяцы, семестры.

* * *

И вот однажды в начале очередного учебного года Макаров, раскрыв классный журнал группы, с которой предстояло работать, увидел фамилию «Иванкин». Самого носителя этой фамилии на занятии не было, а на вопрос, где он, староста группы - худенькая, кривоногая девочка с оголённым пупком, украшенным серёжкой, - только пожала плечами...

Павел Петрович Макаров в «застойные» времена считался одним из лучших преподавателей в техникуме. Теперь же этот среднестатистический пенсионер потерял всякий интерес к педагогике из-за внедрения платного обучения в среднее профессиональное образование и тянул ляжку лишь потому, чтобы хоть как-то поправить материальное положение.

По неписанному правилу, «часы» его были отданы молодым, а он зачищал хвосты: безопасность жизнедеятельности, охрана труда, основы права, которые никто не хотел брать. На них отводилось 20-30 часов по учебному плану, а студенты относились и к этим дисциплинам и к преподающим их - наплевательски.

Макаров благополучно вычитал уже более половины курса, но студент Иванкин так и не появился на занятиях, вселив тем самым в педагога уверенность, что продолжать учёбу тот не собирается. В быстротекущей толкучке будней П.П. успел узнать, что Иванкин более или менее посещает другие занятия, что папа его работает в мэрии, что сам студент Иванкин работает «в фирме» и что у него так называемое «свободное посещение». При этом педагоги, которым Иванкин изрядно «намял бока», выразили уверенность, что он придет к П.П. только за оценкой перед самым концом курса.

- Но как же я выставлю, - горячился П.П. - ведь руководство толкует...

- Выставите, как миленький. Никуда не денетесь. У него папа, - и многозначительно показывали пальцем вверх.

* * *

И вот, когда семьдесят процентов материала было уже «выдано», П.П. увидел сидящего в задних рядах новичка - долговязого, тшедушного парня с испитым, бледным лицом и большими, неподвижными глазами. Это и был «легендарный» Иванкин. Взгляд его был тяжёл и не предвещал ничего хорошего. Вёл он себя развязно, со своим окружением разговаривал вслух и довольно громко. Конспекта не вёл, чего П.П. страшно не любил, ибо считал записывание - инструментом поддержания дисциплины и покорности. П.П. всегда диктовал быстро, чтобы студенты не успевали поднять головы и чтобы у них не оставалось времени для баловства и демагогии. Свои конспекты он ценил высоко, называя их «выжимками сути» из трёх-четырёх учебников. Лиц, которые не записывали, спрашивал с пристрасти-

ем, и поскольку все они (за редким исключением) не заглядывали в учебник, то в конце концов сдавались и покорно строчили всё, что диктовал им этот «корифей».

Прозвенел звонок с урока, и преподаватель попытался было выяснить у Иванкина причину непосещения занятий, но последний, явно не расположенный к беседе, ответил:

- Чё ходить. Я и так всё знаю.

- Но откуда? - изумился П.П.

- Нас этой галиматьёй ещё в школе угощали.

- Но ОБЖ и БЖ - разные предметы, - донимал Иванкина П.П.

- Та же хрень, - изрёк Иванкин, вынул из кармана сигарету, ловко закинул её в рот и демонстративно удалился.

«Ну и фрукт, - подумал П.П., - этого не проймёшь никакими инновационными штучками, вроде «древа познания», «модулей», «таблиц», интерактивных досок и прочих ухищрений новейшей педагогики». И всё же Иванкин ещё раз удостоил свою жертву присутствием. «Стреляный воробей», составивший на педпоприще, ухитрился заманить его к доске и вызвать на разговор по существу. Естественно, грубиян Иванкин не имел даже малейшего представления о предмете, однако, пробормотал что-то из школьного курса ОБЖ. П.П. «на всякий пожарный» выставил ему в журнал тройку, имея ввиду (как толковали законы дидактики) «побудить обучаемого» к дальнейшим подвигам на ниве просвещения. Но счастливец Иванкин, никогда не слышавший слова «дидактика», больше не пришёл на занятия до итогового урока...

- А вам, Ивакин, придётся записать темы, которые пропустили и сдавать. Можно по частям, - смягчился П. П., приготовившись продиктовать их.

- Да ты чё, дед, упал? - возмутился «студент», у которого и ручки-то не было. - Ну кино! Хошь проблемы иметь? Ставь трояк. Не парься.

- Выйди немедленно, - обозлился П.П., - перспишшь сам и придёшь сдавать.

- Не получится, - многозначительно процедил новейший фонвизинский Митрофан, удаляясь

* * *

Оставалось не так много времени до отпуска, и П.П. всё ещё наивно полагал, что Иванкин придёт, раскается, хоть что-то ответит. Увы, этого не произошло. Беспокойный старик брал временами классный журнал и замечал, как по мере приближения отпусков двойки Иванкина чудодейственным образом трансформировались в положительные оценки, и однажды обнаружил, что не успевает мучитель лишь по двум предметам: информатике и безопасности жизнедеятельности. Преподаватель информатики был самым «несговорчивым» и, доставляя много хлопот администрации в части приглаживания показателей и на педсоветах, «получал по шее».

К нему-то с надеждой и отправился было П.П., однако, взяв перед этим журнал, с удивлением обнаружил, что «информатик» сдался два дня тому назад. «Вот оно, возмездие, - удручённо подумал П.П., - за грехи мне. Не иначе». Иванкин же едва ли не каждый день шумно курил у парадного подъез-

да техникума, громко хохотал, окружённый друзьями, и едва ли не задевая плечом П.П., смотрел куда-то мимо и никогда не здоровался. Всё это задевало старика, но и только...

Как сам П.П. был равнодушен к болям коллег, которые когда-то мучались с Иванкиным, так и теперь коллеги платили ему тем же. Да, собственно, по другому и быть не могло: «другие времена - другие песни».

* * *

Оставалось уже совсем немного времени до конца учебного года, впереди маячил долгожданный отпуск, Иванкин не являлся, и в душе старика копилось беспокойство. Он слишком хорошо знал, что именно он, Павел Петрович, в конце концов останется крайним: именно ему будут выговаривать на педсовете за «хвост» по такому несерьёзному предмету; именно его обяжут во время отпуска ловить Иванкина, а может, даже «округлят» в бухгалтерии отпускные до тех пор, пока двойка Иванкина не превратится в тройку.

Эти ли обстоятельства или слабеющие нервы старика (автор не берётся судить), подтолкнули к роковой ошибке - П.П. решился позвонить родителям Иванкина. К несчастью, трубку взял сам Иванкин, голос которого П.П. не узнал, и только изложив суть дела, заподозрил, что говорил с «подопечным», а не с отцом. Не прошло, наверное, и двух часов, как «добрый молодец» с невысоким парнем встретил П.П. в пустынном, тёмном коридоре лабораторного корпуса и попытался преградить старику дорогу. Выражение лица у него было зверское, и П.П. услышал:

- Те-е кто дал право звонить родителям? Кто просил? Я самостоятельный человек! С..ть я хотел на твоё долбаное БЖ! Я три года бабло плачу. Понял? Ты чё, издеваться? Не поставишь трояк - я те кумпол расколю! - орал Иванкин.

П.П. был очень крепким стариком. В молодости, проходя действительную военную службу во флоте, был даже чемпионом бригады торпедных катеров по классической борьбе. Он и сейчас ещё мог легко «размазать» дохляка» Иванкина по стенке вместе с «телохранителем». Взбесившись от неслыханной наглости и, сжав пудовые кулаки, он двинулся на обидчика... И, если бы не стены техникума, заработал бы себе срок, изувечив юнца.

Но мысль о том, что «дадут, как за хорошего», и сознание того, что это станет прецедентом на весь город, заставила его опомниться.

- Хотел бы я встретить тебя на улице, сопляк! Очень! И тебя тоже, - полуобернулся он к «телохранителю». - А ты кто? - грозно спросил он последнего, шагнув к нему.

- Дядя, - жалко пролепетал парень, покосившись на кулачищи Павла Петровича.

- Дядя на х.. глядя, - отбросил П.П. излишнюю педагогику, - припёрся дурачок меня пугать? Запомни, щенок, - прорычал П.П. Иванкину, - твоё счастье, что мы в стенах техникума. Вон отсюда, мразь!

- Я тя предупредил, - огрызнулся тот, отступая, - мотри, готовься...

... Три дня и три вечера П.П. нарочно один ходил по лесу, стадиону и улицам, страстно желая встретиться с врагом своим. Нервно-безрассудный азарт охватил его мозг и тело. Вспоминалось списание с гвардейского кораб-

ля за драку с «сапогами» (солдатами) и прочие грехи далёкой молодости. Но Иванкин, слава Богу, ему не попался.

* * *

- Нет! Ты представляешь, каков шенок, А? Грозить мне? Преподавателю? Мне Пашке Макарову, первому кулачному бойцу в бригаде торпедных катеров? Ну и ну! Дожили, коммерция, мать их, - возмутился Макаров дома.

- Успокойся, Павлик. Это всё давно было. А теперь ты у меня старичок. Пенсионер, - ласково отвечала жена. - Ещё не хватало беды на старости лет. Плюнь на всё. Генерала сожгли. А мы кто? Забыл, как такому же преподавателю в нашем СПТУ за двойку голову проломил. Инвалидом сделали. А он помоложе тебя лет на двадцать. Подводник бывший. Ну и что? Ты этого хочешь? Поставь три, и дело с концом, - продолжала она. - Конечно, администрация обязана принять меры. Как-то воздействовать на этого, как его, ...Болванкина.

- Иванкина, - поправил Макаров.

- Чтобы сохранить твоё лицо, - продолжала жена, - у нас был подобный случай... Надо поставить в известность руководство.

- Я докладную директору написал. И что? Идите, говорит, к участковому. Он вам должен охрану обеспечить. А я-то, дурень старый, думал, что он педсовет немедля соберет: «Свистать всех наверх!» Прецедент, как никак. Куда там! В отпуск сбежал. Женщине-заместителю разбираться поручил. Песталоцци выискался... - Вспомнил Макаров великого швейцарского педагога начала девятнадцатого века. - Через два века, понимаешь... Теперь я у женщины защиту должен искать. С такими кулачищами. Защитите меня, бедного, Марья Петровна, от бандита Иванкина! Смех на палочке. Делать больше нечего.

- Успокойся, Павлик. Ну их, всех! Они молодые. Теперь их время. Я давно говорю - бросай. Проживём как-нибудь. Прощать всех надо. Ты же добрый, я знаю. Поставь тройку - и дело с концом. Этот, как его, Болванкин в ус не дует, а тут... Он море денег выплатил за годы учебы. Вникни. Я слышала, теперь даже зачёты покупают. А курсовые и дипломные сами преподаватели студентам делают. Кто - сколько берут. Кто три «штуки», а кто шесть... Время такое, прости Господи. Никто тебя, Павлик, не поддержит. Сдайся. Теперь деньги главное. Не зря же они ввели коммерческую тайну на доходы для себя, любимых. «Низы» тоже не теряются. Вон и газеты пестрят объявлениями: «Выполню курсовые, дипломные, контрольные. Недорого. Телефон...» Сама читала. А ты о Песталоцци...

* * *

- Ой! Вы даже не представляете, Павел Петрович, какой подарок мне сделали с самого утра! Вот он, сон-то! В руку. Всё утро снился мне Крым, Коктебель и море. А я плыву, плыву, плыву. К чему бы это, думаю? Ой, как правильно вы сделали. Какой груз с меня сняли. Я ведь сижу, а перед глазами ваша докладная. Что с ней делать, ума не приложу, - ласково ворковала Марья Петровна, полная ухоженная дама с золотой цепочкой на короткой шее и красивыми, выразительными глазами. Пухлые пальчики рук её, униженные

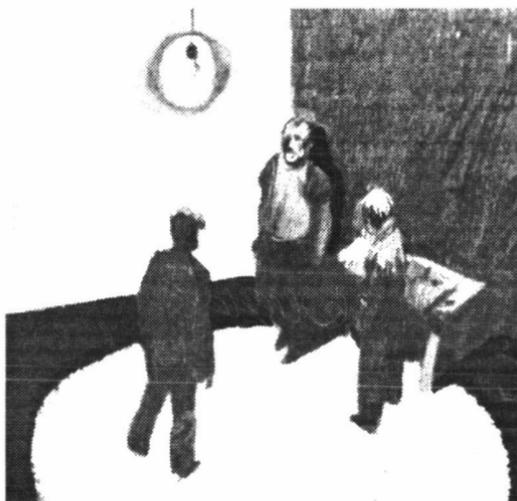
золотыми кольцами с процентов от «учебной коммерческой деятельности», слегка дрожали от радостного волнения, а необъятная грудь колыхалась.

- Всё, Мария Петровна. Можете порвать её. Пришлось наступить на горло собственной песне. Я выставил Иванкину три. Вопрос закрыт, - доложил Макаров.

- Ой, Павел Петрович, я всегда была о вас самого высокого мнения, - пропела М.П., протянув Макарову докладную.

...У «парадного подъезда» старик облегчённо вздохнул, завёл старенькую «копейку» и, осторожно лавируя между «Тоётой» Иванкина и «Рено» Марии Петровны, отправился на дачу спасать металлическую ёмкость, приготовленную «народными умельцами» к сдаче на металлолом.

Ноябрь. 2007 год.

Александр НИКОНОВ

Ковчег острова Альмендралехо

(приключенческий научно-фантастический роман)

*РЕДАКТОР: - Какие приключения,
какие открытия, когда человечество
исследовало земной шарик, как крестьянин
собственный огород!*

ПИСАТЕЛЬ: (в уме) - Ага, щас!

1

27 апреля 201... года все средства массовой информации Соединённых Штатов Америки взорвались сенсацией: пропал известный миллиардер, владелец судостроительной компании мистер Николас Черрик. А обнаружилось это вот как.

Господин Черрик, известный любитель морских и наземных путешествий, на собственной океанской яхте отправился в очередное плавание и в планируемое время не вернулся. По сведениям родственников он намеревался на этот раз обогнуть Гренландию через Датский пролив, с остановкой в Скорсбисунне, пройти Гренландским морем до северной, полярной, её оконечности, затем с Запада пройти между Гренландией и канадским островом Элсмир, а затем через море Баффина и Девисов пролив, выйти в Лабрадорскую котловину.

Все сколь-нибудь понимающие в путешествиях люди говорили, что предпринимать такое рискованное предприятие в это время года по этому маршруту - полнейшее безумие. Но господин Черрик, по словам родных и друзей, был непреклонен, потому что очень давно намечал своё северное путешествие. И вот предсказания скептиков сбылись. После того как яхта под русским названием «Аннушка» не вышла на очередной сеанс связи ни по радио, ни по интернету, родственники заволновались.

Особенно заволновалась госпожа Эмили Черрик, супруга пропавшего бизнесмена и известная светская львица. На самом деле супруги уже давно не жили одной семьёй, но светские приличия и экономические выгоды ещё держали их друг возле друга, как взаимное притяжение Земли и Луны держат их рядом. Именно в этот момент ей понадобились деньги на очередное развлечение, которое она себе наметила, - это полёт на космическом челноке, где она намеревалась провести несколько часов со своим очередным бой-фрэндом. Бой-фрэнды Дик был нетерпелив и настойчив, он грозил, что если Эмили не исполнит его прихоти, он немедленно её бросит и уйдёт к стареющей актрисе, которая хоть и не настолько богата, как госпожа Черрик, но готова удовлетворить все его желания. Но сейчас космическое путешествие ей было явно не по карману, потому что стоило оно с полётом на космическом челноке несколько миллионов долларов. Похоже, её волновала не столько судьба мужа, сколько дальнейшее своё благополучие.

Вначале печать и радиоэлектронные средства высказывали лишь осторожные сожаления и намёки по поводу случившегося и строили различные предположения о местонахождении мистера Черрика. Одни писали, что, возможно, господин Черрик и не планировал никакого путешествия, что это было лишь отвлекающим маневром для папарацци, и сейчас мистер Черрик нежит свое стареющее тело под лучами солнца на каком-нибудь экзотическом знойном острове в кампании не менее знойной подружки. Другие предполагали, что таким экстравагантным образом миллиардер решил вернуться на свою историческую родину, в Россию, из которой он сбежал более тридцати лет назад. Было известно, что, закончив судостроительный институт в СССР и, не найдя применения своим изобретениям в развивающейся стране, он предпочёл уехать на Запад, бросив свою молодую любовницу, комнату в коммунальной квартире и мебель в виде стола, служившим рабочим и одновременно кухонным, и два табурета в кишевшей тараканами комнатухе. Третьи предполагали самое худшее: яхту затёрло, а затем раздавило во льдах Арктики, и где сейчас могут находиться путешественники, одному Богу известно.

Были оповещены все спасательные службы приарктических государств: Дании, Исландии, Норвегии, России, Канады, но после многодневных поисков выяснилось, что такое судно не встречали ни на севере Атлантики, ни в Гренландии, ни у Шпицбергена. Лишь спасательная служба Исландии сообщила, что в порт Рейкьявика заходила на дозаправку частная подводная лодка, принадлежащая Николасу Черрику, но самого владельца на её борту не оказалось. Куда затем яхта ушла, было неизвестно, потому что капитан подводного судна Дарио Куатрини заявил, что действует по распоряжению владельца, а сам владелец никаких других указаний не давал, кроме одного - лодка должна прибыть в начале мая в порт Глазго. Капитан подводной лодки срочно был допрошен, но он не сказал ничего нового. Правда, была выявлена одна странность: все радиосообщения с подлодки совпадали с радиосообщениями с яхты «Аннушка» - и по времени, и по месту. Значит, командир яхты и капитан субмарины вели переговоры. Тогда возникали закономерные вопросы: какие и для чего? Когда капитана спросили, как он объяснит такую странность, он ответил буквально:

- Господа, я сам ничего не понимаю. Да, я знал об экспедиции господина Черрика, но я выполнял лишь его приказы. Вы же понимаете, что я не мог этого не делать. Для чего это было нужно, я тоже не знаю. Могу лишь дополнить, что господин Черрик намеревался выходить в море через двое суток после выхода нашей субмарины. Вот и все.

Через несколько дней из Бразилии пришло странное сообщение: во время разведывательных полётов экипаж военного самолета вооружённых сил Бразилии под командованием бригадейро Мираси Боророти севернее острова Тристан-да-Кунья обнаружил странное судно, похожее на океанскую яхту, которое двигалось неестественно для управляемого судна - боком по отношению к курсу.

Срочно был допрошен бригадейро Боророти. Чернявый малый со сплюсненной головой, отчего его уши казались двумя ручками суповой тарелки, пояснил:

- Вы понимаете, я тоже, возможно, не заметил бы этой яхты, но впереди был грозовой фронт, и пришлось под него «подныривать», чтобы не обходить стороной, потому что нам было предписано следовать строго по курсу. Вот тут-то я её и увидел. Высота была небольшая, всего около километра, и потому я ясно рассмотрел это судно с голубыми и красными полосами по белым бортам.

Дознаватель спросил:

- А почему вы обратили на неё внимание, ведь в этом районе проходит много различных судов?

- Да, там были ещё два судна: один сухогруз и два контейнеровоза. Но эта яхта двигалась как-то неестественно, боком, что ли. Такое впечатление, что её сносило течением, и ею никто не управлял.

- Может быть, люди просто заснули?

- Возможно, - пожевав черный ус, ответил бригадейро. - Но, когда я возвращался назад, эта яхта оставалась в том же положении. Это было очень странно.

- Что же здесь странного?

- Яхта очень большая, а на палубе не было ни одного человека, - пояснил летчик и добавил: - К тому же с флагштока был снят флаг государства, которому принадлежит яхта.

К месту обнаружения яхты был направлен фрегат военно-морских сил США. С помощью космических навигационных систем через трое суток яхта была обнаружена. Правда, в весьма неподходящий момент: в межсезонный период смены весны и лета вдруг начались шторма, которые длились по нескольку суток, а потом в штиль на океан и вовсе опустились покрывала туманов, скрывавшие даже очертания самого фрегата, очень крупного морского судна. Боясь столкнуться в тумане с яхтой, капитан корабля приказал осторожно отойти подальше от того места, где могло находиться судно.

Когда задул свежий зюйд-вест, небо очистилось от облаков и засияло приятно, ласкающее весеннее солнце, поиски возобновились вновь. Уже через несколько часов наблюдатель сообщил, что по правому борту видит большое судно, похожее на яхту «Аннушка». Капитан посмотрел в бинокль: да, по всем приметам, это был тот самый корабль, который им надлежало ра-

зыскать. Вот голубые и красные стрелки по бортам, скошенная, словно у самолета-истребителя рубка, резко выдающийся нос и высокая мачта радио-антенны. Но как ни прекрасна была яхта, она походила сейчас на мёртвую сказочную царевну, которая не могла обойтись без живительного поцелуя царевича. Ни на палубах, ни на надпалубных постройках, ни в рубке, ни за иллюминаторами не прослеживалось ни одного движения, ни одного признака жизни.

Подойдя кабельтова на два к яхте, капитан приказал встать фрегату на плавучие якоря и спустить две шлюпки. Когда помощник командира корабля Бен Лаузон со своей командой обогнул яхту, то с удивлением не обнаружил ни бортовых, ни кормового шторм-трапов. На месте были даже спасательные шлюпки. Но, если на яхте никого нет, как же команда покидала её? Бен Лаузон приказал одной шлюпке оставаться на плаву, а сам с тремя матросами поднялся на яхту.

«Аннушка» встретила их равнодушной тишиной и легкой бортовой качкой, словно капризная красавица, равнодушно покачивающая плечами в ответ на непристойное предложение кавалера. Все каюты были пусты, всё в них было на местах, но не было ни одной личной вещи экипажа, из чего Бен сделал вывод, что люди, находившиеся на борту, не были захвачены врасплох, что покидали они своё океанское прибежище, по-видимому, сами и добровольно. Не наблюдалось ни следов борьбы, ни поспешности, ни беспорядка. Даже сейчас яхта поражала чистотой, опрятностью и даже какой-то кокетливостью.

Машины были в порядке, в танках было достаточно горючего и смазочных материалов, и потому Лаузон недоумевал, по каким причинам экипаж яхты мог бы покинуть судно. Помещения корабля не были заперты на ключ, да и сами ключи аккуратно висели в сервис-шкафчике. В роскошной каюте самого хозяина помощник капитана обнаружил также полный порядок. В зеркальной стенке спальни, обрамлённой малахитовыми узорами, отражалась роскошная огромная кровать размерами с корт для тенниса. Тут же стоял шахматный столик, расквadrаченный розовым и белым мрамором, под которым находились и сами шахматы, сделанные искусным мастером - резчиком из нефрита зеленого и белого цвета. По радиосвязи Лаузон сообщил на корабль, что яхта совершенно пуста, не обнаружено ни одного человека.

Новый информационный взрыв на сей раз потряс не только Америку, но и весь мир. Изголодавшиеся по большим сенсациям газеты, словно голодная стая шакалов вгрызалась в плоть мертвого льва, соревнуясь в предположениях.

«Зюдойче Цайтунг»: «Могущественного американского корабеля похитили его конкуренты? Мистер Николас Черрик исчез вместе со всей командой своей яхты».

«Вашингтон пост»: «Дикий случай с исчезновением одного из самых влиятельных деловых людей Соединенных Штатов Америки. Что это: очередные происки Москвы и Пекина или необъяснимый несчастный случай?»

«Стар»: «Надежный источник сообщает редакции, что господина Николаса Черрика и команду его яхты похитили неизвестные пираты. Именно в то же время и в том же месте, где нашли яхту «Аннушку», моряки танкера

«Престиж» видели судно неизвестной принадлежности. Правда, непонятно, почему пираты не разграбили богатейшую яхту».

«Сан»: «Одна из предсказательниц сообщила редакции, что ещё несколько месяцев назад в одной из частных встреч она сказала госпоже Черрик, что её мужа ждут большие неприятности. Госпожа Черрик ей не поверила и ничего не заплатила. Теперь она платит за своё недоверие».

«Гардиан»: «Случайно ли личная подводная лодка господина Черрика оказалась в районе Гренландии? Что скрывает капитан субмарины?»

«Коммерсантъ»: «В финансовых и банковских кругах России ходят слухи, что в последнее время участились случаи открытия новых банковских счетов на анонимное имя. Уж не капиталы ли это господина Черрика?»

«Морнинг Стар»: «Не приведёт ли исчезновение мистера Черрика к краху крупнейшей в мире судостроительной компании? Акционеры компании в тревоге, что будет с активами?»

«Жеральд Трибюн»: «Вчера яхта господина Николаса Черрика была прибуксирована в заливе Саут-Ойстера в Нью-Йорке и пришвартована к пирсу. Первым на борт яхты ступил заместитель главного прокурора США господин Вейман. При первом же осмотре обнаружилась первая странность: все шлюпки, надувные плоты и домики, индивидуальные пояса и даже мини-катер на воздушной подушке оказались на месте. При вскрытии личного сейфа господина Черрика обнаружена приличная сумма денег в размере более 20 тысяч долларов. И при чём же здесь пираты, которые, как известно, не брезгают даже грязными носками?»

«Аргументы и факты»: «От кого сбежал наш бывший соотечественник, крупнейший и главный акционер американской судостроительной компании? А главное, куда и как сбежал. Известный российский уфолог Лабазанов утверждает, что господина Черрика и его команду могли похитить только инопланетяне. В печати на протяжении последнего столетия уже не раз сообщалось о странном исчезновении команд с кораблей. Разве это может быть делом рук человека?»

«Дейли Миррор»: «Если господина Черрика не похитили пираты и инопланетяне, если вдруг вся команда не сошла с ума и не утопилась, чему пока нет никакого фактического подтверждения, то не значит ли это, что господин Черрик сам удалился от этого мира, в котором царит сумасшествие? И если это так, то где мог бы мистер Черрик спрятаться: под водой, на необитаемом острове, или в космосе?»

2

Отсюда, из космоса, возникало полное ощущение того, что планета Земля не только двигалась и вращалась, но жила и дышала, вздымая и опуская свою голубую океанскую грудь, извергая из оскаленных ртов вулканов пепел, огонь и раскалённую лаву. Она напоминала двуликого Януса, блещущего белоснежными зальсынами полюсов, и оставалась такой же неразгаданной, таинственной и прекрасной, как и многие тысячелетия спустя, когда человек населил её. Кое-где щетину лесов, горных морщин и складок покрывали белые серебристые облака, похожие на пену на небритых щеках

мужчины. Лужицами после первой весенней оттепели свинцовели моря и озёра.

Особенно интересно было наблюдать, как земной день переходил в ночь, а ночь в день. На границах земли и космоса, там, где возникали закаты и рассветы, все становилось таким отчётливым и зримым, что возникало ощущение неестественности, нарисованности. Когда солнце пряталось за земной чашей, на небосклонах вспыхивали яркие, колочие и разноцветные звезды, а сама Земля была окружена ореолом, похожим на полярное сияние.

Вот чернота Вселенной постепенно переходит в серебро облаков, серебро облаков в золото, медь и пурпур заката, затем в зелёный нимб земли, которая сама отсвечивает нежно-голубыми, светло-серыми, серебристыми и жёлтыми тонами. Кажется, что все цвета радуги соединяются в одно целое, переливаясь и переходя друг в друга, затухают, а потом расцветают вновь...

«О, Боже, как божественно прекрасна, нежна и хрупка эта наша маленькая обитель!» - с восторгом подумал Алексей Подноветный, глядя на сорокадюймовый монитор своего компьютера. Он любил часто и подолгу смотреть на землю из космоса в режиме он-лайн, изображение которой передавалось с помощью нескольких спутников в сеть интернета. В такие минуты Алексей забывал о всех земных заботах, суетностях и проблемах.

Он зевнул и улыбнулся, откинулся на спинку своего самооблегающего кресла и, обхватив ладонями затылок, посмотрел на мерцающий, фосфоресцирующий искусственными звездами, планетами и луной потолок. Алексей услышал, как спинка кресла хрустнула, принимая форму его спины, и затихла. Он смотрел на искусственное ночное небо своей квартиры, чувствуя, как сделанные из фосфорических пластин звездочки и планеты - красные, оранжевые, голубые, зеленые, стило-синие - наполняют его душу спокойствием, а уставшее тело дремотой.

- Всё, хватит, - решительно вслух сказал самому себе Алексей, потянулся и взглянул на таймер в углу монитора: время два двадцать семь, пора баиньки.

Алексей снял наушники, повесил их над изголовьем кровати и юркнул под одеяло. Проваливаясь в сон, он услышал слабый зуммер телефона, который тут же прекратился, успев подумать: «Видно, Глафире кто-то звонит. Ну и пусть».

Алексей Подноветный работал редактором, как он сам считал, самого интересного отдела в журнале «Невероятные чудеса и приключения». Работать его пригласил бывший сокурсник по университету Гриша Чёрненький, который и основал этот журнал. Зная пристрастия Алексея к путешествиям, его любознательность и экстремалистский характер, он выдернул его из обоймы другого издания, где Подноветный, словно Кашей Бессмертный, чах над златом экономического мира. Экономическая газета, где он работал, была наводнена занудными чудиками, которые с утра до вечера, да и ночью, следили за курсами мировых валют, за поведением «быков» и «медведей» на биржах, постоянно что-то предсказывали и опровергали. Это было так скучно Алексею, но необходимость поддержания брэнного тела, в котором обитала его трепетная и беспокойная душа, держала его в этой ненавистной газете, как орёл трепетную лань в своих когтях.

Так продолжалось несколько лет, пока он случайно не столкнулся с Гришей Чёрненьким. Произошло это в туристическом клубе «Тантал», где собрались любители горного туризма и спелеологи, обсуждавшие на этот раз спуск в одну из недавно открытых карстовых пещер. Группа, которая успела провести пробный спуск, утверждала, что на уровне минус сто шестьдесят два они обнаружили огромное озеро. При первом же погружении аквалангисты увидели на стенах затопленных скал замечательные изображения древнего человека, относящиеся примерно к 70-80 тысячелетию до новой эры. Это была, конечно, сенсация в научном мире, за которой и пришёл Алексей. Что там рисунки из Альтамирской пещеры в Испании, глиняная фигурка из французской Монтеспани, изображения в пещере фон де Гома или в Костенках, женская статуэтка из Виллендорфа или наскальная роспись в Тассилии, относящиеся к эпохам палеолита или верхнего неолита.

Рассказчик живописал перспективы своего открытия, пока не раздался чей-то зычный голос:

- Все это хорошо, молодой человек, а какие у вас есть доказательства, кроме ваших слов и вашей страсти. Может быть, весь этот словесный понос вам нужен для того, чтобы привлечь спонсоров?

Рассказчик растерянно развёл руками:

- Конечно, доказательств у нас пока нет, у нас даже фотоаппарата для подводной съемки не было, но в следующий раз мы такие доказательства обязательно предъявим.

Но Алексей первооткрывателя уже не слушал, он смотрел на сидящего в первом ряду человека с пышной красной шевелюрой на голове, который задал вопрос. В перерыве он подошел к нему, хлопнул по плечу:

- Привет, Мухомор.

Мужчина сердито обернулся, а потом по его широкой двухподбородочной физиономии растянулась улыбка.

- Алекс, бродячая твоя душа, неужели это ты! - Он потряс его за плечи, отчего у Алексея моментально заныли кости. - Как ты здесь? Не думал встретиться. А ведь я тебя искал, звонил, спрашивал - пропал совсем.

- Зачем? - опешил Подноветный.

Рыжий Чёрненький попытался округлить свои коричневые глазки, но они так и остались щелочками.

- Как зачем, потому что ты мне нужен. Пошли, за рюмочкой всё расскажу, на все вопросы отвечу.

Когда в баре им принесли по рюмочке, Гриша пошёл в атаку:

- Ты понимаешь, Лёша, я начал издавать свой журнал.

- Ты, журнал? - недоверчиво спросил Подноветный. - Нумизматический, что ли?

- Ну, нумизматика - это детство, всё давно прошло. А ты помнишь, как мы бродили, путешествовали? Эх, сколько мы всего посмотрели, натерпелось. Помнишь?

Еще бы не помнить... С Гришкой они жили в одном московском дворе. Как и все мальчишки, играли в футбол, в хоккей, лазали по чердакам и подвалам, но постепенно круг их воображаемых приключений расширялся. В десять лет они решили совершить свое первое самостоятельное путешествие

по подземной Москве, но диггеры их так шуганули, что они боялись больше подходить к канализационным люкам. Тогда втайне от родителей они собрали рюкзаки и решили пойти пешком в деревню на речку Шерну, где жили Гришкины бабушка и дедушка. Гришка убеждал своего друга, что, если они выйдут пораньше, то уже к вечеру будут в деревне. Оттуда они позвонят родителям, чтобы они не волновались. Ведь на автобусе, говорил Гришка, они добирались до деревни всего за два часа.

В пять часов утра оба друга были уже на ногах, спустились в метро и на первой же электричке прибыли на конечную станцию. Первая часть путешествия показалась им увлекательной и легкой. Они шутили и смеялись в полупустом вагоне. Добравшись до Владимирского шоссе, тронулись в путь. Но уже второй десяток километров их утомил так, что они без сил повалились в прохладу под осины и долго молчали, не в силах вымолвить ни слова. Ноги у обоих ломило так сильно, что невозможно было без боли снять носки. Решили отдохнуть и заодно перекусить, потому что животы начали ощущать внутри полную пустоту. За день им удалось пройти ещё километров тридцать. Заночевали в какой-то деревне в заброшенном сеном сарае у речки. Уснули, как убитые, и проснулись лишь тогда, когда солнце висело высоко над головой. Дальше он не шли, а ковьяляли, потому что мускулы болели так, словно в них напихали гвозди. И потому друзья приняли как облегчение, когда их остановила патрульно-постовая машина и предложила подвезти.

Что они попали впросак, друзья поняли только тогда, когда один из милиционеров сообщил куда-то по телефону, что беглецы задержаны и будут привезены в ближайший участок милиции...

- Так ты помнишь? - с гогомом спрашивал Григорий.

- Ещё бы, - с улыбкой ответил Алексей. - После того путешествия и собеседования с родителями я целую неделю на уроках стоял, а не сидел.

- А помнишь золотой Алтай, камчатские сопки, Байкал, горы Кавказа, северные озера, гору Джингитау, Кара-Черу, подводный лабиринт в Испании?

- Да всё помню, - не выдержал Алексей. - С чего это ты в воспоминания ударился.

- Вот с того и ударился, что я открыл новый журнал под названием «Невероятные чудеса и приключения».

- Удивил! Сейчас таких изданий сколько только в России, а?

- Журналов много, а что они публикуют? Из номера в номер эти Нэсси, Бермудские треугольники, чертовы круги на полях, остров Пасхи, НЛО, которых никто не щупал, загадки Гипербореи и Стоундхэнджа. Я же предлагаю самим читателям, путешественникам делиться на страницах журнала своими впечатлениями и открытиями. Понимаешь, не тем, что кто-то и что-то предполагает, не гипотезы, не предположения, не выдумки, а именно реальными открытиями. Ну, конечно, с фактами, фотографиями, видеосъёмками и так далее. К журналу будет прилагаться микродиск и микроchip со всеми материалами журнала, - горячился Гриша, тряся подбородком. - Это же так здорово - журнал с готовым видеорядом. Вставляй в компьютер или в сотик и смотри, наслаждайся. Ну, как тебе?

Устремив взгляд в зеркальный потолок, Подноветный ответил:

- Да, это действительно интересно. А что, у тебя уже и капиталы есть, чтобы вытянуть такой проект?

- И не только есть, журнал уже выходит, - завопил Черненький.

- Не слышал, не видел, - мрачно произнес Алексей. - Скотина ты, Гришка, такое чудо занывать.

- Да не обижайся ты, водовоз, - смиренно ответил Гриша. - Вышел только первый номер и то пробным тиражом. Мы даже презентацию ещё не проводили.

Григорий распахнул свой кейс, достал оттуда журнал и протянул Алексею:

- На, паразит, критикуй. Только ответь на один вопрос: пойдешь к нам на работу?

- Кем?

- А кем хочешь: моим заместителем, заведомом, редактором, даже корректором. Ну?

- Подумаю, - осторожно ответил Подноветный, внутренне уже ликуя.

Так Алексей и оказался в новой редакции. За последние два года он с разными экспедициями высаживался на айсберг, поднимался на вулканы Южной Америки, дрейфовал в теплом течении Куроисио, «ловил» viento blanco - «белый ветер», срывающийся с обледенелых пиков Аконкагуа, одной из вершин аргентинских Анд, подныривал на подводной лодке под льды Антарктиды, искал следы древней метеоритной бомбардировки в Попигайском кратере Сибири, искал затонувшие корабли около Австралии. Отчёты Алексея Подноветного в новом журнале пользовались у подписчиков огромной популярностью.

3

Эмили Черрик рвала и метала. Эта сорокапятилетняя женщина с лицом старухи, которая уже несколько раз делала пластические операции и которые так и не смогли стереть следы ее любовных побед над мужчинами, плескалась в прохладной воде ванной и по телефону кого-то умоляла:

- Крис, мне обязательно нужно найти эту мелочь на расходы и обязательно через две недели... А разве каких-то полмиллиона - это не мелочь? Но на моём счету осталось всего сорок две тысячи... Что?! - Женщина встала во весь рост в ванной, обнажая свое одряхлевшее тело. - Ты что городишь, Крис, как это мой счет заблокирован? Кем? Не знаешь? Тогда на кой чёрт ты мне нужен, если ты не знаешь таких простых вещей! Так я что же, и трусы себе не могу купить? Ты хам, Крис, мне от тебя ничего не нужно. Одним словом, половинку зелёного лимончика ты мне положи на блюдечко к сроку, Крис. Доставай, где хочешь и как хочешь.

Эмили бросила трубку сотового телефона на подставку, вылезла из ванны и набросила махровый халат на мокрое тело. Выбежав из ванной в свою спальню, крикнула в домофон:

- Лузи! Лузи, где ты, чёрт тебя побери! Лузи, если ты не подойдешь сейчас к домофону, я тебя...

Угроза осталась недосказанной, потому что в динамике раздался взвол-

нованный и запыхавшийся девичий голос:

- Да, мэм, я слушаю.

- Слушает она. Ты где шляешься, почему я тебя не могу дозваться?

- Я... я тут, рядом, мэм, я снимаю шторы, мэм.

- Где Аниэтта?

- Она ушла к подругам, мэм.

- А Питер?

- Он, наверно, как всегда, в своем офисе, мэм.

- Хорошо. Принеси мне мое новое платье и скажи Стефану, чтобы он подал машину ко второму подъезду.

- Хорошо, мэм.

- Да, совсем забыла! Лузи, а журналисты всё ещё у ворот?

- Да, они все ещё здесь.

Сквозь зубы Эмили процедила:

- Чёрт бы их всех побрал. Бешеный русский, куда он только мог запропаститься! Вечно со своими приключениями он что-то намулит.

Эмили мало волновала судьба мужа. Любовь к этому странному и красивому, голубоглазому эмигранту из России она испытывала разве что в первые три года замужества, когда темперамент её французских предков диктовал необходимость продолжения рода, но затем муж не без помощи её папочки, тогдашнего совладельца судостроительной кампании Рафаэля Данкерса, стал углубляться в бизнес тестя. Он днями и ночами пропадал на каких-то совещаниях, заседаниях, переговорах, верфях и доках, совсем забыв о молодой тогда ещё жене.

Небольшой заводик по производству яхт, катеров и небольших прогулочных пароходов и паромов незаметно превратился в судостроительную империю, которая строила океанские лайнеры, нефтяные и газовые платформы и подводные лодки по заказу правительства США и частных лиц. Какое-то время, устав от работы, Николас, передоверив дела управления своим менеджерам, старался уделять внимание семье, но духовная связь супругов уже оборвалась, как струны на скрипке Паганини. Но на одной струне, как великий скрипач, Эмили играть не умела, да и не хотела. Её страстная, торопливая натура жаждала жизни сейчас и во всю её мощь.

Пустенно у неё появились поклонники, бой-френды, а затем и просто случайные постельнички, которые окучивали распускающуюся розу, заброшенную садовником. Николас знал о её похождениях, но от ревностных сцен и, тем более, от разрыва воздерживался, потому что брачный контракт содержал пункт, в котором, в случае измены одного из супругов, указывалось, что всё имущество, движимое и недвижимое, акции предприятия и денежные средства провинившийся супруг теряет. Тридцать лет назад, когда составлялся этот контракт, Николасу и терять-то было нечего, а сейчас ему и вовсе было всё равно, потому что со временем все акции и активы жены были переведены в его управление.

Оттого-то и бесилась Эмили, что сейчас, когда ей очень нужны были деньги, она не могла ими распорядиться. Известие о том, что её муж пропал без вести, её совершенно не тронуло и не взволновало, потому что так бывало уже не раз, когда «чёртов бешенный русский», как она в сердцах обзывала

своего мужа, не раз путешествовал и не раз надолго пропадал. Но потом возвращался, и семейная жизнь входила в свою колею. Но сейчас... Сейчас она не могла просто ждать, потому что её Дик пригрозил уйти от неё, если она не исполнит его прихоти.

Когда Эмили вышла из своего дома и по длинной отлогой лестнице спустилась к машине, Стефан, кудрявый и пожилой афроамериканец, вежливо и с поклоном распахнул ей правую дверцу, но Эмили взмахнула рукой и сказала:

- Нет, Стефан, сегодня я поеду сама.

- Мэм?

- Знаю, знаю, Стефан. Но я обещаю, что на этот раз буду очень аккуратна на дороге, так что тебе не придётся мотаться по автосервисам.

- Но, госпожа Эмили, господин Черрик...

- Не бойся, никто тебя не уволит, господину Черрику сейчас не до тебя, по всей видимости, он потерялся в какой-нибудь сельве или в джунглях, и вернётся не очень скоро.

Через полчаса она уже была около роскошного старого особняка в восточном пригороде Нью-Йорка, где она когда-то родилась, и где сейчас жил её отец Рафаэль Данкерс. Пролетя сквозь распахнутые двери, Эмили спросила у слуги:

- Отец дома?

- Да, мэм, он сейчас в своём рабочем кабинете.

Данкерс сидел за длинным рабочим столом, склонив свою лысую голову над какими-то бумагами. Восемьдесятителетний мужчина хорошо владел всеми видами компьютерной техники, но предпочитал работать по старинке, уверяя, что бумага и паркер подстегивают его мысли лучше, чем самая лучшая электроника. Услышав скрип высокой деревянной двери, он поднял голову, и все морщины, какие были на его лице, собрались в веселую сеточку, словно солнечными лучами окаймляя его рот с припухлыми губами и ещё ясные голубые глаза.

- А, Эмили! Я очень рад тебя видеть. В последнее время ты не очень часто радуешь старика своими появлениями.

Эмили чмокнула отца в щёку и села в кресло.

- Извини, папочка, свою непутевую дочь, но ты же понимаешь...

- Понимаю, понимаю, торопишься жить. Но я тебе уже не раз говорил, дочка, что не нужно торопить жизнь...

Эмили с улыбкой прервала его:

- Да знаю, знаю: не нужно торопить жизнь, нужно успевать делать дела. Но что поделаешь, папа, если я совсем не предприимчивая. По-видимому, я родилась не стряпухой и деловой женщиной, а бабочкой, которая только и может, что порхать, радовать саму себя и других.

- Я согласен, бабочки тоже нужны этому миру, иначе, не было бы равновесия в природе, и земля бы перевернулась. - Он неожиданно посерьезнел, внимательно взглянул на дочь. - Кстати, какие известия о Николасе?

- Папа, ты разве не знаешь, что Ник - чудак, он не раз попадал в разные невероятные ситуации. И пропадал тоже. Вспомни, как он на катамаране разбился об рифы и целых две недели бродил по тропическому лесу, пока не вышел к людям.

- Так-то так, это было, - осторожно ответил отец. - Но сейчас, как мне кажется, всё намного серьезнее. Ведь он пропал не на земле, а посреди океана. Яхту нашли совершенно пустой, на ней не было ни одного человека.

- М... может, они уплыли на другом корабле.

- Зачем, когда яхта совершенно в исправном состоянии, полностью заправлена топливом, на судне полный порядок.

- Может, они уплыли на подводной лодке, - предположила Эмили. - Да какая разница, просто я уверена, что с Ником всё в порядке. Он всегда был таким расчётливым, правильным и... и непотопляемым, что ли. Вот увидишь, через некоторое время он обязательно объявится.

- Дай-то Бог, - ответил в задумчивости Рафаэль. - Но мне кажется, что не будет лишним нанять какого-нибудь толкового детектива, чтобы он мог расследовать это странное дело. Эта пустая яхта, странное путешествие подводной лодки неизвестно куда и зачем. И при этом он никак не даёт о себе знать. Странно, очень странно. - Он взглянул на дочь. - Но ты же не за этим ко мне пришла, правильно?

- Папа, мне нужны деньги и очень срочно.

Сенатор удивлённо приподнял густые белые брови.

- Разве у тебя нет своих?

- Есть, но мне не хватает. Когда Ник вернется, мы обязательно тебе возместим.

- Да разве в этом дело. - Отец укоризненно посмотрел на Эмили. - Так сколько тебе надо?

Данкерс встал и уже направился к сейфу, но, услышав цифру, остановился и повернулся к дочери.

- Я не спрашиваю, зачем тебе такая сумма, но, согласишься, что такие деньги под рукой не держат. Даже старые и богатые отцы, - с улыбкой добавил он. - Меньшая сумма тебя не устроит?

По кривой улыбке старик понял, что отступного ждать не стоит.

- Ну, хорошо, я дам распоряжение своему поверенному, чтобы снять такую сумму с моего счёта. Только это будет не так скоро. У меня, видишь ли, тоже случаются материальные затруднения.

- Конечно, папа, - ответила, вставая, Эмили. - Большое спасибо, папа.

Эмили не привыкла делать все чёрные дела, поэтому она позвонила сыну:

- Пит, сыночек, ты не мог бы приехать ко мне домой?

- Вообще-то я очень занят, мама. Что-то случилось?

- Не знаю, как тебе сказать... Впрочем, это по поводу отца. Ты понимаешь, это не телефонный разговор, эти журналюги, они буквально стерегут каждый мой шаг, пытаются что-то выведать, а я сама ничего толком не знаю. Поэтому приезжай через запасной ход, хорошо?

Питер Черрик, двадцатишестилетний мужчина, в мать чернявый, с коричневыми глазами и смугловатой кожей, отчего его белая рубашка выглядела ослепительно белоснежной, был первым ребёнком в семье. Он уважал отца, который по русской привычке называл его Петей, и недолюбливал свою ветреную мать, которая ни разу не приложила его к своей груди. Возможно, именно потому, что мать его не вскармливала, Питер был к ней равнодушен. Но внешне его чувства никак не проявлялись, с матерью он был всегда веж-

лив, приветлив и даже сентиментально привязан, возможно, по той простой причине, что она ему когда-то недодала, и он подсознательно ждал этого недоданного.

Сейчас, когда он ехал на встречу с матерью, он вспомнил свой последний разговор с отцом, который приехал в его офис в последний день перед своим путешествием. Отец приехал без звонка, и потому сын как-то сразу растерялся и засуетился:

- Папа, что-то случилось? Да ты садись. Кофе будешь? Ты не предупредил. Мы давно с тобой не виделись. Извини, все дела и дела.

- Да брось ты, Петя, всё нормально, я всё понимаю. - С сыном он всегда говорил по-русски. - Не суетись. Я просто соскучился по тебе, вот и всё. Ты не думаешь припутиться? - спросил он, намекая на женитьбу.

Пётр рассмеялся:

- Все хотят заковать меня в кандалы. С чего бы это? А если честно, то я боюсь нарваться на... на...

- Не договаривай. Мать твоя, хоть и не примерная мать, но все-таки мать, женщина, которая дала тебе жизнь. - Николай улыбнулся. - Не без моего участия, конечно. Ты знаешь, как у нас в России говорят: какая бы мать ни была, а она мать, и дети должны её почитать за святую. Что поделаешь, она так воспитана. Ты помнишь, мы ездили с тобой в Россию?

- Конечно. Там совсем другие люди, особенно в провинции: доброжелательные, светлые, простые, от них так и веет родством, даже если они чужие.

- Вот-вот, там все родные. - Николай вздохнул. - А я к тебе вот по какому поводу: я собираюсь в очередное свое путешествие. Можем долго не увидеться.

- Снова на подлодке к Антарктиде?

- Нет, нет, это совсем другое. Но всякое может случиться. Поэтому я дарю тебе вот эту штучку.

Николай протянул сыну телефонный аппарат. Тот повертел его в руках.

- Обыкновенный аппарат космической связи, что же в нём такого.

- Да, обыкновенной, да не обыкновенной. Через этот аппарат можем связываться только мы с тобой. Понимаешь, только мы вдвоем. Даже не так: только я с тобой.

- Но зачем, папа, что за таинственность и конспирация?

- Так нужно. Пока я объяснить тебе ничего не смогу. Потом как-нибудь. И я попрошу тебя: чтобы со мной ни случилось, никому ничего не говори. Об этом знаем только ты и я.

- Отец, что может с тобой случиться, ты меня пугаешь, ей богу.

- Ну, ты же понимаешь, что любое путешествие, тем более по океану, связано с риском, с большим риском.

Петр недоверчиво, исподлобья посмотрел на отца.

- Ты что-то не договариваешь, отец. На современных кораблях и яхтах пройти кругосветку не сложнее, чем пройти через комнату до ночного горшка.

- И, тем не менее, - твердо сказал отец. Помолчав, он продолжал: - К тому же из всего нашего семейства я могу надеяться только на тебя. Ты един-

ственный самостоятельный, деловой человек, который может принять нужное решение в случае необходимости. Ты сделал большие успехи в бизнесе, сын, - неожиданно добавил он.

- Ну, не такие уж и большие, - поскромничал Петр.

- Скромность качество очень хорошее, сынок, и тем не менее это так. И ещё один совет: не набирай лишнего веса, ни физического, ни финансового. Если чувствуешь, что ожирел, - сбрось его, иначе ты потеряешь подвижность и коммуникабельность. А там и до кресла-каталки недалеко, - с шутливостью добавил он. - И ещё вот что. Ты помнишь квартиру, которую я оборудовал в районе Скотч-Плейнса?

- Конечно, - ответил Питер. - Ты, кажется, затеял какой-то очередной эксперимент. Я же был там.

- Хорошо. Так вот, как только получишь обо мне какие-нибудь неприятные известия, я попрошу тебя приезжать в эту квартиру еженедельно по четвергам в восемь часов вечера.

- Ты меня пугаешь, папа. - Питер недоверчиво посмотрел на отца. - Ты уже сейчас заранее говоришь о каких-то неприятностях. Впрочем, если ты меня об этом просишь, то мне нетрудно.

Прощаясь с Петром отец на этот раз необычно нежно и сентиментально, на мгновение Петру даже показалось, что на глазах старика мелькнула слезная росинка, чего он никогда не видел с тех пор, когда они ездили в Россию на похороны отцовской матери и бабушки Петра.

После того как прошли слухи о таинственном исчезновении всего экипажа яхты «Аннушка», Пётр долго думал, тот ли это случай, когда появилась необходимость связи с отцом, но после некоторого размышления решил подождать развития событий.

Сейчас, когда он ехал на встречу с матерью, ему на секунду показалось, что такой момент наступил - уж слишком лихо и стремительно закручивались события, но всё же он решил сначала поговорить с матерью - что-то она скажет ему.

Ещё издали Питер заметил толпу журналистов, дежурящих у главных ворот, засады фотокорреспондентов на балконах и крышах соседних домов, и потому без сомнений свернул на маленькую боковую улочку и припарковался у незаметного обшарпанного подъезда четырехэтажного кирпичного дома. Пётр нажал кнопку звонка и неожиданно услышал сзади клацк фотоаппарата. Оглянулся и увидел перед собой безусобородатую морду известного «папарацци» Рио Диксона. На лице его застыла блудливо-насмешливая улыбка. Он спросил:

- В гости, сэр Черрик?

- Какое ваше дело, господин Диксон, - неприветливо ответил Питер. - Ваше место у ворот дома моей матери, не так ли.

- Это как сказать, сэр Черрик. Если эти бараны, - он махнул в сторону, - думают, что подцепят там что-то жареное, то они ошибаются. По моему, жареным пахнет именно от этой двери, где вы сейчас стоите.

- Ну что ж, - спокойно отвернулся Питер, - если вы голодны, то нюхайте, авось, насытитесь.

- А что вы можете сказать, сэр, об исчезновении экипажа вашей яхты?

- Поверьте, Диксон, я знаю об этом даже меньше, чем вы.

В это время дверь открылась и на пороге появилась добродушное лицо Стефана. Он был очень сметлив и сообразителен, этот афроамериканец. Увидев позади Питера известного фотокорреспондента, он сказал:

- Для того чтобы посмотреть вашу машину, сэр Питер, понадобится время, поэтому вы проходите, а я поеду в автосервис. Это не займет много времени.

- Хорошо, Стеф, я подожду. А твоя Джен угостит меня своим пирогом?

- Конечно, сэр.

Питер оглянулся, увидел потухающую блудливость на лице Рио Диксона, постепенно превращающуюся в гримасу, и вошёл в дом.

Потайной подземный ход, о котором знали только члены семьи и несколько слуг дома Черрика, был оборудован лет двадцать назад именно для защиты семейного спокойствия от назойливого любопытства репортеров и излишне любознательных мешан. Им пользовались только в крайне щепетильных случаях, когда иного способа тайно и незаметно проникнуть в дом не было. Строился этот тоннель тоже скрытно, даже рабочие, которые его соорудили, не знали, куда их привозили.

После короткого взаимного приветствия низенькая толстушка Джен подала Питеру ключ и сказала:

- Сэр Питер, со вчерашнего дня около нашего дома крутится какой-то странный тип.

- Я знаю, Джен.

- Он просил войти внутрь, чтобы попить воды.

- И что? - насторожился Питер.

- Я его впустила и угостила водой. Он долго не уходил, разговаривал со мной и долго крутил головой и что-то вынюхивал. Но что можно увидеть в нашей халупе, разве что старый дубовый шкаф.

- Вы сделали всё правильно, Джен, не нужно настораживать этих шпииков от журналистики. А теперь, задерни занавески и открой мне этот шкаф со скелетом.

Пройдя подземным ходом до своего родного дома, Питер оказался в лифте и поднялся на второй этаж. Посмотрев на монитор и убедившись, что, кроме матери, в гостиной никого нет, он вышел из кабины. Увидев его, Эмили лениво махнула рукой, приветствуя его, и показала на место на диване рядом с собой.

- Здравствуй, сын. Ты у меня молодец, нисколько не стареешь, - добавила она, окинув его взглядом снизу доверху.

- Здравствуй, мама. Мне стареть еще рано, да и некогда, все дела и дела, а время будто бы и не движется. Иногда мне кажется, что один год проходит как один день, когда же мне стареть.

- Увы, мне твоя машина времени не подходит, Питер, - вздохнула мать, - я не могу заниматься бизнесом.

Чтобы как-то вернуть мать к сути дела, Питер спросил:

- Что ты хотела мне сказать об отце, мама?

- Ах, да. Ты понимаешь, сынок, я разговаривала с твоим дедом, и он подал мне мысль, что для поисков отца нужно нанять хорошего детектива.

Питер удивлённо приподнял брови.

- Как ты это себе представляешь, Эмили? Если бы папа пропал здесь, в Нью-Йорке, в Америке, в Европе или России, да на любой суше нашей планеты, тогда бы было всё ясно. Но как искать его посреди океана или на каких-то островах, я просто не представляю.

- Ну, я не знаю, как это делается, - отмахнулась мать, - но ведь нужно что-то делать. К тому же с ним пропало много людей.

- Но, мама, для их поисков делается всё возможное, подключены поисковые службы всего мира, авиация, морской флот, космическая разведка, в конце концов. Ты не думай, что я чёрствый, но что ещё можно сделать.

Мать подозрительно взглянула на него и, бросив недокуренную сигарету в урну с водой, сказала:

- Что-то ты слишком спокоен, Питер, а ведь пропал твой отец. Ты что-то скрываешь от меня, ты знаешь что-то об отце?

- Мама, ну что ты говоришь, ну что я могу знать об отце, ведь я не всевидящий.

Эмили встала и пошла к зеркалу, бросив через плечо:

- Сынок, ты не одолжишь мне пару миллионов?

Он знал эту её небрежную привычку спрашивать деньги, и это означало, что у мамы возникло очередное увлечение. Он посмотрел на неё, уже оплывшую и состарившуюся, несмотря на пластические и косметические ухищрения, и ему стало её жалко.

- Ты понимаешь, у меня временные финансовые проблемы, у меня почему-то закрыт счёт, пока Крис разберётся, что к чему... - бормотала она.

Она повернула голову, вопросительно, ожидающе и одновременно жалобно глядя на него. Питеру неудобно было отказывать матери, и потому он тоже бормотал:

- Мама, у меня нет таких свободных средств, они все в обороте. А о детективе я обязательно подумаю. У меня есть один знакомый детектив, может быть, он что-нибудь посоветует. Хотя... Ну, ладно, я пойду.

- Всего хорошего, сынок.

4

Алексею Подноветному сегодня позвонил бывший сокурсник по университету, с которым они не раз ходили на сплавы по горным рекам, Данила Агафодров. Звонок застал Алексея в редакции, где он как раз кроил свою страницу по путешествию аквалангистов и спелеологов по стапятидесятикилометровому подводному лабиринту в Мексике.

- Да, редакция, - сказал он рассеянно в трубку, разглядывая на мониторе полосу.

- Привет, бродяга!

Голоса Алексей не узнал и потому спросил:

- Кто это?

- Ну ты даешь, Подноветный. Старых друзей надо узнавать даже через тысячу лет. Не угадаешь, трубку брошу, теряйся тогда в догадках, чёрт с тобой.

Алексей наморщил лоб.

- Дай хоть наводку, незнакомец.

Тот пропел в трубку:

- А мы на реках скачем, словно на коне, мы Азаматы на рысистом скаку-не... Ну что, вспомнил?

- Данька, неужели ты? Ты из какой табакерки? Ты, говорят, сейчас медиа-магнат, у тебя сеть газет по всей России.

- Слушай, старик, - перебил оды Алексея Данила, - давай-ка мы с тобой где-нибудь встретимся, поговорим и кое-что обсудим, а.

- Значит, ты ко мне всё-таки по делу, а не просто так, - укорил товарища Алексей.

- Да что ты, что ты, какие дела, - попытался успокоить товарища Агафодров. - Дела - это паутина, из которой ты хочешь выпутаться, но никак не можешь. Ну, вот как моя сеть газет, например.

Алексей услышал, как Данила в трубке хихикнул и тяжело вздохнул, и почему-то поверил ему.

- Ну, хорошо, где встречаемся? - спросил Алексей.

- Где угодно, только не дома, не в кафе и не в ресторане, - ошарашил Данила.

- А где же ещё?

- А давай в Губино. Помнишь?

Алексей наморщил лоб, пытаясь вспомнить, где находится это знаменитое село, что-то прокряхтел в трубку.

- Значит, не помнишь, - поставил тяжелый диагноз товарищу Данила. - Ну, шевельни мозгой, вспоминай: второй курс, байдарки, речушка, ссора со сторожем, уха на берегу.

И здесь в голове у Алексея, словно яркий костер, вспыхнуло воспоминание об их совместном походе по подмосковной быстрой речушке, где ему, ещё неоперённому байдарочнику, пришлось несколько раз перевернуться и вверх ногами глотать речную водичку.

- Вспомнил, - ответил Алексей. - А что дальше-то?

- А дальше, - начал, было, Данила, потом остановился и спросил: - Кстати, ты женат?

- Да, два года почти.

- Я её знаю?

- Вряд ли. А ты?

- Что я?

- Сам-то женат?

Послышался смешок и ответ:

- Ты знаешь, бродяга, и сам не знаю. Будто бы живу с ней и будто бы не живу. Понимаешь, некогда заниматься семейной жизнью, бизнес - это такая штука: или работа, или семья - другого не предполагается.

- Одним словом, тяжело тебе живётся, - не преминул подколоть Алексей.

Но Данила несколько не обиделся:

- Да ладно тебе. В каждом дерьме можно найти целое зёрнышко, птички это знают.

* * *

Губино - большое подмосковное село, где ещё сохранились деревянные аккуратные домики с резными наличниками, ставнями и фронтонами, встретило Алексея криками петухов, запахом живого навоза и чистым воздухом. Когда он проезжал через Виноградово и лесок с высокими корабельными соснами, в душу вползла щемящая тоска, которая всегда охватывает любого русского горожанина, когда он выбирается из каменных лабиринтов и оказывается в провинции. Он пожалел, что с ним не было Глафиры - она тоже любила вот такие метаморфозы души.

Дом из глазурованного кирпича Алексей нашёл без расспросов, среди каменных домов из простого красного и силикатного кирпича и деревянных домиков-теремков он напоминал павлина с распустившимся хвостом среди серых перепелок. Дом Агафодрова сиял яркой разноцветной глазурью, серой мертвечиной пластиковых окон и дверей и красной крышей из профиля. Кованый забор между тесаных каменных столбов не скрывал этой кричащей яркости, но напоминал острог, за которым прячутся невинные и виновные души каторжан.

Алексей нажал кнопку домофона, из которого донеслось рычание:

- Чего надо?

- Мог бы и повежливей, приятель, - ответил Алексей. - Мне нужен Данила Агафодров.

- А ты кто такой?

Внезапно раздался Данькин голос:

- Заезжай, Лёша. Ты извини моего цербера, он, кроме рычания, делать ничего не может.

Подноветный загнал машину на широкий двор, засаженный мелким и низким кустарником, цветами и газонной травой, поставил её под бетонный навес и вышел из салона. Данила уже спускался с лестницы в одних шортах и тапочках на босу ногу. Нет, этот магнат почти нисколько не изменился: всё такой же худощавый, поджарый, словно петух, разве что появились залысины, да одрябла кожа.

Он подбежал к Алексею и обнял его, похлопывая по спине ладонями, сказал:

- Как я тебе рад, бродяга, честное слово рад. - Он отпустил Алексея, взглянул в его лицо. - Честно скажу, я словно в наше студенческое братство вернулся, будто ничего и не изменилось.

- Кроме домика на окраине Губино, где жили твои родители, - подколот Алексей. - Кстати, как они, где они сейчас?

- Как где, здесь же и живут.

- В этом доме?

- В этом доме.

- Насколько я помню, они жили в своей квартире в Виноградове, а здесь был только огород.

- А, вспомнил! - оживился Данила. - Помнишь, как она тебя шуганула, когда ты сорвал одно пёрышко лука.

- А то! Суровая женщина. Она ведь оттаяла только тогда, когда я помог ей накрыть грядки сеткой от грачей, а потом ещё и полить, - засмеялся Алексей.

- Это правда, моя мать в этом отношении очень щепетильный человек, она считает, что есть должен только тот, кто вырастил свою продукцию своими руками.

- А что за дело у тебя? - спросил Алексей. - Ты меня заинтриговал, честное слово.

- Ну вот, - разочарованно протянул Данила, - сразу о делах.

- Ну, прости, Даня.

- Да ладно, сам такой же. Но вот что скажу, о деле мы поговорим в самое неподходящее время, - таинственно прошептал Данила. - А распорядок дня у нас будет такой...

Распорядок дня Подноветному сильно понравился. Сначала за старым, заброшенным садом они копали в навозе червей, готовили рыбацкие снасти, а потом, поближе к вечерней зорьке, поехали к речке, которая протекала от Губино километрах в двух.

Речушка была небольшая, метров десяти в ширину, но с довольно живым и тягучим течением. Остановившись у небольшого обрыва, Данила, выйдя из машины, потянулся, сцепив за головой руки в замок, с видом Наполеона оглядел прибрежную луговину, березово-осиновый лесок вдалеке, хатки дачного посёлка и произнёс с пафосом:

- Вот, бродяга, это моя родина. Люблю, чёрт подери, эти места. Здесь душа и разум отдыхают, словно у материнской груди. Ну, чего стоишь, разворачивай снасти.

Клевало плохо. Водная стремнина топила поплавки, они постоянно прижимались к лопухам, которые свисали над водой, и потому удочки часто приходилось перезакидывать.

- Так мы ничего не поймем, - разочарованно сказал Алексей. - Придётся рыбу на уху покупать вон у тех пацанов.

Он кивнул в сторону мальчишек, которые тоже то и дело махали удочками метрах в ста от них. Данила лишь посмеялся:

- Подожди немного, торопыга, всему своё время. Рыба не дура, она тоже по режиму кушать хочет.

Только Данила произнёс эти слова, как у Алексея поплавок вдруг утонул, поднялся над поверхностью, снова утонул. Он рванул удилище - на солнце сверкнул серебряный лапоть и с плеском упал в воду.

- Вот, чёрт, сорвался, - с досадой воскликнул Алексей.

- Ничего, - со смехом отозвался Данила, - это хорошая примета. Теперь только держись.

И точно: словно по мановению волшебной палочки поплавки сначала осторожно задёрнулись, потом стали неожиданно тонуть, плыть в разные стороны.

- Вот теперь начался настоящий жор, - воскликнул Данила. - Не зевай и, главное, не торопись, подсекай, когда потащит в сторону.

За полчаса натаскали десятка три лещей, окуней и мелкой рыбёшки. Мелкую рыбу бросили в воду со словами:

- Иди, подрасти, малец, а потом приплывай сюда.

- Ого, - радостно кричал Алексей, вытаскивая садок из воды, - да тут и на тройную уху хватит.

Когда разложили костёр и сварили уху, Алексей, глядя на тонущее солнце, сказал:

- Спасибо, дружище, давно я так не чувствовал себя хорошо. Всё-таки в любом цивилизованном человеке живёт что-то первобытное. Как ни хорошо в городе, а тянет на природу, в пещеру.

- Вот и я о том же, - поддакнул Данила, разливая по чашкам уху. - Давай, давай, не тяни, разливай по стопочке, уха стынет.

- Так о чём ты хотел со мной поговорить? - напомнил Алексей, когда они выпили по рюмке водки и заели её ухой.

- О природе, о пещере, об океане, - отозвался Данила.

- А поподробнее.

Сначала Агафодров помялся, таинственно покачал головой.

- Есть у меня один проектик, с детства о нём мечтал.

- Ну, не томи.

- Хочется сходить по Индийскому океану до Австралии.

- А кто тебе мешает. Садись на лайнер и шпарь до самого Сиднея или Мельбурна.

- Нет, ты меня неправильно понял, - с разочарованием ответил Данила. -

Самому сходить, а не в круиз.

- Самому? На чём? Да какие деньги на это нужны.

- Ну, насчёт денег все просто - этого дерьма у меня много.

- Ну, хорошо, деньги у тебя есть, - примирительно сказал Алексей. - А на чем идти хочешь и, главное, с кем?

- С тобой.

- Со мной? - Пауза. - Ты знаешь, я как-то не планировал. Да и Гришка меня не отпустит.

- Какой Гришка? - спросил Данила.

- Да наш, рыженький Чёрненький, какой же ещё.

- Да ты что! Гриня, собственной персоной! Вот не знал. А мы давай и его запряжём.

- Ага, запряжешь его, как сядешь, так и слезешь. Да на него одного надо половину тоннажа.

Вокруг вдруг наступила тишина. Помолчали, слушая затухающий стрёкот кузнечиков. В селе замычала скотина, запели петухи. Данила бросал искосоватые взгляды на Алексея и тоже молчал. Выпили ещё по одной. Наконец, Алексей не выдержал:

- Слушай, Даньк, а на чём пойдём?

Данила расхохотался, упал на спину и заржал:

- А я всё думал, когда же, наконец, разродишься, когда твоя терпелка закончится.

- Чего гогочешь, жеребец. Я серьёзно, а ты...

- Так и я серьёзно. - Данила подсел поближе к Алексею. - У меня в Думьяте есть один друг...

- Думьят, где это? - перебил его Алексей.

- В Египте. Так вот, там у меня есть надежный товарищ, араб. Первоклассный мореход, я тебе скажу. У него есть небольшое предприятие по производству маломерных судов, ну, лодки, катера, яхты и тому подобное.

- Ну и?
- Ну и он строит уже мне судно-гибрид, - отрубил Данила.
- Да брось ты.
- Вот те крест!
- А что за гибрид?
- Катамаран-трансформер, эдакий парусник с двумя двигателями, который может трансформироваться в яхту или катамаран.
- Как это?
- А так: два корпуса то сдвигаются, то раздвигаются. Я, когда проект увидел, просто обалдел.
- Подожди, а что дают такие премудрости, ведь должен же быть какой-то практицизм, - остудил пыл товарища Алексей. - Напридумывать можно разного, а для чего.
- В том-то и дело. Катамаран даёт нам остойчивость при сильном волнении, а превращение катамарана в яхту увеличивает скорость и экономит топливо.
- Данила ещё долго и увлечённо объяснял преимущества катамарана перед другими плавсредствами, рассказывал о маршруте плавания и его прелестях. По его словам получалось, что это не плавание по океану, а большая увеселительная прогулка по Суэцкому каналу через озера Тимсах и Большое Горькое, затем по Суэцкому заливу они выйдут в Красное море, а потом через Баб-эль-Мандебский пролив и Аденский залив в Индийский океан.
- Понимаешь, Лёха, - с восторгом рассказывал Данила, - мы побываем там, где зарождались великие цивилизации: в Египте, в Нубийской пустыне, на эфиопских островах Дахлак, в Афахах и Иссах, в Алуле и Могадишо.
- Вот невидаль-то, - прервал товарища Алексей, - я географию тоже изучал и знаю её неплохо, надеюсь. Ты лучше скажи, что мы узнаем нового в этом путешествии, что было бы интересного для читателей нашего журнала. Иначе Гриша меня ни за что не отпустит ни в какие плаванья.
- Господи, какие же вы все приземлённые! - воскликнул, взметнув руки, Данила. - Ну кто может знать, что ждёт его впереди. Надо действовать по наполеоновски: сначала ввязаться в драку, а там...
- ...а там пойти на дно, - закончил фразу Подноветный.
- Ну вот, - разочарованно протянул Данила, - я думал, что нашёл товарища по духу, я думал, что ты заражён вирусом авантюризма, а ты...
- Да ладно, ладно тебе, - примирительно засмеялся Алексей. - Да заражён, заражён я твоим вирусом. Только, понимаешь, к таким экстремальным путешествиям всегда нужно основательно готовиться. Ты хоть понимаешь, почему я до сих пор жив? Потому что я всегда основательно готовлюсь: хоть к спускам в пещеру, хоть к полёту на дельтаплане с горы, хоть к сплаву по рекам, даже к спуску на лифте, когда иду на работу. Потому-то я до сих пор и жив. Ты понимаешь, я уже потерял одного товарища на горе Джингитау и мне не хочется повторять этот горький опыт.
- Я тебя понял, Лёша, - вполне серьёзно ответил Агафодров. - Мне, сам понимаешь, тоже не хочется ко дну, я не самоубийца. Так что будем думать, делать, совершенствовать.

5

Питер Черрик после разговора с матерью долго размышлял, что делать. С одной стороны, пропажа отца его не сильно беспокоила, ведь тот сам его предупредил, что возможны неординарные, форсмажорные ситуации, даже оставил на всякий случай телефон космической связи. Но совет деда и матери нанять хорошего сыщика он игнорировать не мог, это было бы подозрительно. Частных сыскных агентств в Нью-Йорке было так много, что они занимали десятки страниц рекламных изданий. Можно ли доверяться тем, которые больше привыкли пролёживать под кроватями неверных супругов или разыскивать любимцев-животных у тоскующих, одиноких пенсионеров?

Правда, был у него знакомый детектив, который занимался более серьезными делами - поисками угнанных автомобилей и яхт, крупными кражами, поисками банковских должников, но из-за того, что тот был в вечном поиске сладостей вина, Питер мало ему доверял. Он так и находился бы в долгих и мучительных размышлениях, если бы ему не позвонила сестра. Звонок застал его, когда он летел на чартерном самолете во Фриско, чтобы присутствовать при сдаче очередному заказчику экспериментального речного экраноплана.

- Привет, Аня, - приветствовал он её по-русски.

- Привет, Питер, - отозвалась она на английском.

- Слушай, сестренка, ты определись, в конце концов, ты русская или американка.

На том конце послышался смех и её примирительное щебетание:

- Хорошо, Петя, по отцу я русская, по матери американка...

- А по деду ещё и французенка, - добавил Петр. - Чего звонишь?

- Как там папа, известия какие-нибудь есть?

- Ничего нового.

- Ясно. - Питер слышал, как сестра тяжело вздохнула. - В газетах пишут такие гадости...

- А ты не читай.

- Разве это возможно сделать? Ладно. Мне нужна твоя помощь.

- Снова? Ты же у меня такая мудрая, романы уже пишешь, а у меня совет ты спрашиваешь. Я в жизни ничего не понимаю, вот в технике - это другое дело.

Аниэтта была младше Питера на шесть лет, училась в филологическом колледже и теперь вплотную занялась литературством. Сначала она, как и все современные продвинутые молодые люди, ничего не хотела и слышать о книгоиздании, писала небольшие фантастические рассказы и размещала их на своем сайте в интернете, но потом поняла, что чтение на экране - это одно и то же, что принятие пищи через трубочку: питательно, но совершенно безвкусно, нелогично и неэстетично.

Её желание стать известным и популярным литератором скрадывалось недостатком жизненного и книгочного опыта, и потому она частенько прибегала к услугам старшего брата, как к консультанту. Брат очень любил Аниэтту и потому никогда не отказывал в помощи. Он любил её за легкость и предсказуемость характера, за ту твердость, которую она проявляла в дости-

жении своей цели. Маленькая книжечка её рассказов уже вышла в одном из издательств, но успех, на который рассчитывала сестра, она Аниэтте не принесла. И тогда она ещё ретивее принялась за своё дело, и за эту настойчивость Питер обожал сестрицу ещё больше. И вот сейчас она снова спрашивала у него совета.

- Так в чём дело, Аннушка? - спрашивал Питер. - Тебе снова нужен рецепт ежевичного варенья?

- Нет, нет, Петруша. Варенье я и сама научилась варить.

- Сама?! Не может быть, - усомнился с шутивостью в голосе брат.

- Тебе всё шутки, а у меня сюжет не продвигается, - укорила брата Аниэтта.

- Хорошо, я весь внимание.

- Ты понимаешь, мой герой заблудился в лесу, а там нет воды, и мне приходится заставлять умирать его от жажды.

- Почему же в лесу, пусть он умирает в пустыне.

- Там, где проходит действие, пустыни нет.

- Сестричка, это же элементарно: в лесу нельзя умереть от жажды. В лесу обязательно есть вода в том или ином виде, лес без влаги расти не может. Там есть или роса или хотя бы маленький ручеёк, в конце концов, каждое дерево даёт плоды или сок, только необходимо знать, ядовитый он или годный к употреблению. Я же тебе давно говорил, что нужно было не сидеть сутками в интернете, а читать книги.

- Ах, теперь-то я это поняла. Я буду навёрстывать, обещаю тебе. И спасибо.

- Нет, Анята, одним спасибом ты на этот раз не отделаешься. Как ни странно, мне тоже нужна помощь.

- От меня? - удивилась сестра.

- Именно от тебя.

- Рада буду отплатить благодарностью... Если, конечно...

- У тебя есть на примете хороший сыщик?

- Ты имеешь в виду копа?

- Нет, нет, именно частный сыщик.

- Ага, понимаю. Это для поисков отца? Я не думаю, что дело дошло до такой степени. Ведь ты же знаешь, что отец не раз попадал в трудные ситуации. А впрочем... У меня много таких знакомых, Петя, но подойдет, пожалуй, только один. Он не как все, он любит раскручивать крутые, необычные дела. Правда, у него не всегда это получается, но... Ты помнишь запутанное дело трёх отравленных женщин, которые воспитывали приёмных детей?

- Да, что-то припоминаю, - подумав, ответил Питер.

- Так вот, полиция не могла его раскрыть, а он это сделал. Представляешь? Оказывается, их отравил не маньяк, а обыкновенные собаки.

- Собаки? Ну-ка, разьясни.

- Дело в том, что все приёмные дети были слепыми, и у них были собаки-поводыри. Все эти семьи жили у заброшенного аптечного склада, а когда дети выходили на улицу, на поводках оставался яд из разбитых ампул. Когда дети приходили домой, матери отстегивали поводки, и у них на руках оставался этот яд, вот и всё.

- Понятно, - без особого энтузиазма отозвался Питер. - Давай на всякий случай телефон этого Пинкертона.

* * *

Пинкертон звали Шелли Бёрн, но Питеру он представился гораздо короче:

- Шелл. - И протянул сухую руку.

- Садитесь, Шелл, - показал на стул Питер и стал излагать суть дела.

Бёрн не перебивал, внимательно глядя на собеседника и крутя между пальцами чёрную авторучку. При этом твердый корпус авторучки издавал мелодичный звон, когда соприкасался с массивным перстнем из какого-то зелёного камня на его среднем пальце. Закончив рассказ, Питер внимательно рассматривал своего молчаливого собеседника, который после всего изложенного тупо уставился на полированную плоскость рабочего стола. Бёрн напоминал Питеру хищного поджарого орла с почти треугольным носом, который высматривает внизу свою добычу. Наконец, «орёл» встрепенулся и, подняв глаза, соизволил подать гортанный голос:

- Я знаком с этой странной историей, господин Черрик...

- Зовите меня просто Питер, - вежливо прервал его хозяин.

- Хорошо. Так вот, я знаком с этой загадочной историей с исчезновением вашего отца. Кое-что мне рассказывала Анни, многое читал в газетах, знакомился с этим делом по интернету. Я много над этим думал. И у меня сложилось впечатление, что весь этот антураж с походом вашей подводной лодки, покиданием яхты - не более чем отвлекающий маневр. Такое впечатление, что ваш отец сознательно всё это создал.

- Вы так думаете?

- Конечно. Такое впечатление, что господин Черрик специально решил отдалиться от людей. Ну подумайте, зачем ему посылать подводную лодку к чёрту на кулички, чуть ли не к Северному полюсу, а самому через несколько дней очутиться в другом полушарии и загадочно исчезнуть, а?

- Но зачем ему это было нужно? - снова удивлённо спросил Питер.

- Не знаю. Но я повторяю, что это он мог сделать сознательно. Вряд ли виновны здесь мистические и космические силы или пираты, как пишут в газетах. А если так, то не мог же ваш отец улететь на Луну да ещё со всем экипажем яхты. - Шелл насмешливо посмотрел на Питера. - А это значит, что он где-то на земле. Скажите, а с ним случалось такое раньше?

- Да, и очень часто, - подтвердил Питер.

- И как же он это объяснял?

Питер развел руки, потом закурил сигарету и предложил гостю. Когда тот вежливо отказался, объяснив, что не пристрастен к этой пагубной привычке, Питер ответил:

- Отец не любил распространяться об этом. Он всегда отшучивался, что его брали в плен какие-нибудь австралийские аборигены, что он заблудился в лесах сельвы или у подводной лодки отказал двигатель, и они сидели целых две недели под толщей океанской воды. Ну, и всё в таком духе. Мы и верили, и не верили. Мы только смеялись над его приключениями, а он будто специально обращал всё это в шутку.

- Понятно. А скажите, в свои походы он всегда брал одних и тех же людей или он каждый раз набирал новые команды?

- Я об этом не задумывался, - подперев свой тяжёлый подбородок, ответил Питер. - Но как-то заметил одну странность.

- Какую же? - оживился Бёрн, снова закрутив между пальцами ручку.

- Как-то мне пришлось встречать его на нашем причале после очередного похода. Он просто позвонил и сказал, что очень устал и не может вести машину, попросил, чтобы я за ним приехал. Мне эта просьба показалась тогда странной, потому что он мог вызвать шофера из нашего гаража или нанять воздушное такси, но он почему-то вызвал меня. Я так и сделал. Мне приходилось раньше встречать отца из морских походов, но тогда возле прежней нашей яхты, где экипаж был намного меньше, всегда царило столпотворение. Дети, жёны моряков, просто знакомые встречали путешественников со слезами радости, с обниманиями и поцелуями. Вобщем, со всеми теми приметам, когда люди встречаются после долгой разлуки. А в этот раз с борта сошла человек восемь, не больше. В их числе был и мой отец, исхудавший, обросший и, действительно, очень уставший. Когда я спросил его, что случилось, он только отмахнулся, буркнул про какой-то шторм, который измотал их до предела. И мы поехали домой.

- И в чём же здесь странность? - спросил Бёрн.

- Как в чём? Экипаж был явно неполным - это первое. Второе, никаких штормов за последние дни у восточного побережья Америки не было.

- Это точно?

- Так же точно, как мы сидим сейчас и беседуем, - с усмешкой ответил Питер. - Потому что двумя днями раньше, в выходные дни, я с моими друзьями летал на Барбадос на отдых. Была прекрасная погода, и мы тогда славно провели время. Ну, вы понимаете.

Шелл снова на минуту-другую задумался, не забыв при этом покрутить ручку между пальцами, потом ответил:

- Возможно, часть экипажа сошла где-то в другом месте.

- Может быть, надо просто проверить судовой журнал.

- А вы не интересовались у отца, куда они ходили?

Питер снова усмехнулся:

- Это было невозможно. Отец никогда никому не говорил и ни с кем детально не обсуждал свои походы и приключения.

- Интересно, очень интересно, - пробормотал Шелл, потом неожиданно спросил: - Вы действительно хотите меня нанять для поисков вашего отца?

- Да, конечно, этого хочу не только я, но и моя мать.

- Хорошо, договор мы составим завтра, - сказал Бёрн, уже вставая с кресла. Но неожиданно он снова сел. - Может быть, вам известно что-то ещё, что нас интересует?

Питер на минуту задумался: »А не сказать ли ему про телефон космической связи? Нет, нет, отец строго наказал, что его можно использовать только в самых крайних случаях. Но когда он наступит, этот самый крайний случай, тоже неизвестно. Бывало, отец исчезал на целых полгода, а потом появлялся снова. На этот раз прошла лишь неделя. Нет, говорить пока рано«. Вслух же он ответил:

- Как будто больше ничего неизвестно. Правда, я ломаю голову, мистер Бёрн, как вы будете расследовать это дело, сидя на берегу, ведь отец пропал в океане?

- Вы уверены, что в океане? - оgoroшил Питера Шелл.

- Конечно, ведь яхту нашли в Атлантике.

- Возможно, - осторожно выдавил из себя Берн, - но человек - не рыба, он не может жить в воде, посреди океана. И если ваш отец и его люди живы (я надеюсь, что это так), то они должны быть на суше. А если это так, то мы его обязательно найдём. Если я не ошибаюсь, на нашей планете не осталось ни одного неоткрытого сантиметра суши, во всяком случае, так утверждают географы. Поверьте моему опыту, даже прошлогодняя травинка оставляет свой след, а такое деятельное существо, как человек, тем более. К тому же, при современных средствах коммуникации, сыщику не обязательно даже выходить из дома, любые известия и новости можно узнать из интернета, из радио, телевидения, газет. Нужно только правильно сопоставлять и анализировать факты...

«Слишком самонадеян, - подумал Питер, когда сыщик ушёл. - Но это и хорошо, без самонадеянности и здорового апломба нельзя приниматься за дело. А как он тонко почувствовал, что я ему что-то не договариваю. Ладно, посмотрим, что он будет предпринимать».

6

Глафира металась по комнате и, стуча кулачком правой руки по раскрытой левой ладони, кричала:

- Ну, почему ты такой эгоист, Лёшка, почему? Почему тебе можно в это путешествие, а мне нельзя?

- Да пойми ты, жenuшка дорогая, - отшучивался Подноветный, - нельзя класть все яйца в одну корзину, ведь если её уронить, то разобьются все яйца. А я не хочу, чтобы наш славный род Подноветных в случае неординарных событий пресёкся.

Жена Подноветного схватила диванную подушку и метнула её в мужа.

- Гад ты, Лёшка.

- Конечно, гад, - легко согласился Алексей, - ведь я тихо, исподволь вполз в твою душу, в твоё сердце и отравил их ядом любви.

Алексей захохотал и скатился с дивана на пушистый золотистый ковер.

- Слушай, Лёш, давай поговорим серьёзно, - заворковала Глаша, садясь на диван. - Давай, садись рядом со мной. Вот так. Прижмись ко мне. Так хорошо! Ты же знал, что у меня плановый отпуск?

- Ну, знал.

- Я что, в наших походах когда-нибудь была балластом?

- Я так бы не сказал. Ты была прекрасным поплавком, особенно когда мы вдвоем оставались в палатке, - всё еще отшучивался Алексей.

- Мы ходили с тобой по Байкалу, по Черному морю, мы сплавлялись с тобой по алтайским прыгунам, а ведь это пятый уровень сложности, мы...

Алексей прервал ее:

- Даже наш великий Байкал - лужа по сравнению с океаном. Неужели ты

этого не понимаешь. - Он прижался головой к её животу. - А как будет чувствовать себя наш маленький, когда ты выйдешь в море, а? Ведь он захлебнется от блевотины.

- Но ему всего месяц, это всего лишь эмбрион, Лёша, а плавание продлится все-то месяц-полтора.

- Ну, так по плану, - неохотно отозвался Подноветный. - А сколько оно будет продлиться на самом деле, одному Богу известно.

- Вот видишь, всего два, ну, пусть три месяца. Итого нашему наследнику будет всего четыре месяца, когда мы вернёмся домой.

Алексей задумался, подыскивая ещё предлоги, чтобы отговорить Глашку от её авантюры.

- А как же ваша фирма «Терратур»? Она без тебя не пропадёт? Ведь сейчас бархатный сезон наступает. Я не понимаю, почему тебя шеф отпускает в самое горячее время.

- Во-первых, - Глаша стала разжимать пальцы правого кулачка, - я не была в отпуске целых два года; во-вторых, наша Маша расширяет штат, и сейчас у нас проходят стажировку и обучение три молодых ведьмы, которые так и метят на моё место; в третьих, если шефица узнает о моей беременности сейчас, она просто выкинет меня из турбюро; в четвёртых, мы за эти годы так надоели друг другу, что она с удовольствием даст мне ещё два месяца неоплачиваемого отпуска. Ну, как, убедила?

С Глашкой, озорной и очень красивой девчонкой с зелеными глазами, Алексей познакомился в одной туристической секции, когда он подбирал группу двоих «плотников» вместо выбывших друзей по университету, которые неожиданно решили перейти в другую группу, чтобы сплавляться на реке шестой категории. Алексей долго отговаривал их, доказывая, что очень опасно переходить из третьей группы сложности в самую высшую категорию, но они закусили удила. В этой секции Подноветный и обратил внимание на рыженькую девчонку, которая пыталась сколотить самостоятельную группу для похода на Памир. Тогда-то к ней и подошёл Алексей, спросил:

- А меня возьмете?

Девчонка оглядела Алексея сверху донизу и ехидно заметила:

- Новички мне не нужны.

- А откуда вы знаете, что я новичок, может быть, я ас по восхождению на пики, может быть, я покорил и Джомолунгму, и Эверест, и...

Девчонка ехидно ответила:

- Я смотрю, вы покоритель других вершин, женских. - И гордо отошла.

Но через неделю она подошла сама, поздоровавшись, виновато сказала:

- Вы извините, Алексей, я не знала, что вы экстремал со стажем.

- Ну, это известное заблуждение новичков, которые встречают человека по одежке.

Глафира смутилась, пробормотала извинения, но Алексей только рассмеялся и сделал предложение:

- А давайте в нашу группу.

- Так вы тоже высотник?

- Ну, вообще-то я, скажем так, специалист широкого профиля, одним словом, и высотник тоже, только круче.

- Это как? - удивилась Глаша.

- А так, мы тоже поднимаемся в гору, а потом быстренько, быстренько спускаемся с неё.

- На парапланах или дельтапланах, что ли?

- Нет, на плотках, по речке. Мы рафторы.

Глафира округлила свои круглые, словно заросшие зелёной ряской озеро, глаза и согласилась:

- Действительно, это очень круто. Сплавляться по горной речке на плоту я ещё не пробовала.

- Так, может, стоит это сделать нам вместе, - предложил Алексей, и Глаша согласилась.

... И вот теперь его жена снова просилась в поход. Алексей был бы, конечно не против, потому что более верного и надёжного товарища он и не желал бы, но долгожданная новость, что он скоро станет отцом, беспокойство за будущего ребёнка заставляли его сомневаться. Да и как отнесётся к женщине на борту Данила.

Данила почему-то этому даже обрадовался:

- Да это же чудесно, бродяга ты эдакий! Женщина на борту - это, может быть, и плохая примета, но мы же не моряки, а просто морские путешественники. Представь, мы плывём по океану, кругом одна вода и три бородастые мужички морды, а тут среди них эдакий женский бриллиант, который скрашивает их тоскливое существование...

- Ну-ну, - грозно прорычал Алексей, - раздул губы-то. Ты забыл, что это моя жена?

- Да нет, ты что, Лёшка, я же не в этом смысле.

- Ну, ладно, проехали. Ты лучше скажи, как наш ковчег, готов?

- Да, полностью, - оживился Агафодров. - Ты представляешь, мерседесовский дизель, тончайшие синтетические паруса, сделанные по нан-технологии, которым не страшны ни солёная вода, ни огонь, мачты из титана, две каюты, отдельная рубка, водоизмещение почти сорок тонн. Ну, как?

- Водоизмещение впечатляет, - сухо ответил Подноветный. - А как с бытом, оснащением, средствами спасения?

- Всё окей, старик! Две спасательные надувные шлюпки, спасжилеты со всем необходимым, чтобы выжить целую неделю, навигационный прибор ГЛОНАСС, кухня, продукты, сжиженный газ, медикаменты. Всё, как у космонавтов. А скорость какая! Нет, на парусах, конечно, ни от кого не убежишь, но зато когда наше судно превращается в катер, он бежит по волнам, как гепард по суше. Тут уж мы короли. Так что, будем живы - выплывем, - восторгался Данила.

- Ладно, посмотрим, что за чудо там тебе построили, - сухо согласился Алексей. - Но без разрешения редактора, сам понимаешь, я и в туалет ни ногой.

- Так, давай, отпрашивайся, заболей, пропади на месяцик. Придумай что-нибудь для своего бога, чтобы он тебя отпустил, - подзадоривал Агафодров.

На самом деле Гриша Чёрненький, главный редактор и шеф журнала «Невероятные чудеса и приключения», был ржым и не соответствовал сво-

ей уменьшительной фамилии. В его костюме могли втиснуться два таких мужика, как Алексей Подновтвый, или три девушки-манекенщицы. Когда в его кабинет вошёл Алексей, Гриша лишь на секунду приподнял свой соломенный кудрявый стог от гранок на столе и показал на стул. При малейшем движении его руки с авторучкой в момент правки его студенистое тело колыхалось, словно наполненный водой шар. Что самое удивительное, Гриша никогда не потел и в самые знойные дни не снимал пиджака. Гриша был аскет по интерьеру, в его кабинете не было ничего лишнего, лишь рабочий стол, сбоку, в углу, компьютер с набором необходимых аксессуаров, голые стены с голубыми обоями, и несколько стульев.

Вот Гриша сделал последнюю правку, последний раз колыхнулся и маленькими глазками просверлил своего сотрудника. Женоподобным голосом спросил:

- С чем пришёл: от дела лытать или дело пытаться?

- И то, и другое, - спокойно ответил Алексей.

Гриша лишь недоверчиво причмокнул мясистыми розовыми губами и крикнул:

- Соня!

В кабинет влетела тоненькая курьерша.

- Я здесь, Григорий Давидович.

- Отнеси в корректорскую.

Курьерша схватила гранки, повернулась, не забыв выпятить попу в брючках, и со свёрнутой набок головой вышла из кабинета.

- Выкладывай, - пропел Гриша, стукнув ручкой по столу.

- Образуется одна интересная поездочка, - осторожно начал Алексей, но, увидев, как Гриша недовольно пожевал губами, опередил его возражения: - Во первых, почти никаких затрат, во-вторых, я не был в отпуске почти два года, в третьих, ты, наконец-то, от меня отдохнёшь, в четвёртых, может получится неплохой материал. Как говорится, четыре в одном.

- Не жуй мне мозги, Лёша, расшифровывай, - недовольно профальцетировал рыжий Чёрненький.

- Мой друг детства построил яхту, зовёт меня прокатиться по Индийскому океану от Египта до Австралии. Так что твои затраты - только командировные на месяц.

Редактор откинулся на спинку массивного, заказного кресла, отчего та жалобно и болезненно заворчала. Чёрненький откинул голову, закрыл глаза и надолго замолчал. Алексей знал, что таким образом шеф подсчитывает все финансовые потери и дивиденды. Вот он открыл норки коричневых глаз, спросил:

- И ты надеешься за месяц управиться?

- Само собой.

- Хорошо, но с условием, что если ты вернёшься хоть на один день позже, я вычту с каждого твоего последующего рабочего дня в двойном размере, - пригрозил Гриша.

- Укалякал, шеф, - согласился Алексей. - Но с условием, что если я привезу материал, который поднимет тираж нашего журнала, то ты заплатишь мне двойной гонорар.

- А ты сначала привези, - грозно пропищал Гриша. - А потом удвой тираж. Удвойщик! Правда, я не понимаю, что интересного ты можешь привезти из Египта или из Австралии, про них уже всё писано-переписано, как про наше родное Подмосковье. Но командировочных не выпишу!

- Жлоб, - прошипел Алексей и встал со стула. Он уже подходил к двери, когда услышал, как Гриша по внутренней связи пропищал:

- Алевтина Викторовна, оформите отпуск Подноветному на месяц и выпишите командировку в Египет.

- Хорошо, Григорий Давидович, - услышал Подноветный голос бухгалтерши.

Алексей повернулся, сделал умильное лицо и поклонился.

- Мерси, шеф.

- Иди к чёрту! - неожиданно побасовевшим голосом рявкнул Гриша. - Да, и семь футов под килем.

- Лучше бы поглубже, - ответил Алексей. - Надеюсь, до скорой встречи.

* * *

Аэропорт Каира встретил их зноем Аравийской пустыни и влагой могучего Нила. В микроклимате салона «Боинга» Глафира чувствовала себя как рыба в воде, хотя было и душновато, но когда они спустились по трапу на раскалённую бетонную полосу, она вдруг вся покрылась испариной и побледнела.

- Тебе плохо, Глашка? - спросил муж.

- Нет, нет, ты не беспокойся, - поспешила успокоить его жена, - это просто от перемены климата, за мной такое бывает.

«Перемена» была, что называется, налицо, но Алексей успокоил себя тем, что в случае ухудшения самочувствия жены он успеет отправить её назад, домой, под наблюдение тёщи. Слава богу, что их встретил агент Данилы на своем микроавтобусе, в котором был кондиционер, и потому Глафира сразу повеселела и стала по-женски шутить, что де, мол, вот она, женщина среди мужчин, как роза среди пустынных колючек. Но агенту было некогда слушать эту болтовню, потому что он ехал по шоссе, как экстремал на треке, пытаясь увернуться от бешенных арабских водителей, которые словно соревновались в том, кто от кого первым увернётся. Данила спал, уронив голову на боковое стекло, а Алексей мечтал о свежем, прохладном душе, комнате с кондиционером и кровати с чистой простыней.

До Думьята они добрались уже к вечеру, и каждый исполнил свою мечту: Алексей помылся под душем и упал на кровать, тут же заснув, Глафира, как ни странно, ещё успела полюбоваться с балкона восточным закатом огромного солнца, а Данила, выспавшийся за дорогу, тут же умчался к своему арабскому компаньону, наказав перед отъездом:

- Вы тут, детишки, без меня не шалите, никуда не выходите, а то, не дай бог, заблудитесь, а то и ещё хуже.

- А чего хуже-то? - спросила Глафира.

- А тебя украсть могут, как прекрасную розу, и поместить в гарем.

- Правда? - обрадовалась Глафира и томно потянулась. - Всю жизнь об этом мечтала, чтоб меня похитил прекрасный восточный принц и поместил в свой великолепный гарем.

Сухогруз «Дурбан» шёл из южно-африканского порта Ист-Лондон на левом траверзе от островов Кента. После суточного шторма команда судна отдыхала. Капитан сухогруза Фриц Норман, проведший на ногах почти двое суток и «принявший на корму» бутылку любимого мускатного вина, спал беспокойно. Беспокойство его объяснялось не тревогой за команду и за своего помощника, который сейчас стоял на вахте и которому он доверял как самому себе, а оттого, что в последние полгода его преследовало странное видение, от которого его сознание не могло отвязаться. Будто посреди океана, посреди самой водной пустыни, вдруг возник зелёный остров и так же неожиданно исчезал. Старый морской волк, проходивший по морям и океанам почти двадцать лет, Норман знал, что на этом курсе нет и не могло быть никаких, даже самых маленьких, островов. Но...

Однажды, когда океан спал под звёздным одеялом ночи, Фриц вышел на палубу подышать прохладным морским воздухом. Он любил смотреть на ясные, такие близкие звёзды, что хотелось протянуть к ним руку и потрогать их колючки, а затем протереть мутное зеркало полной луны. Именно за это он и любил океан: здесь, вдали от света цивилизации, мир был совсем иным, таким близким и родственным, что он ощущал себя с ним одним целым, а душа будто порхала над всем миром, насыщаясь его спокойствием, нетленностью, чистотой, нетронутостью и мудростью. Там, на земле, в городах и на дорогах, Норман чувствовал себя песчинкой в людской пустыне, которую бросало из стороны в сторону против его воли. Искусственные, созданные человеком звуки, свет, жилища, запахи и даже чувства раздражали его, словно подопытное животное, которое пытаются электрическим током, чтобы определить его рефлексы.

Правда, наслаждение одиночеством к Фрицу пришло не сразу, а только после того как Линда, его любимая жена, с которой они прожили почти шесть лет, стала вдруг чуждаться его и чахнуть. На все его расспросы о причине такого изменения, она неизменно отвечала:

- Пойми, Фриц, я очень люблю тебя, но иногда самое лучшее, что необходимо для любимого человека, - это не знать.

Вскоре после этого разговора Норман ушёл в очередное плавание, а спустя неделю после плавания ему по радиосвязи сообщили, что Линду нашли мёртвой далеко в море, куда она заплыла на прогулочном катере, взятом напрокат. Что случилось в море, никто не знал, но всё объяснилось, когда он из ближайшего порта вылетел в ЮАР, чтобы попытаться выяснить эту причину. Патологоанатом, который делал вскрытие тела Линды, после долгих уговоров сказал ему, что его жена просто утонула, а после трёх порций текилы признался, что она была заражена вирусом иммунодефицита. Когда Фриц спросил, почему она это сделала, патологоанатом взглянул на него, как на ребёнка, и ответил:

- Фриц, неужели ты не понимаешь, что болезнь можно вылечить, а душу никогда. Видно, она тебя сильно любила и не хотела, чтобы ты об этом узнал при её жизни.

Пожалуй, впервые в жизни Норман так долго и горько плакал. Он долго корил себя, что так и не допытался у Линды об её проблеме, он был почему-то уверен, что простил бы её и никогда не напоминал бы ей об этом, потому что хорошо знал, как тяжело бывает женам моряков ждать их из плавания и оставаться им верными. В дальних краях, в тех портовых городах, где приходилось подолгу оставаться на берегу, Фриц и сам пользовался услугами женщин, которые в отсутствие своих мужей становились портовыми шлюхами, но своей Линде он всегда верил, потому что перед каждым плаванием, провожая его, она неизменно говорила: «Фриц, милый, я всегда буду верна тебе, помни это. Если будут что-то говорить нелицеприятное обо мне другие или даже я сама, не верь этому. Я только для тебя, Фриц, только для тебя, любимый...» И она осталась верна своему слову, только по-своему - уйдя от него, не замарав его.

С тех пор Норман больше не помышлял связать себя узами брака и даже обещаниями слова. Но с тех пор изменился и его характер, из весёлого, словоохотливого и пышущего здоровьем, с лучезарной улыбкой моряка он превратился в задумчивого, молчаливого, сурового человека, предпочитавшего одиночество и предающегося мечтаниям. Вот и в этот день, когда его душе потребовалось одиночество, уже ночью Норман вышел на палубу, закурил свой любимый «кент» и уставился на еле заметный колышущийся горизонт, оттенённый слабым лунным светом. Он ни о чем не думал, а просто созерцал, давая мыслям отдых после очередной вахты.

В какой-то момент ему показалось, что на юге показались очертания какого-то острова. Эти очертания то появлялись, то исчезали вновь. Но Норман точно знал, что на этом траверзе не могло быть никакого острова. Может быть, это было какое-то крупное судно, например, нефтеналивной танкер? Но даже такая махина казалась бы мелкой по сравнению с тем, что он сейчас наблюдал. Норману показалось, что на том странном острове он заметил слабый проблеск света. Может быть, это была искра от его сигареты, оторванная ветром? Фриц бросил сигарету за борт и снова стал всматриваться в очертания, пытаясь разглядеть хоть что-то. И точно: через несколько секунд он заметил один проблеск огня или света, затем второй, третий... «Наверное, это всё-таки танкер, - подумал Норман, - раз там есть огни... Возможно, это всё-таки остров, уж больно он большой». Но здесь Норман обратил внимание, что за то время, пока он наблюдал за странным объектом, - а прошло никак не менее пятнадцати минут - плавающий объект то отставал, то снова догонял их. Фриц понимал, что таких судов не бывает, которые, меняя курс, с такой скоростью движутся с кормы на нос и с носа на корму. Он еще подумал: «Прямо какой-то плавучий НЛО». Фриц, на какое-то время задумавшись, повернулся, чтобы сходить в рубку и спросить своего помощника, не наблюдал ли он чего-то подобного необычного в последнее время. Потом снова взглянул на линию горизонта - там ничего уже не было: ни очертаний, ни проблесков огней, ничего. «Наверно, мне показалось», - подумал Фриц, но всё-таки решил сходить в рубку и проверить себя.

Помощник капитана и матрос сидели на прикладных стульях и каждый занимался своим делом: помощник смотрел видео, а матрос сосредоточенно пялился на красноток на дисплее своего сотового телефона. Норман обратил

внимание, что корабль идет на автопилоте, звуковая сигнализация автоматического оповещения, которая срабатывала при появлении судов на встречных или обгонных курсах или на траверзе, тоже молчала. При появлении капитана помощник повернул голову, спросил:

- Что, кэп, не спится?

- Да, что-то в этом роде. Видно, нагулялся, - добавил он.

Матрос нехотя оторвался от дисплея и с блудливой улыбкой сказал:

- Скоро придем, кэп.

- Я понимаю тебя, Бас, - ответил Норман. - Наверно, хочется погулять.

- Очень хочется, кэп.

- Как, всё нормально? - спросил Фриц.

Помощник удивлённо воззрился на своего начальника и нехотя ответил:

- Да, всё хорошо.

- По встречному и боковым курсам всё чисто?

- Всё чисто, - снова с удивлением ответил помощник. - А в чём дело,

Норман?

Фриц подумал, не поделиться ли своими необычными наблюдениями с помощником, но потом представил его реакцию с пальцем у виска и ответил:

- Да так, перестраховываюсь. Ты же знаешь, здесь очень оживлённые маршруты.

Первый раз с Норманом подобное произошло, когда они ходили из Сан-Франциско в Ньюкасл, второй раз точно такое же видение он наблюдал, когда «Дурбан» шёл из австралийского Перта в Кейптаун, третий раз он видел океанский призрак, когда сухогруз шёл из чилийского Антофагаста в Веллингтон. В третий раз это происходило на рассвете, почти днём. Норман нисколько не сомневался, что на этом странном призрачном плавучем острове он увидел зелёные насаждения и даже какие-то строения, похожие на человеческие жилища. Он так пристально всматривался в горизонт, что в один момент ему даже показалось, что с самого высокого мыса этого призрачного острова ему махнула красной косынкой его Линда. Фриц даже зажмурился и помотал головой, чтобы отогнать это видение. И оно действительно исчезло. Но вместе с тем исчезал и сам призрак: вот он удаляется всё дальше и дальше, пропадают его очертания, зелёный мыс, а затем и весь он как бы утонул в волнах.

Норман когда-то читал, что на просторах океана появляются острова-призраки, и что даже айсберги, отколовшиеся от шельфа Антарктиды, могут плавать годами. Грязь, скопившаяся на их поверхности, в более теплых широтах начинают покрываться зелёными мхами и травами. Может быть, именно такие айсберги и видел Фриц.

В команде сухогруза разговоров о странном острове никто не вёл, каждый член команды занимался своим делом и обращал внимание на капитана лишь тогда, когда заступал на вахту или делал какие-то другие необходимые на судне работы. Нормана ставило в тупик то, что это видение являлось только ему. Странно было бы, если бы это был натуральный объект, чтобы его больше никто не видел; странным было и то, что этот остров (если это был именно остров) являлся ему совершенно в разных местах Индийского океана и южнее Австралии. Если это был остров, то как он мог плавать, ведь

острова, как известно, не плавают - это Норман знал точно, и в этом его никто и никогда не мог бы переубедить.

Однажды он зашёл к старшему матросу Аренсу, летучему голландцу, как называли его в команде за непоседливый характер, который исполнял ещё и обязанности судового доктора. Аренс когда-то закончил несколько курсов Амстердамского университета, хотел стать врачом общей практики, как настаивал его отец, тоже доктор, но мальчик вдруг захотел стать моряком и, несмотря на сопротивление родителей, ушёл в плавание. Ушёл на один рейс, чтобы испытать себя, и вот уже восемь лет бороздил моря и океаны.

Увидев входившего в его каюту капитана, Аренс улыбнулся сквозь усы и спросил:

- Какие-то проблемы, кэп?

- Почему ты так думаешь, Аренс?

- Ну, обычно, если от меня требуется что-то надо другое, то меня зовут штормовым сигналом, - он показал глазами на звонок, прикреплённый к стенке каюты.

- Да, ты прав, Аренс, - сказал Фриц, усаживаясь на кушетку. - Ты понимаешь, в последнее время со мной происходит что-то странное...

И он рассказал о плавучем привидении, о Линде.

- Это происходит во сне или наяву? - спросил Аренс.

Норман задумался.

- Откровенно говоря, я и сам уже не знаю. Может, у меня просто нервишки пошаливают или галлюцинации, а?

- Вполне возможно, - ответил Аренс и как-то странно посмотрел на своего капитана. Заметив этот взгляд, Фриц подумал: »Зря я ему рассказал, ещё подумает, что я псих. А если дойдёт до босса, то меня точно выкинут за борт, и стану я сухопутной крысой». Но Аренс вполне серьёзно отнёсся к проблеме своего капитана, он постучал молоточком по коленям, поводит им перед его глазами, велел, закрыв глаза, дотронуться до кончика носа и вынес свой вердикт:

- По моему, ничего страшного, кэп, у вас просто переутомление. Вы когда были в отпуске?

- В отпуске? - спросил не то Аренса, не то самого себя Норман. - Зачем он мне, меня ничего на берегу не держит. Я отдыхаю между рейсами, мне этого вполне хватает.

Аренс, знавший о жизни своего капитана, только вздохнул и сказал:

- Вам нужен не просто отдых, а смена обстановки и, если хотите, климата.

- Климат я меняю каждый день, - отшутился Фриц.

Врачеватель лишь вздохнул, полез в свою аптеку и вытащил из неё несколько блистеров. Протянул Норману и сказал:

- Вот, принимайте эти лекарства. Уверяю, кэп, ничего страшного у вас нет. И всё-таки настоятельно советую - отдохните, перемените обстановку, когда придём в порт приписки.

- И что ты мне посоветуешь, Аренс?

- Ну, я не знаю ваши предпочтения, кэп. Поезжайте в какую-нибудь деревню, сходите в музей или порыбачьте.

- Музеи - это слишком скучно, я и так за свою жизнь слишком многого посмотрелся, чтобы в них ходить, а вот в деревню... Впрочем, я подумаю. Спасибо, Арнс, - сказал Фриц, вставая с кушетки.

После приёма лекарств Норман почувствовал себя как будто лучше: ему уже не являлись призрачные острова и всякие другие чертовские видения, да и спать он стал лучше. Но сегодня что-то не спалось. Он оделся потеплее и вышел на палубу. Океан качал сухогруз с кормы на нос, словно щепку. Свежий ветер срывал с гребней волн пену и бросал её в лицо Фрицу. На своем обычном месте Норман неожиданно увидел человека, в предрассветной синеве рассмотрел смуглое лицо матроса Баса. Тот стоял, опираясь на борта, и напряжённо всматривался в горизонт, словно хотел что-то там рассмотреть. Он не заметил капитана сразу и потому, когда Норман пробасил:

- Доброе утро, Бас, тоже не спишься? - матрос вздрогнул и как-то испуганно посмотрел на капитана, не произнеся от растерянности ни слова. Потом овладел собой и выдавил из себя невпопад несколько фраз:

- Да это я так... Не спишься, кэп... Доброе утро, кэп.

- Курить будешь, Бас?

- Спасибо, кэп. - Матрос взял из рук капитана сигарету, прикрывшись полой бушлата, прикурил её и жадно вдохнул дым. Долго стояли молча, не обращая внимания на брызги от свежего ветра и летящую с гребней волн пену.

- Ты сколько уже ходишь, Бас?

- Три года всего, кэп, - ответил матрос.

- На сколько у тебя контракт?

- На пять лет, герр капитан.

Опять замолчали. Капитан посмотрел на круглый профиль лица Баса, неожиданно спросил, думая о своём:

- Скажи, Бас, ты не замечал ничего странного в океане?

Норман заметил, как Бас неожиданно вздрогнул при этом вопросе, посмотрел в глаза капитану и ответил встречным вопросом:

- Что вы имеете в виду, кэп?

- Ну, не знаю. Например, огромного морского змея или летучего голландца, может, ещё какую чертовщину.

- А почему вы спрашиваете об этом, герр капитан?

- Да есть у меня некоторые сомнения... Видел я кое-что, но, может, это галлюцинации, вот...

После недолгой заминки Бас выстрелил окурком в волны и сказал:

- По правде говоря, кэп, однажды я видел что-то подобное, но... Вы ведь не считаете меня сумасшедшим, кэп?

- Нет-нет, что ты, - заверил Фриц матроса. - Мне как-то один знакомый врач сказал, что каждый человек по своему сумасшедший, только у одних сумасшествие проявляется очень чётко, а у других не проявляется всю жизнь. Просто последних больше, и они считают себя нормальными.

- Наверное, это так и есть, кэп, - отозвался Бас. - Наверное, я отношусь ни к тем и ни к другим.

- Почему?

- Ну... Только не смейтесь, герр капитан. Я расскажу вам кое о чём, а вы

послушайте. - Бас снова замялся, а потом решил: - Я не знаю, что это было: полусон, видение или ещё какая чертовщина, но... Понимаете, я видел какой-то странный остров.

- Остров? Это точно? - почему-то обрадовался капитан.

- Да, да, именно остров, - горячо заговорил Бас. - Только этот остров был каким-то странным, герр Норман. Он появлялся то здесь, то там, он как будто плыл, то обгонял, то отставал, будто преследовал нас, а потом исчезал. Не знаю, кэп, может, это был мираж или призрак. Но ведь миражей в море не бывает, так герр капитан?

- Я, по правде, не знаю, - ответил Фриц. - А дальше, дальше что.

- Вы понимаете, герр капитан, я видел его четыре раза и каждый раз в разных частях океана. И уверяю вас, это был один и тот же остров, на нём росли деревья, на нём есть горы. Однажды мне показалось, что там кто-то движется, люди или животные.

- Люди? - спросил Норман. - Это точно?

- Я не уверен, герр капитан, но больно уж эти существа были похожи на людей.

- Ты это видел днём или ночью?

- И днем, и ночью, герр капитан. Ночью, мне кажется, я видел даже какие-то мерцающие огни. Ну, знаете, такие, похожие на огни Эльма.

- Так. - Норман задумался. - И ты никому об этом не рассказывал, Бас?

- Никому, герр капитан, вам первому. Сами понимаете, что бы обо мне подумали, - Бас покрутил у виска и присвистнул. - Святая Мария свидетельница. Я боялся, что меня засмеют или примут за сумасшедшего. Я боялся, что меня спишут на берег, герр капитан, как ненормального. А у меня, кэп, семья, дети, их кормить надо. Клянусь всеми святыми, это правда, что я вам рассказал. - Бас наложил на себя католический крест и внимательно посмотрел на своего начальника. - А что, герр Норман, вам тоже привиделась эта чертовщина?

- Ты точно сказал, Бас - привиделась. Но теперь я уже сомневаюсь, что мне это привиделось, - ответил капитан. - Ведь если привиделось не мне одному, то получается, что это вовсе и не призрак, а что-то совсем другое. Ведь не может же остров плавать, так, Бас?

- Я таких островов не видел, герр капитан. Правда, я где-то читал, что в Саргассовом море образуются такие острова из водорослей, но сам я их не видел.

- Что же нам делать, Бас, с этой информацией?

Бас пожал плечами и зябко поёжился, ничего не ответив своему капитану. Снова закурили. Неожиданно Норман сказал:

- Давай вот что мы сделаем, Бас: осторожно поспрашиваем у других, может, кто-то другой видел это привидение. Только аккуратненько, чтобы нас и на самом деле не приняли за заговорщиков или умалишённых.

- Я придумал, герр, как это сделать. - На смуглом широком лице матроса засветилась улыбка. - Мы будем рассказывать об этом всему экипажу, ну, вроде бы как морскую байку. Ведь моряки любят травить разные небылицы и истории, ведь, правда, кэп?

- Что ж, это можно попробовать, - согласился Фриц.

В минуты отдыха капитан Норман любил просто полежать в своей каюте и помечтать о чём-нибудь. В последнее время мечты его как бы притупились, уплыли, словно облака над океаном. Ну, о чем может мечтать человек: о счастье, об уютном доме или о семье, самых обыкновенных радостях жизни и покое после трудового дня. Ни счастья в общечеловеческом понимании, ни дома, ни семьи, ни покоя Фриц уже не ожидал. Но после того как ему показалось, что с того призрачного острова ему помахала косыночкой Линда, Норман потерял покой, отчего ему и не спалось по ночам. Он вдруг вбил себе в голову, что его любимая жена, возможно, жива. Ведь он же не видел её мёртвой, не был на похоронах, не целовал на прощание её холодные губы. А вдруг в море нашли совсем не Линду, а совершенно другую женщину, ведь солёные морские воды так обезображивают лицо человека, если он долго пробыл в воде. Норман сам видел однажды, как в порту полицейские вытаскивали из воды на берег труп утопленника. На человека это было похоже мало, это походило больше на бревно с обломанными сучьями вместо конечностей или на огромную сваренную сосиску. Кожа на животе утопленника треснула, и из него вывалились внутренности, лицо напоминало маску из фильма ужасов, на котором вместо глаз были лишь две узкие щёлочки.

А вдруг Линда жива и каким-то необъяснимым образом и при необъяснимых обстоятельствах на самом деле оказалась на том призрачном, плавающем по океану острове? А что если это она ищет его, Фрица, и никак не может с ним соединиться вновь? Ведь она знает, что он плавает на «Дурбане», и подаёт ему знак, что она вовсе не мертва, а просто находится в неволе у каких-то неведомых существ.

Эти навязчивые мысли в последние дни так завладели Норманом, что он решил оповестить об этом весь мир: пусть знают, что его милая, дорогая Линда жива, и она, возможно, находится на плавающем острове у каких-то неведомых существ. Только как об этом рассказать людям? Может быть, выступить по телевидению, ведь телерепортёры так жадны до сенсаций, им надо повышать рейтинги телепередач, чтобы кормить зрителей рекламой, от которой они получают хорошие деньги?

А может быть, просто распусть слух об этом острове, ведь слухи иногда кажутся правдоподобнее любых реальностей? Нет, не годится ни то, ни другое. На телевидении его посчитают умалишённым и наверняка отправят в психушку до конца жизни, если же просто распусть слух, то никто не будет знать о нём, Нормане, а значит и о Линде. Нет, нет, это не годится. Самое лучшее - это написать письмо в какую-нибудь известную газету, там очень охочи до поедающих друг друга уток. Он где-то читал, как один журналист, чтобы посмеяться над легковерием своих читателей, написал заметку о том, как учёный купил 20 уток, изрубил одну из них и накормил остальных уток. Так он поступал до тех пор, пока не осталась всего одна утка, которая пожрала, таким образом, своих 19 подруг. Этим учёный якобы доказал прозорливость уток. И, что самое интересное, этот бред перепечатали многие газеты и журналы, а читатели поверили в это. Да, написать в газету - это самый лучший вариант. Только вот как подписаться: своим именем или псевдонимом? Если своим, то придётся объясняться или доказывать, а фактов и доказательств у него нет. Эх, если бы у него был фотоаппарат, но фото-

аппаратов Норман не любил с тех самых пор, когда какой-то фоторепортер-ришка-папарацци заснял их с Линдой на пляже, где они целовались, а потом поместил фото в местной газете. «Ладно, подпишусь пока псевдонимом или вымышленным именем, а потом, если письмо опубликуют, я им позволю и назову своё настоящее имя», - подумал Норман и, достав из стола листок бумаги, сел писать.

8

Другом Агафодрова в Думьяте оказался весёлый и вездесущий араб по имени Саид, который при первой встрече с супругами Подноветными представился на чистом русском:

- Здравствуйте. Зовите меня просто Саша. Вы не удивляйтесь, я учился в России, в Петербурге на судостроителя.

Алексею он пожал руку, а Глафире галантно поцеловал руку, не забыв при этом бросить по-восточному долгий взгляд на её пышную грудь в глубоком вырезе лёгкого платья. После чего он что-то сказал по-арабски Даниле и тот кивнул головой.

Встречались они в офисе у Саида, который располагался в большом старом здании на самом берегу Средиземного моря. Кабинет был украшен по-восточному пышно и щедро коврами, картинами, оружием и столиками с различными древними предметами от гигантских раковин до греческих амфор, видно, поднятых со дна моря. Начал разговор Саид с не очень радостных известий:

- Возникли некоторые трудности с прохождением через Суэцкий канал, в последнее время очень сильно выросли расценки на прохождение по нему.

- Насколько? - поинтересовался Агафодров.

- Почти на сорок процентов, - ответил Саид.

- Ого, - округлил глаза Данила, - откровенно говоря, я на такие сюрпризы не рассчитывал. Что делать будем?

Саид широко улыбнулся, провёл по своим жестким курчавым волосам и ответил:

- Не беспокойся, Даня, я уже всё продумал. Вот, смотрите. - Он нажал кнопку, и на большом мониторе, висящем на стене, появилась карта севера Египта. - Придется воспользоваться трейлером, это выйдет в три раза дешевле. Сначала мы дойдем на яхте по озеру Манзала до Порт-Саида, а оттуда на трейлере вдоль канала через Исмаилию до Суэца. А там уже водой через Красное море и Аденский залив выйдем в океан. Как, нравится вам такое путешествие?

Русские переглянулись. Агафодов вздохнул:

- Придётся, что же делать. Только почему ты меня не предупредил, мы хотя бы подготовились.

- А чего готовиться, - горячо воскликнул Саид, вскочив с кресла и замавав руками. - Всё уже готово. Трейлер у меня свой, яхта готова, вода, еда тоже есть, проедем с комфортом.

- Далеко? - жалобно спросила Глафира.

- Куда далеко? - не понял Саид.

- Ну, ехать далеко?

- Нет, каких-то сто семьдесят - сто восемьдесят километров. Мы их проскочим за два-три часа. Всё будет нормально.

- Слава богу, что это не Россия, - воскликнула Глафира, - в этом Египте совсем карликовые расстояния. У нас в Сибири от деревни до деревни дальше.

- Вот увидите, это будет весёлое путешествие, - воскликнул Саид. - Зато вы увидите болота и солончаки равнины Тима, аравийские пески, прекрасные Горькие озёра.

- А комары и скорпионы там есть? - спросила Глаша.

- Конечно, есть, - весело воскликнул Саид, не поняв иронии Глафиры. - Там даже верблюды и ящерицы есть.

- А как с визами? - спросил Алексей, - ведь мы будем проходить через столько стран.

- Визы все готовы, вот смотрите. - Саид вытащил документы и показал многочисленные штампы на паспортах. - Вот египетские, аравийские, суданские, йеменские, эфиопские, даже афаро-иссовские на всякий случай сделал.

На следующий день выехали рано утром, ещё затемно, пока не сменился бриз, и охлаждённый ночной ветер с пустынь дул в сторону моря. Огромный трейлер с просторной кабиной, где путешественники чувствовали себя, словно в собственной квартире, плыл по бесконечным пустым просторам, будто корабль среди океана. И если бы не сложенные мачты яхты, он наверняка походил бы на парусник среди пустыни.

Глафира и Алексей еще спали, прислонившись друг к другу, Саид что-то высматривал на мониторе своего ноутбука, а Данила просто глазел в боковое окно, всматриваясь в темноту, словно ждал чего-то. Солнце выскочило из-за горизонта, словно чёрт из табакерки, изрыгнув свет на землю. И сразу стали видны солончаковые кочки, заросшие густой травой и камышом, горбы песчаных барханов и голубая лента Суэцкого канала, по которому непрерывным караваном шли морские суда. Вдоль шоссе проплывали небольшие деревеньки, где крестьяне выгоняли на пастбища скот, запрягали ослов и лошадей, чтобы начать новый день извечных крестьянских хлопот. Шоссе все больше заполнялось автомобилями, и скоро врывающийся в кабину трейлера шум их моторов стал напоминать азбуку морзе: ззз, ззз-ззз, ззз, ззз, ззз-ззз-ззз.

Эти шумы разбудили Глафиру, она сладко, без стеснения потянулась, протёрла ладонями глаза и тут же без обиняков заявила:

- Я хочу умыться и поесть. Леша, вставай, хватит дрыхуть, - она толкнула мужа в бок острым локотком, отчего тот вздрогнул и распахнул глаза. Пробормотал:

- Где мы? Уже приехали?

- Ага, - въедливо подтвердила Глафира. - Вставай, поухаживай за женой. Саид сложил ноутбук, сказал:

- Если повезёт, то к вечеру мы придем в Халаиб, там заночуем.

- Почему, разве мы не можем пройти до Баб-эль-Мандебского пролива? - спросил Алексей.

- Почему нельзя, можно, - подтвердил Саид и уклончиво добавил, по-

смотрев почему-то на Глафиру, которая обтирала свое лицо мокрой тряпочкой: - Зачем спешить, к тому же ночью можно напороться на скалы или мели, особенно в районе Дахлакских островов у Эритреи. Там посмотрите гору Асотериба. Это как раз на границе с Суданом.

- Разве ты не знаешь район Дахлакских островов? - с тревогой спросил Данила. - Ведь ты сам говорил, что не раз ходил по Красному морю и можешь пройти его с закрытыми глазами.

Саид ушёл от прямого ответа, пожав плечами:

- Чего гадать, посмотрим.

Эта уклончивость не ускользнула от внимания Алексея, он подозрительно посмотрел на Саида и достал для Глаши термос с кофе.

В Суэце на разгрузочном терминале Саид куда-то долго бегал, согласовывая все формальности по разгрузке яхты, хотя, при современных средствах связи и согласования всё можно было сделать заранее и всего за несколько часов. Это Подноветному тоже показалось подозрительным, и он перешепнулся с Данилой:

- Слушай, чего он суетится? Разве нельзя это было сделать заранее, а?

- Ну, мы же вначале хотели идти от Думьята через канал. А тут, видишь, всё изменилось. Чего ты тревожишься, Саид парень свой, надёжный, я его уже много лет знаю.

- Кстати, а откуда ты его знаешь?

- Как откуда, я разве тебе не говорил?

- Нет.

- Да мы с ним дальние родственники, он женат на моей двоюродной сестре по матери, Наташке. Вместе учились в Питере, только она на инязе, а он в судостроительном. Там и познакомились, там и поженились. Потом в церкви венчались, он православие принял.

- Православие? - удивился Алексей. - Что-то не верится, у мусульман такие обычаи, что... А как его родственники отнеслись к этому?

- Да нормально, его отец тоже женат на русской, познакомились еще на строительстве Асуанской плотины. Да не грузи ты себя, всё будет хорошо.

Вот, наконец, подбежал полуголый араб в каске, просмотрел документы, которые ему протянул Саид, и свистнул крановщику, подняв голову. Кран сначала загудел, потом заскрипел своими железными членами и тронулся к тому месту, где стоял трейлер с яхтой. Шофер трейлера, Данила с Алексеем расчехлили громадину судна, и глазающая Глафира, прижимая руки к груди, восторженно закричала:

- Господи, какая же красавица!

Восторгаться действительно было чем: светло-глубой корпус яхты напоминал спящего дельфина, только вместо верхнего плавника у него была небольшая рубка, а вместо хвоста два лопастных винта и руль. Даже араб, руководивший выгрузкой, глядя на яхту, поцокал языком, восхищённо покрутил головой и поднял большой палец вверх. Вот яхта легла на гладь воды и впервые закачалась на слабых волнах.

Саид проворно закрепил судно у пирса, перебросил короткие мостки и пригласил путешественников на борт. Ещё часа два грузчики таскали на яхту различные ящики, тюки и сумки, а члены нового экипажа распаковывали и

распикивали их содержимое по разным потайным местам. Время уже подходило к обеду, всем не терпелось выйти в залив, но только после короткого разговора с Саидом Алексей понял, почему они не торопились: яхту ещё нужно было оснастить парусами, заправить горючим, купить масла, ознакомить каждого члена команды с управлением, разложить всё по своим местам, чтобы каждый знал, что и где лежит, научить одевать спасательные жилеты и термогидрокостюмы, пользоваться надувными шлюпками, а уже все устали и томились от усиливающейся жары.

Огромная раскалённая сковорода солнца не щадила никого и пекла так, будто пыталась изжарить всё живое. Даже здесь, на яхте, среди свежего морского воздуха, становилось трудно дышать и передвигаться. Северяне разделись до возможного в таких случаях приличия и глотили пиво, лишь Саид бежал, то спускаясь к ним, то поднимаясь на палубу, и что-то делал и делал.

Наконец устал и он, спустившись вниз, посмотрел на Глашу, виновато сказал:

- Дама не будет против, если я слегка разденусь?

Утомлённая Глафира распахнула свои изумрудные глаза и удивлённо протянула томным голосом:

- Саид, так ты ещё и в одежде? Как мне тебя жалко. Господи, какая жарница, я хочу на север, к милым белым медведям. Сделайте же что-нибудь.

- Скоро будет хорошо, как в России, Глаша, - ответил Саид, снимая с себя майку.

Он нажал кнопку стартёра, и мощный мотор заурчал довольным котом, которого гладят по шерсти. Минут через десять заработали кондиционеры, и каюта наполнилась живительной прохладой. Но северяне уже спали. Чтобы не будить их, Саид поднялся наверх и позвонил по сотовому телефону. Долго разговаривал с кем-то на арабском, то приглушая, то повышая голос, потом кивнул головой то ли в знак согласия, то ли кланяясь кому-то невидимому, и закончил разговор.

Когда русские путешественники проснулись, стало ясно, что сегодня они никуда не пойдут, потому что небесная жаровня стала постепенно гаснуть, готовая утонуть на западе в песках Аравийской пустыни. Но Саид предложил совершить пробную прогулку вдоль побережья Суэцкого залива до города Порт-Ибрахим и обратно. Все согласились. Саид о чем-то переговорил с охранником на пирсе и развернул паруса. Паруса пару минут висели неподвижными тряпками, затем неожиданно хлопнули, наполняясь ветром, и яхта резко накренилась на борт. Саид нажал на кнопку, парус развернулся, и яхта рванула с места резвым скакуном. Алексей отметил мастерство капитана, который с лёгкостью справился со своей задачей.

Глафира запрыгала от возбуждения по палубе и захлопала в ладоши:

- Здорово! Боже мой, почему я не родилась моряком. Вот так бы плыла и плыла до самого края света!

- Потому что женщин на корабль не берут, - подначил её Данила.

- Это ты о плохих приметах? Тогда почему же столько мужиков потонуло в море, хотя на кораблях женщин не было? - не осталась в долгу Глафира.

- А они и с берега могут накликают несчастья, - встрял Алексей.

- Тогда зачем же ты взял меня, а?

- Потому что я тебя люблю, дурочка, и если придется погибать, то я хотел бы умереть вместе с тобой.

- Ах, ты так, - шутливо набросилась жена на мужа с кулаками. - Так ты взял меня, чтобы утопить меня в море, и чтобы никто не знал, где могилка моя, да? А как же... - Глафира что-то шепнула ему на ухо.

Алексей рассмеялся и тихо шепнул ей на ухо:

- Он-то и будет нашим самым верным поплавочком.

Их разговор прервал Данила:

- Эй, влюблённые, давайте сюда, Саид зовет.

Когда все собрались на палубе у рубки, Саид с улыбкой на лице сказал:

- А сейчас я покажу вам фокус-покус. Встаньте по краям, вот так. Внимание, сим-сим, раздвинься!

Все стали наблюдать, как корпус яхты стал неожиданно раздвигаться, и она превратилась в катамаран. Между двух корпусов появились только соединяющие их металлические стержни в руку толщиной. Гребные винты разделились. При этом рубка управления осталась по центру, по бокам которой образовались просторные проходы, которых не было до сих пор. Яхта сразу прибавила ходу, словно её пришпорил невидимый всадник.

- Ну, как? - спросил Данила своих соотечественников.

- Да, это классно, - подтвердил Алексей.

- Нет, это фантастика! - воскликнула восторженно Глафира. - Раз, и на тебе сразу две яхты. Кто это придумал?

Данила показал глазами на капитана, который от произведённого эффекта сиял, словно смазанный маслом колобок.

- А почему рубка на месте? Мы так и будем висеть над водой? - встревожилась Глафира.

- Ну почему же, Глаша-джан, - весело отозвался Саид. - Если захотите объединиться, к вашим услугам комфортные помещения в корпусах. Хотите посмотреть?

- Конечно, - с готовностью ответила Глафира.

Саид передал управление яхтой Даниле и повёл Подноветных на экскурсию. Свежий морской ветер ударил Глаше в лицо, и она закричала, раскинув руки:

- Ветер, ветер, ты могуч, ты сбиваешь стаи туч. Господи, как прекрасно-то!

Саид отдраил второй люк и показал вниз:

- Прошу гостей осваивать жилище. С новосельем.

Когда Алексей с женой спустились вниз, их окутала темнота и спёртый, душный воздух. Глафира испугалась:

- Здесь всегда так темно и душно?

Саид покрутил крепежный винт и распахнул металлическую заглушку. Помещение осветилось, являя гостям такую картину: помещение напоминало большой кубрик метра два в ширину и метров пяти в длину. Здесь был один мягкий широкий диван и одна откидная кровать, закреплённая в нише. На стенке кубрика поблескивал пластиковой поверхностью откидной стол и два стула, здесь же был холодильник, минибиотуалет с умывальником и пластиковым зеркалом. На подставке стоял монитор с дивидипроигрывателем

для просмотра видеофильмов. Глафира лишь визжала от восторга, рассматривая эти чудеса цивилизации.

- Это будет ваша отдельная каюта, - сказал Саид. - Ты согласна, Глаша?
- Еще бы не согласна, - сияла Глафира, - спасибо тебе, Саид.

Когда снова поднялись наверх, очередная золотая монета солнца опускалась в копилку вечности. Ещё чуть-чуть, и наступит темнота. Саид посмотрел на часы и сказал:

- Надо спешить, наверно, нам придется заночевать в Порт-Ибрахиме. Не возвращаться же нам назад, когда мы прошли часть нашего пути, верно?

- Верно, Саид, - поддержала его Глафира.

Алексей ничего не ответил, он лишь подозрительно покосился на своего капитана - он всё ещё не доверял ему, но держал постоянно под своим негласным контролем. Ему странными показались и задержка в Суэце, и эта незапланированная прогулка, и эта непредвиденная остановка в незнакомом городе...

9

Однажды в квартире детектива Шелли Бёрна раздался звонок телефона. Он словно ударил по мозгам, потому что у него сильно болела голова. Вчера он почти до трёх часов ночи просидел в интернете, выискивая и сопоставляя различные сообщения, касающиеся пропажи Николаса Черрика и его команды. В газетах и на телевидении плели такую чушь и приводили столько догадок и домыслов, что он не принимал их всерьёз. Что, например, стоило сообщение о том, что господин Черрик построил подводный город и со всеми своими сторонниками теперь живёт в подводных глубинах Тихого океана, или, что в одном из островных архипелагов недалеко от Антарктиды станциями слежения зафиксирован пуск неизвестной космической ракеты. Одна из газет представила интервью с господином Черриком, который якобы рассказывал о том, что он из религиозных соображений покинул светскую жизнь и теперь со своими единомышленниками и единоверцами проповедует новое учение о возрождении заблудших душ в одном из монастырей юго-восточной Азии.

Чтобы остановить треск в голове, Шелли, лежа в постели, потер виски, дотянулся до телефонной трубки и сонно сказал:

- Алло.

Неожиданно он услышал голос своего хорошего товарища, редактора отдела новостей вечерней нью-йоркской газеты Бена Ремпеля, который вместо приветствия прокричал:

- Шелл, с тебя бутылка виски.

- Это что, самое радостное для тебя событие сегодняшнего дня? - ядовито спросил Бёрн.

- Ты угадал, юноша, вчера я так набрался, что у меня в голове свистят пули и разносится канонада из лопающихся пузырьков шампанского.

- Чего надо?

- Нет, это не мне надо, а тебе, чёрт тебя побери, Шелл! - прокричал Бен. - Разве не ты приходил ко мне неделю назад и не просил сообщить тебе, если будет что-то касающееся Николаса Черрика?

Шелли подскочил в постели и сел.

- Точно? Возможно, это опять какая-нибудь чепуха вроде похищения инопланетянами или пойманной акулы, у которой в брюхе найден череп Черрика.

- Ты можешь думать обо мне, что захочешь, Шелл, но то, что у меня есть, может тебя сильно заинтересовать. К нам в редакцию пришло интересное письмо от капитана какого-то судна. Нет, он не пишет конкретно о господине Черрике, но в его сообщении, на мой взгляд, есть что-то объединяющее пропавшего нашего магната и того, о чём он пишет. Ты уж поверь, у меня на это чутьё.

- Хорошо, когда и где? - перешёл к делу Бёрн.

- Конечно же, в баре у нашего офиса, - со смешком ответил Ремпель.

Бен уже сидел за столиком в баре и грыз свой длиннющий мундштук из сандалового дерева. Увидев Шелли, он встал и вместо рукопожатия хлопнул его по плечу.

- Красотки на вечеринке были? - спросил Бёрн, когда они сели и заказали по чашке кофе.

- Конечно, были, но они почему-то всегда достаются другим, поэтому сегодня ночью я спал, юноша, один.

- Это хорошо.

- Почему?

- Потому что ты мог бы перепутать сон с явью и сейчас рассказать мне, как ты хорошо провёл время. Ну, выкладывай, что у тебя.

Ремпель протянул Бёрну письмо.

- На, почитай.

Письмо было большим, на трёх листах бумаги, но Шелл добросовестно его прочитал: «Уважаемый сэр, пишет вам капитан одного из судов, который уже много лет ходит в плавание по океанам. Не называю вам ни своего имени, ни адреса. Вы поймёте причину этого, когда я вам изложу некоторые нсобычные факты, с которыми я столкнулся во время плавания. Человек я одинокий, сэр, и немножко нелюдимый по некоторым причинам. Я часто не сплю по ночам и потому помногу провожу время вне вахты на палубе, чтобы как-то освежиться и подумать над теми событиями, которые сопровождали меня в жизни.

Однажды я увидел в океане странный остров, он был большим, даже очень большим. По моему глазомеру размерами он не мог быть меньше двух километров в длину. На первый взгляд кажется, что в этом нет ничего необычного, ведь в океане множество островов, и какому моряку пристало этому удивляться. Но дело в том, что ни по каким лояциям и картам в этих местах НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ НИКАКИХ ОСТРОВОВ. - Именно эти слова в письме были подчёркнуты. - Пожалуй, я не удивился бы, если бы вдруг появился новый остров - мало ли что случается в природе, но этот остров ДВИГАЛСЯ. Он то обгонял наше судно, то двигался параллельным курсом, то отставал, то снова нагонял. На этом острове была растительность, небольшие возвышенности и, как мне показалось, даже какие-то строения. Дважды мне показалось, что там сверкнули огни.

Сэр, это можно было бы принять за мой сон, за миражи или морское привидение, если бы это не повторялось несколько раз. К тому же, этот стран-

ный призрачный остров являлся мне В РАЗЛИЧНЫХ ЧАСТЯХ ИНДИЙСКОГО И ТИХОГО ОКЕАНОВ южнее и западнее Австралии. Вы можете принять меня за сумасшедшего, сэр, я и сам так думал какое-то время и ни с кем не делился своими странными наблюдениями и открытиями. Я даже ходил к своему судовому врачу, но он сказал, что такое случается от переутомления.

Я так думал бы и дальше, сэр, но однажды я разговорился с одним из моряков нашего судна, и он признался мне, что тоже видел нечто подобное и считал это наваждением и следствием своей усталости. Признаюсь, сэр, что я пишу вам это письмо ещё по одной причине. Много лет назад во время моего дальнего плавания у меня трагически погибла жена Линда. Её похоронили без меня. Но однажды мне показалось, что с высокого мыса этого острова мне махала косынкой моя погибшая жена. Сэр, я здравомыслящий человек и понимаю, что покойники не могут оживать, но в моем мозгу засела мысль, что вместо моей жены могли похоронить совершенно другого человека, а моя дорогая Линда каким-то образом могла попасть на этот остров. Ведь ту женщину, которую нашли в море, была так обезображена, что её могли принять за кого угодно, в том числе и за мою жену.

Я пишу это письмо, сэр, только с одной надеждой, что вы опубликуете его и найдутся люди, которые либо подтвердят, либо опровергнут всё изложенное мною в письме. В случае если вы опубликуете моё письмо в вашей газете, я, сэр, обязательно сообщу вам своё имя и адрес».

Когда Бёрн прочитал письмо, Бен спросил:

- Ну, что скажешь?

Шелл пожал плечами и после некоторого раздумья ответил:

- В этом письме что-то есть.

- Да? - удивился Ремпель, - а, по-моему, это бред сумасшедшего.

- Тогда зачем ты принёс мне это письмо?

- Ну, вдруг тебе пригодится, - ответил Ремпель, отхлебнув глоток кофе и зарядив свой мундштук очередной сигаретой. - Я, конечно, не верю в эту чепуху, но что-то тут действительно есть. Правда, я не пойму, что же именно. Тут океан, а господин Черрик тоже пропал в океане. Правда, плавучий остров... Какой-то фантаст уже пытался создать его в своих мечтах, но... Ну как ты представляешь себе это морское чудовище в несколько километров длины!

- И что, публиковать это письмо не будешь? - спросил Шелл.

- Да ты что, Шелл! Меня босс уволит в тот же момент, когда я предложу это сделать. У нас же серьёзная газета, а не бульварный листок.

Подумав, детектив сказал:

- А если его поместить как раз в каком-нибудь бульварном листке, а? У тебя есть какие-нибудь знакомые?

- Зачем, Шелл? Тебе нужна ненужная головная боль или мужская менст-
руация? Мне не нужна.

Бёрн снова задумался.

- Странно, что этот неизвестный капитан отправил письмо именно в вашу газету. Ты так не считаешь? Ведь если бы человек просто хотел прославиться, да ещё и заработать, он послал бы письмо в какую-нибудь бульварную газетёнку и имя свое назвал бы. А тут...

- Ну, может, ему захотелось поинтриговать, заинтересовать, чтобы потом содрать гонорар побольше. Ты же знаешь, Шелл, как много на свете разных чудиков.

- Ну, хорошо, - сказал Бёрн, вставая и натягивая свой черный берет на голову. - Тогда я беру это письмо. Так, Бен?

- Хорошо, оно мне больше не нужно. Так как, встретимся вечером?

- О кей.

* * *

Редактор мелкой бульварной газетёнки, собирающей сплетни даже с ветра, сидел в обшарпанном кресле за квадратным столом и пил из банки пиво. Вот он в очередной раз отрыгнул и спросил вошедшего недовольным голосом:

- Тебя кто впустил?

- Извините, там, - Бёрн ткнул пальцем на дверь, - никого нет.

- Ну и что же, - зарычал хозяин. - Если в приёмной никого нет, так можно ходить без стука?

- Извините, но я и стучал.

Редактор поднял голову, прислушался к треску старого вентилятора, который пытался освободить помещение от тяжёлого запаха табака и пива, и промычал под нос:

- Ах, да... Так чего тебе надо, дружище?

- Мне? - спросил Бёрн, - да вообще-то ничего. - Редактор раскрыл рот от удивления и снова икнул. - Я думал, что ваше издание заинтересует один материал, но, видно, я не туда попал. Извините...

Бёрн развернулся, чтобы уйти, но редактор сквозь мутную пелену мозгового тумана вдруг вспомнил, что секретарша его ушла только потому, что он не платил ей последние три месяца, и остановил посетителя:

- Эй, дружище, подожди. Садись. - Редактор показал на стул посетитель, который с кривыми толстыми ножками тоже напоминал пьяного хозяина. Шелл вернулся и осторожно присел на скрипящий стул. Редактор протянул свою пухлую руку и сказал без всякого энтузиазма: - Ну, давай посмотри, что у тебя есть. Кстати, ты кто?

- Я свободный журналист, - ответил Шелл, отдавая редактору заранее написанную статью со своими комментариями на основе письма неизвестного капитана.

Влив в рот очередной глоток пива, редактор беглым взглядом стал просматривать напечатанное, и по мере того как он проглатывал текст, выражение его лица менялось: сначала оно было скучным и брезгливым, как у человека, собирающего на помойке грязные, но необходимые вещи, затем на нём появилась мина охотничьего пса, учуявшего добычу, потом оно вытянулось и засияло от предвкушения счастья. Шелл осторожно наблюдал за этими метаморфозами на лице толстяка и про себя усмехался, думая, проглотит ли нет редактор эту сенсацию, но он уже понимал, что сидящий перед ним толстый троглодит уже поднёс её к своей пасти.

Редактор тоже понимал, что в его руках сенсация, на которой можно заработать большие деньги, нет, не просто большие, а очень большие. Ведь если этот материал по-умному раскрутить, газета будет жить как минимум

месяца два. Понимает ли это болван, сидящий перед ним. Он взглянул на напряжённое, испуганное и настороженное лицо Бёрна, небрежно бросил на стол статью и скучающим голосом спросил:

- И сколько ты хочешь за этот бред, дружище? - Бёрн промолчал, словно раздумывая. - И где, кстати, это письмо. Может, ты его выдумал.

Бёрн протянул руку, чтобы взять свой материал и обозначая намерение уйти, но редактор его остановил:

- Ну-ну, не надо уж так сразу. Так какие твои условия?

- Я хотел бы сначала услышать ваши, сэр, - ответил Шелл.

Редактор постучал своими жирными пальцами по столу, раздумывая несколько секунд, снова посмотрел на своего посетителя, одетого в неряшливую и поношенную одежду, и, наконец, выдал из себя его стоимость:

- То, что ты мне принёс, дружище, не стоит больше восьмисот долларов.

Бёрн снова протянул руку за материалом, редактор снисходительно усмехнулся и сказал:

- Ну, хорошо, дам тебе тысячу двести. И поверь, больше тебе никто не даст. Ты как, согласен? Если нет, можешь идти, куда хочешь.

Шелл про себя усмехнулся и, немного помявшись для виду, согласился. Если бы этот болван понимал, что его совсем не интересуют деньги, что заботит его только то, как подаст материал газета этого кретина, и откликнуться ли на него другие, более серьёзные издания, а ещё лучше кто-нибудь из очевидцев. Взяв деньги и оставив свой телефон, Бёрн вышел из редакции и, вдохнув относительно свежего, по сравнению с прокуренной редакторской каморкой, городского воздуха, направился к своей машине, оставленной за углом.

* * *

Купив вечерний выпуск газеты, Бёрн довольно улыбнулся - редактор оказался довольно способным газетчиком, раскрутку он начал, что называется, с «зайчика». На первой полосе крупными красными буквами, похожими на плащи тореадора, было напечатано: «В океане замечен странный рукотворный плавучий остров. Есть очевидцы! Подробности в ближайшем номере!»

На следующее утро, купив газету, сыщик отметил, что она увеличила свой тираж как минимум вдвое. Газетёнку смели с прилавков и стенов буквально за час, а ещё через час вышел дополнительный тираж. На этот раз уже две страницы - первая и последняя - были заполнены некоторыми новыми подробностями о сенсационном событии с различными рисунками и коллажами, на которых изображался остров-привидение с жителями, похожими на гуманоидов, и лицо моряка с удивлённо раскрытым ртом и распахнутыми глазами. В следующем номере упоминалось о местах, где был замечен плавучий остров, после которого в редакцию стали поступать звонки и письма очевидцев, которые, оказывается, тоже видели странный остров. Все эти письма и сообщения газета давала на своих страницах в развёрнутом виде, с комментариями и без комментариев. В основном, это были явная ложь, выдумки, галлюцинирование отдельных нездоровых людей или бред любителей погреть на сенсации руки.

Бёрн восхищался журналистской хваткой редактора, его «капельной» методикой подачи материалов, при которой из читателей, словно из апель-

сина сок, можно было выжать как можно больше материала и денег, но это мало его волновало. Он ждал только одного:отреагируют ли на эту сенсацию другие, более серьёзные издания, телевидение, электронная почта и интернет. Шелл не отлипал от монитора компьютера, листал сотни страниц газет, забывая ими мусоропровод, смотрел и слушал все новостные программы телевидения и радио, но там словно воды в рот набрали. И лишь через неделю в «Нью-Йорк таймс» появилась короткая заметка.

В ней сообщалось, что командир пассажирского авиалайнера, следовавшего по маршруту Буэнос - Айрес - Сидней, вынужден был, обходя грозовой фронт, снизиться до девяти тысяч футов и отклониться от курса далеко на юг от Австралии. Обойдя грозовой фронт и намереваясь поднять лайнер до расчётной высоты, штурман увидел странное явление: один из островов небольшого архипелага вдруг стал неожиданно раздваиваться. Не веря своим глазам, штурман сделал своим фотоаппаратом несколько снимков.

К сожалению, снимки оказались сильно смазанными, но при обработке их на компьютере можно было рассмотреть, как два острова как бы расходятся друг от друга. Но это могло быть обманом зрения, так как съёмка производилась при изменении курса и на большой скорости. Один из специалистов, приглашённых в редакцию в качестве эксперта, подтвердил, что при съёмках на большой скорости создаётся эффект раздвоенности, когда два рядом стоящих объекта как бы расходятся и удаляются друг от друга, но вряд ли так происходило на самом деле.

Редакция обещала в одном из ближайших номеров разместить три снимка, которые наглядно подтверждали бы всё написанное. После опубликования снимков редакцию завалили письмами и замучили телефонными звонками. Один из читателей предположил, что это мог быть обыкновенный мираж, которые не так уж редки в это время года и в этих местах. Словно бы в подтверждение версии любознательного читателя служба аэрокосмической фотосъёмки сообщила, что в данном районе Индийского океана не обнаружено никаких островов и архипелагов. Тогда что же запечатлел своим фотоаппаратом лётчик? Вопросов возникало очень много, но ответов на них читатель так и не узнал.

С пассажирского морского лайнера, совершающего рейс Сидней - Веллингтон, пришло сообщение о странном летательном аппарате, похожем на четырехконечную звезду. Его наблюдали сотни пассажиров. Аппарат двигался с небольшой скоростью - 250-300 километров в час, при этом он часто как бы зависал на одном месте и начинал разнонаправленные движения, совсем противоположные прежним. Аппарат был серебристого цвета, небольших размеров, и на оконечностях его плоскостей были заметны круги от вращающихся лопастей винтов или чего-то подобного. Обыкновенный самолет летать так не мог, а вертолёт в этом районе просто не мог находиться, потому что уж слишком далеко было до ближайшей суши. Разве что этот аппарат мог подняться с палубы какого-нибудь исследовательского, научного судна или авианосца, но в это время в данном месте, по сообщению навигационных служб, не было подобных плавающих объектов.

Вряд ли все эти сообщения представляли серьёзный интерес для поисков

господина Черрика, но Шелли Бёрн, следуя своей аккуратности и дотошности, все эти сведения записал в свой огромный блокнот и свел эти данные в карманный компьютер. А вдруг пригодятся...

10

Ночёвка в Порт-Абрахиме прошла спокойно, все четверо путешественников выспались, помылись, поели, и яхта, распустив крылья своих парусов, под свежим утренним бризом понеслась по Суэцкому заливу, а затем по Красному морю. Глафира сначала с упоением и восторгом смотрела на удаляющиеся зелёные берега, на проплывающие мимо них островки, которых здесь было десятки и сотни, на прибрежные горы. Затем этот пейзаж её утомил, и она легла в своей каюте спать. До вечера успели пройти северную провинцию Судана и легли на траверз у города Альгена на границе Эритреи и Судана. Намучившаяся за день от качки Глафира вопрошала Саида:

- А почему стоим? Разве нельзя идти ночью?

Саид улыбнулся:

- Почему нельзя, можно.

- Так в чём же дело? - напирала Глаша.

- Ну, во-первых, дорогая Глафира - джан, я очень сильно устал, а подметить меня некому.

- А Лёшка? Я знаю, он не раз ходил по Чёрному морю, по Байкалу, он умеет. - Она обернулась к Подноветному. - Ведь так, Лёша?

- Так-то так, дорогая доброхотушка, - вежливо откликнулся Алексей, - но только это совершенно другое судно, к нему ещё привыкнуть надо. Здесь и управление другое, и места незнакомые. Мало ли что...

- А система ГЛОНАСС, она для чего? - не угоманивалась Глафира. - Если вы не можете, тогда давайте я за штурвал встану, - решительно заявила она.

- Да успокойся ты, торопыга, - включился в разговор Данила, - Саид знает, что делает. Он не раз ходил этим курсом. Так ведь, Саид?

- Так, так, ночью идти опасно. Тут, совсем недалеко, есть острова Дахлак. Их так много, намного больше, чем кочек на подмосковных болотах. Ночью никак не пройти. А как же русская пословица: утро вечера мудренее, а? - обратился он к Глафире.

- А, все вы мужики такие: чуть что, так сразу пословицу подходящую находите, лишь бы оправдаться, - пошла в атаку Глафира, не сдававшаяся даже в самых критических ситуациях. - Да делайте, что хотите.

С яхты было хорошо видно, как по заливу туда и сюда сновали, точно челноки, различные суда: танкеры, сухогрузы, контейнеровозы, большие океанские яхты, круизные пассажирские лайнеры, рыбацкие траулеры. Фарватер самого загруженного в мире моря был забит, словно кошель трала селёдкой. Многие суда просто стояли, ожидая очереди для прохождения через Суэцкий канал, другие спешили вырваться из этой тесной горловины, чтобы пройти через Аденский залив и поскорее выйти на просторы Индийского океана.

Любоваться этим уже просто не было ни сил, ни желания, и после того как солнце в очередной раз скользнуло под одеяло звездной ночи, все, кроме

Саида, спустились в кубрик. Глафира решила приготовить в духовке рыбу и возилась с ножами у небольшого откидного стола, напевая под нос: «Капитан, капитан, улыбнитесь, ведь улыбка - это флаг корабля...» Данила с Алексеем, приняв душ, уселись на диване и глазели на монитор, пытаясь уловить глубинный смысл очередного боевика. Посмотрев на закрытый люк, Алексей склонился к уху Данилы и спросил:

- Слушай, Даньк, все-таки, тебе не кажется подозрительным этот Саид?
- С чего это? - не отрывая глаз от экрана и посасывая из бутылки освежающий напиток, спросил Данила.

- Ты заметил, что он часто куда-то звонит.

- Что ж такого, звонит и звонит. Мало ли куда.

- Он старается звонить незаметно, так, чтобы мы ничего не слышали.

Данила воззрился на товарища и, выпятив нижнюю губу, спросил:

- А ты что же, разговариваешь, чтобы тебя все слышали?

- Да нет, - смутился Подноветный, - просто подозрительно как-то. И в порту он с кем-то о чём-то договаривался, и в Абрахиме несколько раз звонил.

- Слушай, да не бери ты в голову, всё будет хорошо. Саид - надёжный мужик, если он что-то делает, то уж точно не во вред себе. Ведь я ему заплатил только половину суммы за его услуги, так что дыши спокойно, арабы никогда не упустят своей выгоды.

- Мальчики, садитесь ужинать, - прокричала Глаша.

Когда стол был накрыт, в каюту спустился и Саид. Он улыбался, даже пытался шутить с Глафирой, превознося до небес её кулинарные способности, но Алексей видел, что за беззаботностью и весёлостью араба скрывались настороженность и озбоченность. Что на самом деле находилось за этой маской, Алексей не знал, но на всякий случай решил быть настороже.

Все выяснилось ранним утром, когда Саид приказал убрать паруса, и катамаран превратился снова в катер. Пока Глафира возилась в каюте, напсвая своего «Капитана», он подзвал к себе мужчин и сказал:

- Впрочем, так, мужики, сегодня мы будем проходить очень опасный участок, так что будьте наготове.

- А в чём дело, Саид? - пробасил Данила. - Ты нам ничего не говорил...

- Потому и не говорил, что на судне самый страшный враг - это паника. Вы уж извините, я боялся, что вы раздумаете и повернёте назад.

- С чего бы? - спросил Алексей.

- А вы не заметили, что нас преследует какое-то странное судно, похожее на пограничный катер?

- Нет, - растерянно, в один голос ответили мужчины.

- Да их тут вон сколько, разве можно определить, кто преследует, а кто просто плывёт, - добавил Данила. - Может, тебе показалось, Саид?

Саид по-восточному вежливо улыбнулся и ответил:

- Как это у русских: если кажется, то надо молиться. Так жена моя, Наташа, говорит. Эта яхта и сейчас стоит недалеко от нас, в двух милях по правому борту. Только не смотрите туда, всё равно ничего не заметите, - замахал руками Саид. - А вот на нас могут обратить внимание. Поняли, мужики?

- Поняли, поняли, - отозвались Алексей с Данилой и начали закидывать араба вопросами:

- А откуда ты знаешь? Может, ошибаешься, Саид? А зачем мы им нужны, ведь с нас и взять-то нечего? У нас что: золото, бриллианты, деньги?

- Хорошо, хорошо, - Саид примирительно поднял руки, - я всё расскажу по порядку.

В это время на палубу вылезла вездесущая Глафира, незаметно подошла к мужчинам и вкрадчиво спросила:

- Мальчики, о чём шепчетесь? Может, посвятите в вашу тайну бедную, глупую женщину, а?

Не ожидая такого сюрприза, мужчины растерянно переглянулись, стараюсь спрятать вороватые глаза от Глаши, но только Саид не растерялся:

- Что вы, уважаемая Глафира-джан, разве у нас могут быть от вас какие-то тайны! Эту тайну вы тоже должны знать, ведь вы полноправный член экипажа. Одним словом, Глаша, нас подстерегает серьёзная опасность.

Глафира округлила и расширила свои глаза до размера чайного блюдечка, отчего они стали похожими на два маленьких озера, поросших молодой зелёной ряской, и с восторгом закричала:

- Правда!? Ой, как интересно, наконец-то хоть какие-то приключения, а то вокруг только одна вода, вода, корабли и хмурые физиономии мужиков.

Глафира завизжала и закутилась на месте волчком.

- Ну, рассказывай же, Саид, а то я умру от нетерпения и хотелки.

- Хорошо, хорошо, - сдался, наконец, Саид под напором Глафиры и начал свой рассказ. - Так вот, однажды мой помощник Абусалим сказал мне, что вокруг нашей верфи крутится какой-то подозрительный человек и выпрашивает о нашем необычном катере. Я тогда не придал этому значения - мало ли кто и чем интересуется. Может быть, это просто один из будущих моих заказчиков, которому нужна такая же яхта. Я сказал Абусалиму, чтобы он пригласил этого любопытного человека ко мне, и мы с ним всё обсудим. Но человек этот пропал. Потом к Абусалиму подошёл другой человек и стал интересоваться характеристиками яхты, её устройством и так далее.

Второй раз я заметил что-то подозрительное, когда яхта проходила испытание. Где бы мы ни были, вокруг крутился какой-то катер, с его борта постоянно через бинокли за нами наблюдали два человека. Однажды мы попытались подойти к ним, чтобы спросить, что им от нас надо, но катер вдруг сорвался с места и исчез. Мы могли бы его нагнать, ведь наша скорость почти шестьдесят узлов, но мы не стали этого делать. Тогда я приказал Абусалиму, чтобы он нашёл этих странных людей и проследил за ними. Абусалим нашёл их в портовом кафе и пытался подслушать их разговор, но они говорили осторожно и так тихо, что он ничего не мог понять. Но несколько раз они упоминали о нашей яхте, и тогда я нанял людей, чтобы они постоянно следили за ними и сообщали, что они предпринимают. Я звонил своим людям по несколько раз в день.

Саид заметил, как Алексей усмехнулся и скривил губы, спросил:

- Я сказал что-то не так, Алексей?

- Нет-нет, Саид, это я досажаю на себя, что я такой дурак. - Саид удивлённо приподнял свои брови, словно спрашивая, в чём дело, а Алексей продол-

жал: - Ты понимаешь, я заподозрил тебя в чём-то нехорошем, я видел, как ты кому-то звонил и сторонился нас. Вот я и подумал...

Саид расхохотался так, что из его глаз брызнули слёзы. За ним захохотали и все. Наконец, Саид вытер слёзы и сказал:

- Ты мне нравишься, Алексей - наблюдательность, это хорошее качество. Ну, ладно, я буду рассказывать дальше. Когда я предложил перевезти яхту на трейлере и объяснил это тем, что за проход через канал берут большие деньги, то я преследовал совсем другую цель - оторваться от наших преследователей. И нам как будто это удалось. Я решил провести ночь в Порт-Абрахиме, чтобы затеряться там среди других судов. Но, видно, у наших преследователей везде свои люди. Я заметил на рассвете, как над бухтой кружит легкий мотопланер и что-то выискивает. Это означало, что они нас на время потеряли, и я решил, не откладывая, идти дальше. Здесь я сделал большую ошибку - надо было идти не под парусами, а на моторе. Видно, по нашим парусам нас и узнали. Когда вчера вечером мы встали на якорь, я снова увидел знакомый катер. Вот и всё.

- Но зачем они нас преследуют? - спросила Глафира. - Что им от нас надо?

- Узнал я и это, - ответил Саид. - Вчера Абусалим мне сообщил, что за нами, по-видимому, гонятся обыкновенные пираты. И нужна им, по моему мнению, только наша яхта. Я не думаю, уважаемая Глафира-джан, что они охотятся за вами, - с улыбкой добавил он.

- Это почему? - возмущённо вскинула свою кудрявую головку Глафира. - Или я, по вашему мнению, не достойна представлять слабую половину человечества в гареме какого-нибудь шейха?

- Нет-нет, что вы, госпожа, конечно, достойны, - с поклоном и в тон ей, шутливо, ответил Саид. - По всей видимости, они хотят захватить и вас и наше прескрасное судно одновременно.

Глафира расцвела от комплиментов и поиграла своими глазками, затянутыми зелёной ряской.

Агафодров задумчиво потёр подбородок и вскинул голову.

- И все-таки, Саид, я многого не понимаю. Если нас преследуют, то в моем понимании, нам надо от них убежать, а мы стоим и точим ляды. Не пора ли действовать?

- Конечно, пора! - воскликнул араб, - потому я вас и посвятил во все тонкости. А действовать будем так. Мы с вами пойдём не по фарватеру, а через Дахлакский архипелаг. Дело в том, что осадка у нашей яхты очень маленькая, и я хорошо знаю этот район, потому что не раз ходил здесь лощманом. А у наших друзей - преследователей очень тяжёлое судно - это, видно, спланный пограничный катер, - и они вряд ли пройдут там, где пройдем мы. Самое главное сейчас - это заманить их в нашу ловушку.

- Ты думаешь, они клонут? - спросил Алексей. - Они наверняка знают цель нашего путешествия, и потому просто обогнут острова с востока, и будут ждать нас с другой стороны.

У Саида и на эти сомнения был ответ:

- Вряд ли, друзья мои. Я никому не говорил о цели нашего путешествия, даже своему преданному Абусалиму. Наоборот, я сказал ему, что мы идём

просто в круизную прогулку по Суэцкому заливу. Вот почему мы так часто останавливаемся.

- Ой, какой ты умный, Саидик! - воскликнула восторженно Глафира, прижимая свои кулачки к груди. - Это будет так интересно.

Алексей, глядя на жену, лишь покачал головой и спросил капитана:

- Слушай, Саид, а они нас не обстреляют, ведь это отморозки, чёрт знает, что у них в мыслях бродит.

После некоторого раздумья Саид покачал головой:

- Вряд ли. Зачем им портить дичь, за которой они охотятся. Но на всякий случай я приготовил кое-что. Сейчас принесу. - Через минуту он принёс кожаный портфель и раскрыл его. Вытащил из него несколько маленьких, меньше игрушечных, короткоствольных пистолетов, похожих на обрезы, которые можно было накрыть ладонью. - Вот, это травматическое оружие третьего тысячелетия, которое, впрочем, не грозит жизни.

Увидев, что Глафира схватила пистолет и стала крутить его перед глазами, Саид вскрикнул:

- Осторожнее, Глаша! Не нажимайте на курок!

Глафира вздрогнула и протянула пистолет капитану. Тот прижал руку к сердцу и с полупоклоном сказал:

- Извините, Глафира - джан, но эта игрушка не настолько безопасна, чтобы с ней играть. Она заряжена баллончиками с аммиаком, и если его струя попадет в лицо или на одежду, у человека начнётся удушье. Смертью это не грозит, но здорово выбивает противника из колеи. Вот смотрите, как это делается, - стал объяснять Саид, целясь в наветренную сторону рубки. Он нажал на курок, и из ствола цыкнула струйка жидкости. - Дальность до двадцати метров. Самое главное - это попасть противнику в лицо или на его одежду.

Все почувствовали, как запах аммиака распространяется по воздуху, и зажали носы.

- Да, душок ещё тот, - констатировал Данила. - Но против настоящего пистолета или, не дай Бог, автомата эти пшикалки вряд ли помогут.

- А мне они нравятся, один выстрел - и мужчина на полу. Класс! - наперекор заявила Глафира. - Саид, мне тоже такой нужен.

- Хорошо, - согласился Саид. - Каждая женщина должна быть защищена от чужого мужчины.

* * *

Яхта под парусами двинулась в сторону архипелага. Данила исподтишка через бинокль следил за пиратами. Ветер хлопал ладошами парусов, яхта шла, чуть наклоняясь влево и зарываясь носом в голубые волны, которые качали её, словно мать родное дитя.

- Ну, как там наши «друзья»? - изредка спрашивал Саид у Агафодрова.

- И не чешутся, - отвечал меланхолически Данила. - Даже на палубе никого не видно. Может, спят ещё?

Прошло с полчаса, как яхта покинула свой рейд, вот уже и сам силуэт преследователя утонул в горизонте, и ничто не предвещало погони. Агафодров встал из-за рубки, потянулся:

- Всё, ложная тревога. Нам всё чего-то кажется, всё чего-то кажется, что между мною и тобой ниточка завяжется, - пропел он басовитым голосом.

- Не может быть, - отозвался Саид, - они что-то замышляют. Ведь не ради интереса она за нами третьи сутки гоняются.

- Дай - ка я посмотрю, - предложила Глафира и взяла бинокль у Данилы. Она долго всматривалась в горизонт и, наконец, вымолвила:

- Нет никаких кораблей, только какая-то маленькая надувная лодка плывёт.

- Лодка? - заинтересовался Саид. - А по какому курсу она движется?

- Да прямо к нам, - ответила Глафира, не отрывая бинокль от глаз.

Саид оторвал руки от штурвала и потёр потные ладони.

- Это хорошо. - Несколько минут спустя он спросил: - А теперь они где?

- Не знаю, плохо видно. Кажется, разворачиваются. Нет-нет, - закричала Глафира, - они стоят на месте.

- Всё, теперь они наши, - заключил Саид. Он взял фордевинд и повернул резко вправо. Паруса повисли, затем хлопнули, и яхта резко накренилась на правый борт. Все поняли, что они пошли к эритрейскому берегу.

А вот и острова Дахлака, они выросли слева, словно грибы после дождя, маленькие, большие, зелёные и скалистые.

- Ну, что там? - спросил Саид у Алексея, который заступил на свою вахту с биноклем.

- Кажется, что-то есть, - осторожно ответил Подноветный.

- А ты помолись, если кажется, - сказал капитан.

- Да точно, точно, идет за нами, - повысил голос Алексей.

Саид, застопорив штурвал, подошел к Алексею и протянул руку к биноклю.

Всматривался он несколько минут, затем отнял бинокль, поморгал глазами, словно стряхивая с них усталость, и снова стал всматриваться в горизонт. Затем со вздохом облегчения сказал:

- Это они. Ну, что ж, начнём играть в мышки-норушки. Так говорят по русски? - спросил он Глафиру.

- По русски говорят: играть в кошки - мышки, - ответила она. - Но это одно и то же, Саид. Только вот не знаю, кто из нас кошка, а кто мышка.

Слева по борту уже видны доки и терминалы эритрейского порта Массауа, горы и башенные краны. Там, на рейде, томились десятки грузовых и пассажирских судов, всюду видны паруса яхт, рыбацкие лодчонки и баркасы. Прямо по курсу яхты плывёт огромный паром до острова, на палубах которого кишат люди.

Когда яхта наших путешественников спряталась за небольшой зелёный островок, Саид приказал:

- Ну, все, мужики, - пора.

Все бросились к своим местам, и скоро паруса вместе с телескопическими мачтами были уложены, а яхта - катамаран превратилась в мощный катер. Фыркнули моторы, за кормой взбурилась вода, и катер, осев задом в воду, словно бешеный жеребец перед стартом, рванул вперед. Изумрудная вода перемежалась с голубой, там, где острова и островки располагались слишком далеко друг от друга, бурунилась мелкая волна. Катер лавировал

между островов, словно болид Формулы-1. Обитатели немногочисленных яхт и рыбацких лодок, которые обитали здесь, разинув рты, смотрели на невиданное ими судно, которое с огромной скоростью проносилось мимо них, грозя перевернуть своей волной их крохотные судёнышки.

Обитатели катера успели заметить, как из-за оконечности островка, где они трансформировали свое судно, появился пиратский катер и бросился им вслед. Саид торжествовал.

- Если они пойдут за нами и дальше, они обязательно наткнутся на подводную скалу или окажутся в ловушке, из которой им придется выбираться целые сутки, - кричал он сквозь свист ветра.

Так они крутились между островов с полчаса, пока наблюдавшая за последователями Глафира не закричала:

- Они останавливаются, они останавливаются!

Остановился и катер наших путешественников. Саид взял бинокль, посмотрел и сказал:

- Видно, у них тоже опытный лоцман, проверяют лотом глубину. Ну и пусть их, я знаю, что они здесь долго будут ворочаться, как медведи в берлоге. А нам, ребята...

- Почему одни ребята, - запротестовала Глафира. - А девчата?

- И девчата тоже, дорогая Глафира - джан. Одним словом, нам пора плыть своим курсом. Вперёд.

Уже к закату солнца они проскочили горловину Баб - эль - Мандебского пролива и стали уходить на восток по Аденскому заливу...

11

Питер Черрик уже полгода каждый четверг, следуя указаниям отца, ездил на съёмную квартиру и дожидался определённого часа. Чтобы не скучать, он брал с собой ноутбук, открывал карту мира и погружался в виртуальное путешествие. Такие путешествия он любил с самого детства, но будучи человеком не очень коммуникабельным, Питер предпочитал путешествовать больше в мечтах, чем в реальности. Отец много раз предлагал Петру сходить на покорение Анд, сплавиться по быстрым рекам Кавказа, побродить по Таиландским джунглям или слетать на канадские острова, чтобы увидеть белых медведей, но Пётр неизменно отвечал:

- Папа, если бы все люди, как ты, только и делали, что путешествовали, то кто бы растил хлеб, строил корабли, самолёты, автомобили, растил детей, а?

- Сынок, я считаю, что человек - не камень, он не может постоянно сидеть дома или на работе и заниматься только зарабатыванием денег. У человека, кроме необходимости пожрать, одеться и согреться, есть стремление к познанию мира, самого себя, наконец.

- Я понимаю, папа, но для того, чтобы познать себя и мир, не обязательно самому лазить по горам, опускаться в глубины океана или бродить по сельве, прериям или джунглям. Эти вещи много раз проделывали до нас другие люди, их сотни, тысячи, миллионы. Сейчас такие технические возможности, что стоит только нажать кнопку - и ты можешь очутиться в разных местах Земли и даже в космосе, на любой другой планете.

- Да, ты действительно розовый мечтатель, - ответил отец. - Но ведь можно совмещать и сочетать мечты с действительностью. Неужели тебе не хочется ощутить упругость морозного ветра на заснеженной вершине, посмотреть, как плещется в болоте бегемот, проплыть на арктической льдине, спуститься в пещеру и полюбоваться подземным озером, в котором обитают необыкновенные рыбы, сталактитами, сталагмитами? Неужели не хочется, сын?

- Нет, папа, я, видно, не такой романтик, как ты. Я больше в маму, чем в тебя. К тому же, зачем затрачивать столько сил и средств, чтобы посмотреть на сталактиты или на акулу, когда одним нажатием курсора я могу переместиться в любую стихию, в любой район земного шарика. Да куда захочешь, хоть на планету У - 386 в созвездии Кентавра.

- Ну, хорошо, - соглашался отец. - В конце концов, это, может быть и к лучшему.

Пётр тогда не понимал, что имел в виду тогда отец, но сейчас, после его исчезновения, он, кажется, начинал догадываться. Пётр был очень добросовестным и ответственным человеком, и когда отец сказал, что сын должен приходить каждый четверг в эту чёртову пустую квартиру, он это делал с младенческим прилежанием.

Квартира находилась на самой окраине Нью - Йорка, в лесопарковой зоне около Беркли-Хайтса, в старой кирпичной многоэтажке. Хозяин дома не влезал в личные дела своих жильцов, иначе кто же поедет в этот район, где среди гор строительного мусора, старых полуразрушенных зданий и приюта бездомных горемык жили огромные крысы и одичавшие собаки и кошки. Приют в этом доме искали те, кто впервые приехал в город и искал работу, начинающие клерки и актеры, студенты и безработные, в котором можно было снять жильё за низкую плату.

* * *

Однажды в этот район заехал вполне уважаемый господин с яркой внешностью - рыжий, с кожей альбиноса и бесцветными глазами. Он зашёл к хозяину дома и коротко представился:

- Меня зовут Крис. Мне нужно снять у вас квартиру, но на несколько необычных условиях.

- И какие же это условия, господин Крис?

- В квартире должно быть не менее четырёх комнат.

- Извините, но для чего господину четыре комнаты? К сожалению, в моём доме лишь квартиры гостиничного типа, не больше двух комнат, в основном однокомнатные.

Этот Крис так посмотрел на хозяина своими бесцветными глазами питона, что хозяин понял - вопросы в данном случае неуместны. Понял он и другое, что если он согласится на условия этого господина, то предстоит хорошая нажива, и не нужно злить этого странного господина. Хозяин улыбнулся:

- Извините, господин, я слушаю вас.

Крис смотрел на домовладельца, словно замороженный окунь: отстранённо и равнодушно, словно того и не было в комнате, затем разжал губы:

- Как вас зовут?

- Рэнди, сэр. Рэнди Кобурн.

- Так вот, Рэнди, найдутся ли у вас две смежные двухкомнатные квартиры?

Кобурн сморщил лоб, словно решал теорему Ферма.

- Да, сэр, есть, но...

- Вот и хорошо, - перебил его посетитель. - Как вы отнесётесь к тому, чтобы соединить эти две квартиры в одну, а?

- Я понимаю ваши желания, сэр, но и вы поймите, такую огромную площадь у меня вряд ли кто захочет снимать. К тому же...

- На этот счёт не беспокойтесь, мы заплатим вам по повышенному тарифу. Кроме этого, мы перепланируем и перестроим за свой счет. - Домовладелец пытался было раскрыть рот, но посетитель и здесь опередил его вопрос: - Мы снимем эту квартиру и заплатим за неё на год вперёд. Как, согласны, Рэнди?

Но у Рэнди и не нужно было ничего спрашивать, его лицо сияло, как отражённое в зеркале солнце.

Перестройка была закончена в рекордные сроки, и уже через две недели в новую квартиру ввезли всё необходимое для проживания. В квартире поставили современную сигнализацию и замки новейшей секретной разработки, к которым Кобурн и не знал, как подойти. Когда домовладелец потребовал сообщить, как открывается массивная бронированная дверь, чтобы в случае затопления, утечки газа или электрического замыкания в квартиру можно было войти, Крис записал номер телефона и сказал:

- В случае чего, звоните, наши люди срочно приедут и всё исправят.

* * *

...Питер Черрик «путешествовал» по интернету и ждал определённого часа. Вот стрелки настенных часов показывают семь тридцать вечера, семь сорок две, семь пятьдесят девять, восемь часов. Питер нажимает на сенсорную кнопку, и фальшивая стена в виде небольшого камина уходит вправо. Питер заходит внутрь помещения, включается свет, позади дверь закрывается. Он ничего не ждёт сегодня, потому что так происходило уже много раз подряд, когда он заходил в эту потайную комнату, ждал десять минут и затем возвращался в комнату, чтобы уйти из квартиры ещё на неделю. Но он делал это, потому что так просил его отец.

Комната очень странная: пол и потолок из непонятого изоляционного материала, из которых торчат штыри различной длины и толщины. Все они направлены в одну воображаемую точку посреди комнаты. В центре, за стеклянным большим цилиндром, на полу круг диаметром около полутора метров. Справа во всю стену размещена аппаратура, которая автоматически включается, когда Питер заходит внутрь, и начинает мигать разноцветными сигнальными лампочками, светиться мониторами и шкалами.

Но на этот раз вдруг появляется непонятный шум, похожий на кваканье лягушек и на шелест камыша на ветру. Питер, как и инструктировал его отец, включает трубку космической связи и подносит её к уху.

В кваканье и шелест врывается потрескивание, и посреди комнаты появляется что-то призрачное, тёмно-голубое и извивающееся. Питер бледнеет

и испуганно смотрит на происходящее, не в силах пошевелиться от остолбеньения. Треск нарастает, и это что-то превращается в человеческую фигуру. Она еще прозрачна и будто состоит из морской воды, она колеблется, словно в горячем воздухе. Постепенно фигура наполняется деталями: вот видны руки, ноги, голова, волосы, нос и уши. Вот вырисовывается одежда: шорты зелёного цвета, синяя рубаша. Ещё несколько минут, и Пётр узнает отца. Отец стоит боком к сыну и явно его не видит. Раздается искажённый помехами голос:

- Петя, ты здесь?

Петру ответные слова даются явно с трудом, он откашливается, но голос его приглушён и сипл:

- Да, папа, я здесь.

- Ты не испугался, сынок?

- Я, я даже н-не знаю, папа. Я п-просто поражён, я ничего не п-понимаю. Я даже не знаю, ты это или твой призрак.

- Но ведь ты разговариваешь со мной, не так ли?

- Да, я р-разговариваю, но разве призраки могут говорить? Ты живой или...

- Не беспокойся, Петя, со мной всё в порядке. Это та самая тайна, о которой я тебя предупреждал. Ну как я тебе? - спросил отец.

- Откровенно говоря, не очень, я даже не пойму, реальность это или...

- Так я и знал, - перебил его отец. - Значит, наш аппарат ещё не доработан. Я тебя не вижу, я весь скован, будто на меня надели обручи, я не могу повернуться.

- Где ты сейчас? - Пётр почувствовал, что голос его начинает дрожать, но он справляется. - Или я во сне?

- Нет, Петя не во сне. Но и объяснить я тебе сейчас ничего не могу. Ты извини, сынок, время мое заканчивается, я обязательно ещё вернусь к тебе. Главное, ты никому ничего не говори и ничего не бойся. Ну, до следующей встречи.

Отец протянул руку для рукопожатия, спросил:

- Ты где?

- Папа, тебе надо повернуться направо на девяносто градусов. Я могу показать твою руку?

- Конечно, ничего не бойся.

Пётр на трясущихся ногах вошёл в стеклянную будку, пожал отцу руку и ощутил её телесность и мягкость, словно она была из плоти. Внезапно он затрясся и начал спрашивать:

- Скажи, отец...

- Не надо сейчас вопросов, сынок, потому что мои ответы будут слишком странными и непонятными. Ну, всё, мне пора. А ты уходи, поскорее. Поскорее!!!

Пётр отпустил руку привидения и выскочил из цилиндра, и в тот же момент мистер Черрик стал постепенно исчезать, словно бы таять, потрескивание стало уменьшаться, пока не исчезло совсем. И скоро в комнате всё стихло.

Пётр сел на диван, чувствуя, что ноги вот-вот подведут его, и он рухнет,

схватился за голову и стал лихорадочно думать: «Нет - нет, этого не может быть! Это какой-то фантом, видение, призрак, иллюзия, только не действительность. Этого не может быть. Конечно, он предупреждал меня, что это будет необычный эксперимент, но не настолько же. Питер, - приказал он самому себе, - надо прибрать мысли и привести их в порядок, иначе ты сойдёшь с ума! Ведь до этого ничего не происходило, я думал, что отец просто будет связываться со мной по телефону, а здесь... Но ведь я видел его своими глазами, я видел, как он живёт, ходит, слышал, как разговаривает, и не с кем-нибудь, а со мной! А рука! Я чувствовал крепкое пожатие его руки, я видел его усмешливую недовверчивость в глазах. Значит, это всё правда, это действительность? Но как же так: он сейчас был со мной, а его со мной нет. А что, если...»

Неожиданный звонок сотового телефона прервал его мысли. Сейчас он ждал звонка от кого угодно, только... В аппарате он снова услышал голос отца:

- Сынок, надеюсь, что нас не прослушивают. Я связываюсь с тобой по секретной связи. Сейчас помолчи и ничего не спрашивай. Всё, что ты видел, это происходило на самом деле. Помнишь, у Шекспира: «На свете много есть, мой друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». Я просто звоню тебе, чтобы ты окончательно не свихнулся, сынок, и поверил, что всё это происходило на самом деле, что я не призрак. Ты понял?

- Понял, отец.

- До свидания. Я с тобой ещё свяжусь.

- До свидания, отец.

12

Но разговор между Черриком-сыном и Черриком-отцом по сотовому телефону слышал и Шелли Бёрн. Его друг и помощник, который работал в этой сотовой кампании, по его просьбе записал разговор. Бёрн очень не любил недомолвок и тайн, даже если они исходили от его заказчика, они были для него, как красная тряпка для быка. При первом же разговоре сначала с Эмели, затем с Питером, он заметил, что они чего-то не договаривают. Ну, с Эмели всё было понятно: она не недоговаривала, а просто мало что знала. Вечно занятая сама собой, она и не вникала во все подробности истории с исчезновением мужа. Все её мысли были заняты только одним - где достать денег, для того чтобы утолить желания своего бой - френда.

С Питером дело обстояло иначе: Шелли чувствовал, что тот знает что-то очень важное, и скрывает это от сыщика. Бёрн считал себя интеллектуальным профессионалом, и для того чтобы раскрыть то или иное дело, не прибегал ни к слежкам, ни к засадам, ни к погоням, ни к единоборствам. Он считал, что чем меньше противник тебя знает, тем больше ты неуязвим и свободен в своих действиях. Главным коньком его был анализ всего, что было связано с делом.

В деле Черрика у него выстроилась следующая логическая схема: господин Черрик был большим любителем путешествий - пропал он вместе с экипажем своей яхты в Атлантике, но ни одного возможного труп найдено не было, а это означало, что все люди живы и находятся в неизвестном месте.

Личная подводная лодка господина Черрика почему-то вдруг оказалась у Гренландии, и никто, ни капитан субмарины, ни родственники промышленника, не могли объяснить, для чего она там оказалась. Некто Фриц Норман, капитан сухогруза, пишет в редакцию серьёзной газеты странное письмо об острове - призраке. Один из членов экипажа воздушного лайнера тоже видит странный остров, который как будто движется и раздваивается. А тут ещё эта запись телефонного разговора мистера Черрика со своим сыном. Откуда и для чего был сделан этот звонок - это нужно было выяснять.

Очень странный разговор. Из него совершенно непонятно, отчего Питер должен свихнуться, почему он должен считать отца призраком (призрачный остров, призрачный отец, некая призрачная Линда, жена свихнувшегося капитана - не слишком ли много этих призраков?), и что происходило на самом деле, о чём говорил отец - призрак, если это был, конечно, он. И, главное, ОТКУДА вёлся этот разговор, ведь Питер видел ТАМ что-то необычное. Нужно обязательно это выяснить. Но как? Видно, придётся поступиться своими привычками и принципами и воспользоваться старыми, добрыми и надёжными методами сыщиков всех времён и народов.

Питера Черрика сыщик застал в одном кафе, где тот с усердием крошил панцирь лангуста, резал ножом розовое мясо и отправлял его в рот, не забыв при этом полить его острым соусом. Увидев Бёрна, Питер удивлённо приподнял брови и молча, не переставая жевать, показал на стул за своим столиком.

- Приятного аппетита, господин Черрик, - приторно поприветствовал Бёрн. - Вот, зашел перекусить, а тут вы.

Бёрн сделал экспресс - заказ из чашки кофе и круассанов. Подождав, когда Питер потянется за салфеткой, спросил:

- Что-нибудь нового об отце есть, мистер Черрик?

Питер улыбнулся, затем взял в руку сок и отпил глоток.

- Во первых, господин Бёрн, я не верю, что вы зашли сюда случайно, вы ведь знаете, что в это время я всегда бываю здесь. Во-вторых, именно от вас я хотел бы узнать какие-нибудь новости о пропавшем отце. Ведь это я нанимал вас на работу, не так ли.

- Это, конечно, так, мистер Черрик. У меня кое-что есть. - И он рассказал о своих наблюдениях и предположениях.

- И какое отношение этот безумный капитан и острова-призраки имеют к моему отцу? Я что-то вас не понимаю, мистер Бёрн.

Бёрн развёл руками, показывая на запястье свой блестящий амулет-браслет в виде серебряной змейки.

- Все эти события слишком чётко слагаются в одну мозаику. Не слишком ли много совпадений по времени и по месту действия?

Бёрн пытался отвести глаза от настойчивого и вопросительного взгляда Питера, а Питер положил грязную салфетку на тарелку и сказал:

- Возможно, в этом что-то есть, мистер Бёрн. Но мои новости, кажется, более оптимистичны.

- Да? - Это «да» сыщика получилось настолько наигранным, что Питер сразу понял, что Бёрн что-то пронюхал. Он задумался лишь на несколько секунд. - Теперь я точно знаю, что мой отец жив, и необходимость в ваших

услугах отпадает, господин Бёрн. Расчет вы можете получить в моем офисе. Вы знаете, где это?

- Конечно, конечно, мистер Черрик, но не могли бы вы прояснить...

- Пожалуйста. Вчера мне позвонил отец.

- Да? И что же он вам сказал?

- Откровенно говоря, разговор был очень коротким и очень странным, если не сказать больше, но теперь я убеждён, что мой отец жив и с ним всё в порядке. Так что, извините, мистер Берн, мне пора.

Черрик встал и, кивнув головой на прощанье, пошел к выходу.

Видно, Шелли очень долго сидел в задумчивости, потому что к нему пошел официант, легонько тронул за плечо и спросил:

- Мистер, вам что-нибудь ещё?

- Нет, нет, спасибо.

Сидя в машине, которую он гнал в свой офис, Бёрн долго горячил свои мысли, как смелый наездник скакуна: «Нет, господин Черрик, я не проститутка, которую можно использовать, а потом выгнать! Вы плохо меня знаете. Если Шелли Бёрн берётся за дело, то он доводит его до конца. Да дело даже и не в этом. Во всей этой истории с исчезновением есть какая-то большая и привлекательная тайна, которая затягивает меня, словно водоворот. Что ж, начнём действовать».

***

Артур Ясбек, хороший товарищ Бёрна из сотовой компании, с которым он встретился на одной из вечеринок, выслушав его, пробасил:

- Ну, слу-ушай, Шелл, всему есть пределы. Я согласился один - единственный раз помочь тебе, но...

- Не единственный, - возразил Берн.

- Ну, не единственный. Ты что, меня шантажируешь? Ты же понимаешь, что это незаконно, и если меня на этом деле прихватят, то сидеть мне за решёткой. А тюрьма мне противопоказана. - Ясбек погладил свой живот. - Я боюсь там сильно похудеть.

- Зато какое дело, - зашептал на ухо товарищу Шелли. - Если оно выгодно, мы прославимся на весь мир. Ты прекрасный хакер, и тебя никто никогда не поймает. Ты понимаешь, чем это пахнет, Артур?

- Если тюремный запах перебивает запах мани, то я не отдаю предпочтения ни тому, ни другому, свобода дороже.

- А как же Аманда? Она ещё не распилила тебя пополам?

Супруга Артура была великая мастерица по распиливанию нервной системы мужа. Сама она занималась воспитанием четверых детей и при каждом удобном случае, когда возникала какая-то нужда, она напоминала про сексоохотливость супруга и добавляла:

- А ты не знал, что прокормить, вырастить и поднять детей тяжелее, чем поднять свой член?

Видно, об этом и вспомнил Ясбек, когда он сквозь зубы процедил:

- Ну, хорошо, искуситель, я согласен, но... Ты понимаешь, Аманда прямо завтра требует...

- Сколько?

Этот перспективный вопрос снял все недоразумения.

За последующие две недели Бёрн похудел фунтов на двенадцать. Еда на ходу, круглосуточные бдения в машине у дома Питера Черрика и бессонница сделали свое дело лучше всяких диет и таблеток для похудения. Он следил за Питером с настойчивостью одержимого маньяка. Но тот словно чувствовал это и занимался своими обычными делами и заботами: утром лёгкий ланч, в десять ноль-ноль офис, обеденный завтрак, снова офис, переговоры с бизнесменами, потом городская квартира, вечером теннисный корт или боулинг. После рабочей недели Питер уезжал на загородную семейную виллу и проводил там время на пляже, в бассейне или в библиотеке. Но Шелл заметил, что только один раз, в четверг, Питер Черрик изменял своим привычкам и отправлялся на окраину города, в один из частных домов, где проводил около двух часов. Затем он выходил из дома, садился в машину и уезжал на квартиру.

Бёрна это не насторожило - у богатых свои причуды: возможно, здесь у Питера была любовница, или он приезжал на съёмную квартиру, чтобы отдохнуть от работы и суеты. Но сегодня, именно снова в четверг, Черрик снова поехал на окраину города. Шелла насторожила эта четкость и регулярность: что понадобилось этому уважаемому джентльмену здесь, в богом забытом, запущённом и неприглядном квартале. Надо бы на всякий случай узнать...

Продолжение следует.

Геннадий Генераленко «Портбай вечером»

Василий КОРОБКОВ

Литераторы

Роман

Пролог

Первого живого писателя мне довелось увидеть в далёком 1964 году. В то время я учился в ПТУ № 62 города Москвы. Мне было пятнадцать лет, и Советское государство пыталось сделать из меня профессионального токаря. Однажды в наше училище приехала группа поэтов; всех учеников в приказном порядке загнали в актовЫй зал, и вскоре на сцену вышли полуоблысевшие дяди лет под сорок. Они по очереди читали нам стихи, приуроченные к празднику Победы над фашистской Германией. Фамилии московских поэтов я не помню, но одно стихотворение мне запомнилось. В нём рассказывалось, как в обледенелом окопе трое солдат отбивали атаки фашистов до последнего патрона, а когда немцы ворвались в окоп, они бросились на них в рукопашную. Образ обледенелого грота, раскалённый автомат в руках солдата и искажённые от страха лица фашистов, всё это долгое время преследовало моё воображение. В то время я и думать не думал, что через двадцать, тридцать лет и мне придётся вот так же выступать со своими стихами перед учениками школ, перед рабочими заводов и фабрик, перед студентами. Я помню, как после выступления московских поэтов, ребята ремесленники, обступили писателей со всех сторон и задавали им вопросы, просили автографы, а я стоял в сторонке смотрел на них и не решился подойти к ним поближе.

Стихи я начал складывать ещё в школе, в классе во втором или в третьем. Помню, как мы повздорили с ребятами из старшего класса, и они наkostenяли нам по всем правилам. Не зная, как им отомстить, мы решили сочинить про них обидный пасквиль и, размножив его, приклеить к дверям квартир. Со своим другом детства, которого зовут Виктором, мы весь день бродили по берегу небольшой речушки и складывали строчки, которые давались нам с большим трудом.

Исписав несколько страниц, мы аккуратно переписали свои вирши на альбомные листы и расклеили свои опусы на дверях обидчиков. Старшеклассники тут же вычислили, кто автор этих безобразных стихов, и на другой день нам снова наkostenяли и не меньше чем в первый раз. Так, что свой первый гонорар за стихи я запомнил на всю свою жизнь.

Однажды в классе пятом я написал на доске несколько зарифмованных строчек, в которых высмеивал свою учительницу по математике. Женщина она была дородная и не очень-то приветливая. Я так и написал:

Дано: Макеша лезет в окно.

Доказать: как она будет вылезать?

Допустим: мы её не пустим.

И так далее, и в таком же духе. Клавдия Григорьевна, прочитала вирши, оглядела весь класс пристальным взглядом, и строго спросила:

- Чьи это каракули?

Все ученики тут же посмотрели в мою сторону. Я покраснел, а учительница, подошла ко мне, схватила меня за ухо и, не выпуская его из цепких пальцев, повела меня к директору. В кабинете директора мне прочитали лекцию о нравственности и послали меня за родителями. А вечером, когда мать пришла из школы, она минут пять наказывала меня авоськой. Вырвавшись из её рук, я часа два прятался в сарае и, лёжа на сеновале, размышлял о своих способностях. И в десять лет я уже начал понимать, что стихи, ничего хорошего мне в жизни не принесут. Но поэтический зуд в душе у меня разгорался, как лесной костёр, и загасить его уже было не так-то просто.

В шестом или седьмом классе, я варился в собственном соку, и вместо того чтобы учить уроки, сочинял свои вирши. Отцу и матери показывать их я стеснялся, и мой первый читатель был мой дядя. Но дядя мой специалист был по ткацким станкам, а в области литературы он был естественно профаном. Он читал мои стихи, восхищался ими, хотя в то время восхищаться там ещё было совершенно нечем и советовал мне отослать их в «Пионерскую правду». Я покупал конверт, аккуратно и терпеливо переписывал свои первые вирши на чистый листок, писал на конверте московский адрес и с нетерпением ждал ответа. Ответы приходили не часто и, когда я вскрывал очередной конверт со штемпелем московской газеты, мне казалось, что моё сердце от волнения выпрыгнет наружу и разобьётся об пол. Но ответы были похожи друг на друга. Незнакомые мне люди, сообщали, что стихи мои самобытные, но ещё совсем безграмотные, и советовали мне побольше читать русскую классику. На мою переписка с редакцией газеты и заканчивалась.

Я ходил в библиотеку брал стихи Пушкина, Есенина, Блока. Читал их от корки и до корки, мне нравились эти стихи, но какая была разница между ними в то время я, естественно, не понимал. Мне очень нравились чужие рифмы, внутренняя мелодика стиха, а такие понятия, как амфибрахий, анапест, ямб и хорей, мне были совсем неизвестны я писал свои стихи, совершенно не зная техники стихосложения.

Моё детство прошло в подмосковной деревне, и никаких литературных кружков в нашей деревушке, естественно, не было и поэтому, что такое ямб и хорей я впервые услышал тогда, когда мне было уже почти двадцать пять лет.

Детство моё было трудное и не очень счастливое. Наша семья состояла из одиннадцати человек. Отец, мать и девять человек детей, а я среди детей был самым старшим. В четырнадцать лет, закончив семь классов, мне пришлось податься в ремесленное училище, а в пятнадцать лет я уже работал на заводе токарем. И лет десять, стихи мои отошли куда-то на второй план, и я был озабочен совершенно другими делами. А когда мне уже было двадцать пять лет, судьба меня забросила в Ульяновскую область в районный центр, и только там я впервые начал посещать литературный кружок. И, впервые в жизни, услышал о существовании ямба и хорей, других литературоведческих каверз...

В этом романе я хочу рассказать, как я стал настоящим писателем. И в этой книге вы узнаете о судьбах и других писателей, которые созревали как творческие люди на моих глазах, вместе со мной.

Итак, я начинаю свое повествование о людях, которые всю свою сознательную жизнь, посвятили очень тяжёлому литературному труду. Конечно, друзья мои, все мелкие подробности вспоминать мне будет трудно, но я буду стараться написать о литераторах, как можно поподробнее. А жизнь русских писателей, особенно в российской глубинке, резко отличается от жизни столичных

писателей. В своих рассказах я постараюсь быть искренним. Выдуманные сюжеты бывают иногда красивыми, но жизнь, окружающая нас, настолько интересная, что и выдумывать ничего не надо, описывай её, такой, какая она есть, и роман получится уникальным.

Глава первая

Районный центр, где происходят все события, расположен километрах в ста от Ульяновска, в сторону Самары. Он насчитывает всего несколько тысяч населения. Со всех сторон окружён лесом. Рядом с ним протекает небольшая речка, лет триста назад на этом месте в осеннюю пору, купеческий обоз был застигнут осенними дождями, им пришлось на берегу реки поставить временные избушки, чтобы переждать в них непогоду. Осенние дожди в тот год затянулись недели на три, а когда погода устоялась, многие лошади, простыв на холодном ветру, сдохли и половину обоза пришлось оставить в деревянных избах-временках. Купеческий обоз ушёл дальше на Самару, а в избушках остались жить сторожа. Они охраняли добро, которое принадлежало братьям Черемшанским. А вскоре в этих избушках стали появляться беглые крестьяне, и каторжники. А место это было в те времена глухое и почти непроходимое. Беглые люди на берегу реки начали строить себе временные жилища и вскоре на этом месте образовалось небольшое поселение Черемшанское. Вся история этого поселения мне неизвестна, но, когда я появился там в первый раз, ему уже было за триста лет. И здесь имелись и свои старожилы, и свои традиции.

Я появился в райцентре в 1973 году в начале очередной русской зимы. На работу я устроился на завод в прессовый цех. Работал в две смены, свободного времени у меня было навалом, и куда девать молодую энергию я не знал. Городок мне был незнаком и, после столицы, откуда мне пришлось уехать в эту глухомань, мне было очень скучно. Я не знал, чем заняться в свободное время, и тут на меня нахлынуло много лет дремавшее в моей душе поэтическое вдохновение. Я начал писать стихи, они выливались из меня, как родниковая вода. Я записывал их в большую общую тетрадку, и при каждом удобном случае старался читать их своим знакомым. Но ребята, которые работали вместе со мной на заводе, были очень далеки от поэзии, и мне было грустно, когда я не находил для себя свободные уши.

Однажды я прочитал в районной газете объявление, что каждый четверг в редакции собираются местные литераторы. Я очень обрадовался, что в этом городе у меня всё-таки есть единомышленники, и в ближайший четверг направил свои стопы туда.

В тот день на литературном объединении было человек пять. Комната, в которой мы собрались, находилась в небольшом коттедже, а руководил литературным объединением «Черемшанск», Малешкин. Человек он был весёлый, юморной. Ему было в то время лет сорок с хвостиком. Роста среднего, плечи широкие. На лбу красовалась залысина, которую он пытался прятать за редкими волосами, но это у него не получалось, и его залысина сияла в комнате, как дополнительная электрическая лампочка.

Увидев незнакомых людей, я немного стушевался, и почти заикаясь, спросил:

- А где здесь находится литобъединение ?

- Здесь и находится, - весело ответил руководитель, и его рот разъехался в широкой улыбке: - Проходите, не стесняйтесь, располагайтесь, как у себя дома. Будем знакомиться.

Он протянул мне широкую ладонь и весело добавил:

- Юрий Константинович.

- Василий, - тихо ответил я и смутился ещё больше.

- Проходите и садитесь поближе к столу. Мы сейчас разбираем стихи Мити Лескова, а когда с ним закончим, познакомимся и с вами. Вы что пишете? Стихи, рассказы, повести?

- Стихи, - тихим голосом ответил я.

- Вот и прекрасно! - воскликнул он. - В нашем полку прибыло!

Ясел на краешек стула, что стоял возле длинного стола и, рассматривая незнакомые лица, начал слушать, о чём идёт разговор. А разговор шёл о стихах.

В тот день обсуждали новые стихи Лескова. Боря Жиневский, интеллигентный мужчина, лет под сорок, произнося слова через нос и немного гну-сая, возбуждённо говорил:

- Митя, в общих чертах стихотворение твоё хорошее, но мне не нравится первая строчка и рифмы у тебя заезженные. Любовь – вновь, кровь – мор-ковь. Эти рифмы уже в девятнадцатом веке старались использовать как мож-но реже, а ты сейчас пытаешься шеголять ими.

Автор задумчиво смотрел в потолок и, слушая критику своего друга, по-чему-то молчал. Минут через пять Малешкин перебил оратора:

- Боря! - сказал он, - Ваша позиция нам ясна, давай закругляйся. Нам ещё надо послушать молодого человека.

Борис тут же замолчал и пристально посмотрел на меня, как бы прицели-ваясь.

- Ну, чем Вы нас порадуете? - спросил руководитель объединения.

Я молча вытащил из под свитера огромную общую тетрадь и протянул её Юрию Константиновичу. Тот изобразил на своём лице весёлое удивление и радостно воскликнул:

- Ничего себе тетрадочка, не тетрадка, а настоящая амбарная книга. Где такую раздобыл?

- У меня жена бухгалтером работает, а у них в конторе таких тетрадок много, вот она мне одну и подарила специально для стихов.

Малешкин положил амбарную книгу перед собой, раскрыл её и, всмат-риваясь в незнакомый почерк, начал медленно читать:

С проходной до остановки – галопом -

Махнув через маленький клён,

Врываюсь вместе со всеми ,скопом

В просторный автобусный салон.

Присутствующие начали внимательно слушать новые стихи. Прочитав несколько стихотворений, руководитель спросил, обращая ко всем сразу:

- Ну что, господа литераторы, что вы можете сказать по поводу услышан-ного.

Первым взял слово Жиневский, и с первых же слов я понял, что этот человек зануда из зануд, он попросил мою тетрадку и, взглядываясь в мои каракули, начал придираяться, к каждой запятой. Обнаружив несколько грам-матических ошибок, он вообще завопил нечеловеческим голосом:

- Товарищи! Позвольте мне в первую очередь обратить ваше внимание на его грамматические ошибки, он слово остановка пишет через «А» а слово автобус, через «О», и запятые он ставит не в том месте, где положено. А грамматика стиха вообще отсутствует, первая строчка написана анапестом, а вторая хореем. А вторая строфа начинается ямбом. Молодой человек, - обратился ко мне Жиневский: - Вы вообще имете понятия, что такое сти-хосложение?

Я пожал плечами и покраснел до корней волос. Ямбы, анапесты, хорей, что это за звери такие, я не знал и мне было стыдно. А Боря продолжал ругать мои вирши и в хвост и в гриву. Я сидел на стуле, как на раскалённой сковородке, и, время от времени мне хотелось выхватить из под себя этот стул и шарахнуть ему по голове. Но Борис этого не знал и, увлекаясь своим красноречием, бахвалился своими познаниями в области стихосложения. Я сидел на стуле, слушал его пламенную речь и приходил к выводу, что я слишком рано появился в обществе местных литераторов. Здесь, оказывается, такие образованные акулы плавают, а я как маленький пескарь, который не имеет никакого понятия о жизни на берегу, выпрыгнул на песчаную отмель и, услышав пение соловья, от изумления раскрыл свой рот, начал задышаться от нахлынувших чувств.

Но вскоре его пламенную речь прервал Лесков. И его мнение о моих стихах было совершенно противоположным.

- Нет, Боря, ты не прав, - возразил он, - конечно, техника стихосложения должна присутствовать в первую очередь, но это дело наживное, походит молодой человек к нам годика два, и он будет не хуже тебя различать ямб от хорей, а вот поэтические образы у него оригинальные. Не у каждого большого поэта можно встретить такое. Вот послушайте: «Машина катится на гантелях резиновых шин».

Конечно, строчка очень корявая, но поэтический образ! В колёсах автомобиля он видит гантели. А такое видеть не каждому удаётся. Так что, Боря, в этом отношении ты не прав. У этого молодого человека имеется свой поэтический взгляд на этот мир, и этот взгляд, необычный, не стандартный. Граматику он выучит, а вот образное мышление у него имеется и это очень хорошо для начинающего поэта. И не надо с первых же дней загонять его в угол своими знаниями в этой области.

Друзья начали спорить, а Малешкин сидя за столом и, широко улыбаясь, светился, как масляный блин. Я разглядывал исподлобья спорящих людей, светлел на руководителя, и мне казалось, что я сегодня забрался не в свою тарелку. В первое время мне хотелось встать, наругать и, хлопнув дверью с достоинством выйти на улицу, но что-то удерживало меня на этом старом деревянном стуле. Дискуссия по поводу моих виршей продолжалась минут сорок, и Малешкин, в конце концов, весело заявил мне:

- Вот видите, молодой человек, какой хороший разговор получился вокруг вашей поэзии, если бы в ней ничего не было бы, значит, и разговаривать было бы не о чем, тем более спорить. Так что, я очень рад за вас и, пожалуй-ста, теперь не теряйтесь, чаще заглядывайте к нам на огонёк. Над теми стихами, которые мы отметили, дома поработайте ещё и приносите, мы их попробуем в газете напечатать. А теперь время уже позднее, пора и по домам расходится.

Мы покинули тёплую комнату редакции газеты, и вышли на улицу. С Митей мне было по пути, он так же как и я жил в старом городе, и мы, дождавшись автобуса, направились в сторону центральной площади. Больше всех из новых знакомых мне понравился Лесков, он был на три года постарше меня. Ростом невысок, но плечи широкие. Походка у него была интересная, он ходил неторопливо вперевалочку, и когда я встречался с ним на улице, мне казалось, что это шагает маленький медвежонок. Глаза у него были большие, щёки округлые, губы немного толстоваты. Взгляд был всегда пронзительный, казалось, что он смотрит на людей не поверхностью, а в глубину души. И, может быть, поэтому он казался гораздо умнее всех остальных, по крайней мере я так считал. Потому потянулся к нему всей душой. Мы рабо-

тали на одном заводе и даже в одном цеху. Воодушевлённый новым знакомством, всё своё свободное время я начал посвящать стихам. Я сочинял их дома, по дороге на работу, на рабочем месте. Поэтические образы набегали на меня как морские волны я тонул в красивых рифмах и эпитетах. В душе у меня начали появляться симптомы звёздной болезни. Я начал мечтать о своих будущих книгах, которые будут выходить миллионными тиражами, которые принесут мне деньги и славу.

От таких мыслей у меня иногда начинала кружиться голова, и мне хотелось петь от счастья. Но когда с очередным стихотворением я прибежал к Митьке на рабочее место, и торжественно вручал ему своё новое произведение, он с розовых небес опускал меня на грешную землю. Критика его была не как у Жиневского, а гораздо мягче, не очень оскорбительной, но всё равно после его замечаний по поводу нового шедевра, настроение у меня портилось, и с опущенной головой я возвращался на своё рабочее место, погружался в глубокие раздумья.

Нежные и певучие строчки с красивыми рифмами у меня получались редко, что очень огорчало меня. Мне не хватало запаса слов. Орфографический словарь в моей голове был ещё настолько мал, что мне было трудно подобрать нужное слово, чтобы оно вписывалось в мелодию очередной строки. Я мог часами повторять про себя одну и ту же корявую строчку до тех пор, пока она не зазвучит нужной мне мелодией.

Бывало, кручусь я у пресса, мне надо штамп менять, в котором лопнула матрица, а я усталюсь в одну точку и стою, как заколдованный. Мысленно в такие минуты я уношусь далеко, далеко, и шум прессового цеха мне нисколько не мешает. Бывало, подойдёт ко мне мастер смены, толкнёт меня в бок и спрашивает:

- Василий, ты чего глаза к потолку закатил, тебе чего плохо?

Я мгновенно возвращаюсь на грешную землю, меня сразу же оглушает лязганье прессовых станков, а пытливые глаза мастера начинают меня раздражать.

- И надо же, принесла его нечистая, - ворчу я себе под нос: - Такая рифма в голове созревала, такая мысль рождалась, и - на тебе - всё сразу улетучилось.

- Да нет, ничего, со мной всё нормально, - отвечаю я, - просто задумался немного.

- Что-то часто ты начал задумываться, - начинает выговаривать мастер.

- Смотри, увезут раньше времени в психушку. . .

- Не увезут, - отвечаю я и начинаю снимать с пресса станка сломанный штамп.

Рабочая суета в цехе, шум и лязганье металла начинают угнетать меня, я пытаюсь снова настроиться на поэтическую волну, но у меня ничего не получается. Я время от времени поглядываю на большие часы, которые висят на стене цеха, и мне кажется, что время совсем остановилось и до конца смены ещё целая вечность.

Заменив штамп, я незаметно проникаю в раздевалку и, достав из кармана ученическую тетрадку, уединяюсь возле окна в самом дальнем углу, начинаю записывать только что рождённые строчки. Записав зарифмованную мысль, я начинаю читать и снова перечитывать поэтическую строфу. И вот мне хочется уже петь её, но строчки, почему-то не поются. Во второй строке ритм ломается, и я уже знаю почему - в ней не хватает одной гласной буквы. Я начинаю придумывать новое слово, в котором на одну гласную больше. Нужных слов вроде бы и много, но они не подходят, я по ружаюсь в разду-

мья и растворяюсь во времени. Отыскав нужное слово, я начинаю радоваться, как ребёнок увидевший новую игрушку. Но, взглянув на часы, с ужасом покидаю своё укромное место и возвращаюсь в цех.

Мастер, увидев меня, начинает кричать:

- Коробок! Ты где бродишь, тебя целый час на рабочем месте не было, на твоём участке уже три станка простаивают, а ты где-то болтаешься! Ты где был?

- В медпункт ходил, у меня почему-то голова сильно разболелась, - не задумываясь, сочиняю я.

- А почему так долго?

- А там очередь большая была. Сегодня, оказывается, большая магнитная буря над землёй разыгралась, и атмосферное давление повышенное, и людей в медпункте сегодня много было.

Мастер начинает ругать и магнитную бурю, и атмосферное давление, и мне достаётся.

- Работать можешь? - спрашивает он меня.

- Могу, - поспешно отвечаю я.

- Тогда давай, меняй штампы на тридцать втором и на пятнадцатом. Я не могу смену сдавать с неисправным оборудованием.

Я достаю из тумбочки железный ящичек с ключами и направляюсь к приостановленным станкам.

А после рабочей смены, вырвавшись из проходной, я любил бродить по улицам, домой мне идти не хочется. В то время я жил на квартире у престарелых людей и мне с ними было скучно. Однажды в сумерках я набрёл на городскую библиотеку и мне очень понравилось сидеть в тёплом читальном зале и листать толстые книги. На улице за вечерним окном потрескивает январский мороз, светятся тусклые фонари, а в читальном зале светло и уютно. За столами сидят молодые люди и занимаются самообразованием, а я смотрю на библиотекаршу и мне кажется, что я в неё уже влюблён. Мне хорошо, мне весело. На стене тихо постукивают часы, и через каждые полчаса в тихой комнате звучит голос кукушки. Я сижу за небольшим столиком и дописываю стихотворение, которое начало зарождаться в моей голове ещё на заводе во время рабочей смены.

...А вскоре в заводской многотиражной газете опубликовали мое первое стихотворение. Радости моей не было границ. С маленькой страничкой газеты я бегал по всему городу и хвалился своим стихотворением всем подряд, а так как знакомых у меня было ещё совсем мало, я хвастался достигнутыми успехами и перед незнакомыми людьми. Лесков, прочитав мои вирши, загадочно заулыбался и от всей души поздравил меня с первой публикацией, а вот Жиневский, прочитав моё стихотворение, раздолбил его в пух и прах.

Он ругал и Капитона Богачева, редактора многотиражки, за то, что тот публикует в своей газете беспомощные стихи.

- У него что, совсем поэтического вкуса нет? - искренне возмущался Борис. - Разве можно в советской периодике печатать галиматью?

От таких высказываний праздник в душе моей был испорчен, и мне уже второй раз захотелось поколотить этого неуёмного критика. Я несколько раз слушал его стихи в авторском исполнении и особого восторга от услышанного не испытывал, и это ещё больше раздражало меня.

С первого дня нашего знакомства отношения с Борисом у меня сложились не очень удачно. Меня всё время раздражала его напыщенность. Он кичился своими глубокими познаниями в области литературы и живописи. Сам он был художником и очень гордился тем, что умеет рисовать на плака-

тах портрет Ленина. Я помню, как он однажды с гордостью показывал нам документ, в котором говорилось, что за особые заслуги в области плакатной живописи ему вручают ордер на квартиру.

- Вы обратите внимание, - через каждые пять минут повторял он, - за особые заслуги в живописи.

И, увидев, что я никак не реагирую на его радость, он начал паяснять.

- Женское общежитие на улице Ленина знаешь?

Я пожал плечами.

- Ну, там на фронтоме дома огромный портрет Ленина висит, сделанный из деревянного паркета.

- Ну и что? - непонимающе спрашиваю я.

- Вот этого Ленина я сделал, это моя работа. Работа получилась очень удачная, и я горжусь этим, и вот за это мне ордер на квартиру дали! Люди по десять лет в очереди стоят, а мне без очереди, значит, власти уважают таких людей, как я.

И на лице у Бориса появилось такое высокомерие, что я от страха даже сделал несколько шагов в сторону. Мне казалось, что передо мной в эту минуту стоит не человек, а очень талантливое существо, которое, начальство города вскоре начнёт носить на руках. И это ещё больше отталкивало меня от этого человека.

...А на работе я протоптал тропинку в заводскую газету. В редакции работали девушки, и мне нравилось сидеть в чистой комнате и слушать последние новости. Я влюбился в одну из них, но мне было неудобно признаться в этом даже самому себе. Все девушки в редакции были образованные, и мне со своим семилетним образованием было страшно общаться с ними. Мне всё время казалось, что между нами огромная пропасть, которую я никогда не смогу преодолеть. Мою возлюбленную завали Вaley. Валя Башмачкова была моей ровестницей, но она уже побывала замужем и успела развестись. После неудачного брака у неё на руках осталась маленькая девочка, теперь к мужчинам уже относилась она не очень-то дружелюбно.

Иногда я заставлял её в редакции одну и засиживался с ней по несколько часов. Мы разговаривали с ней о литературе, о назначении человека на земле. Мне нравилось слушать её мягкий и нежный голос, мне нравилось смотреть в её задумчивые глаза. Она понимала, что я влюблён в неё, и ей это нравилось, но жених я был незавидный. И профессия моя не очень престижная - слесарь-наладчик прессового оборудования...

Я приходил в редакцию в рабочей спецовке с замасленными рукавами, и девушки, стараясь не замечать мою рабочую спецовку, с наигранным восторгом всё время спрашивали:

- Василий, вы опять нам новые стихи принесли?

Я молча кивал головой и клал на стол исписанный листок из ученической тетради. Афронтowa, которая впоследствии стала редактором этой газеты, внимательно читала мои новые опусы и, специально поглядывая на часы, извиняющимся тоном сообщала:

- Хорошо! Оставьте! Мне сейчас некогда, у меня через десять минут планёрка, а в ближайшем номере мы опубликуем ваши стихи.

Я прекрасно понимал, что сотрудникам газеты в данное время не до меня, но уходить из уютного кабинета мне не хотелось, но я уходил, грустный и опечаленный, и возвращался на своё рабочее место совсем без настроения.

Весна как всегда нагрянула неожиданно, ещё совсем недавно на улице шёл мокрый и надоедливый снег и вот снег уже растаял, небо над городом освободилось от весенних туч, и солнышко начало пригревать совсем по-

летнему. В прессовом цехе с приходом весны стало жарко и душно. На работу в эти дни я ходил, как на каторгу, с утра, когда ещё было прохладно, работать было терпимо, а после обеда душа рвалась на улицу, на весеннее солнышко. Я часто выбирался на заводскую крышу и с восторгом рассматривал речные разливы, дали. Воздух в городке, по сравнению с другими городами России, был особенный. В новом городе, который начали строить недавно, пятиэтажные дома стоят прямо в бору. Вековые деревья без надобности не спиливали. Выйдешь утром на балкон и можно рукой потрогать сосновые веточки. В утренней тишине соловьи поют, совсем, как в деревне. Белки с дерева на дерево прыгают. Ёжики по асфальтированным дорожкам топают, не городок, а настоящий заповедник.

Коренные жители - это в основном приезжие крестьяне из соседних деревень. Когда начали строить машиностроительный завод, население города увеличилось. На улицах районного центра можно было встретить почти все национальности Поволжья. Здесь жили и чувашаи, и татары, мордва и русские. Жизнь районного центра мне нравилась, после шумной и многомиллионной сутолоки Москвы, откуда я приехал в эти края, неторопливая жизнь Черемшанска мне казалась маленьким раем. Люди здесь никуда и никогда не торопились, да и торопиться-то особо было некуда. В то время во всём городке было два небольших кинотеатра, один ресторан, маленький стадион и не очень завидный театр. Летом свободное время люди, как правило, проводили на песчаных берегах реки. Или на небольших дачных участках, а зимой, в основном сидели дома, возле телевизоров и, от нечего делать, увлекались выпивкой. Вино в то время в России было очень дешёвое, и мужики в выходные дни закупали его охапками и, уединившись на берегу реки, или в тесной квартире, напивались иногда до поросычьего визга. А где вино, там и женщины, а где женщины, там, глядишь, и драка получилась, а где драка, там и фуражка участкового мелькает. Напьётся мужик в выходные дни, набуянится вдоволь, выхлопочет себе десять суток, отсидит их и снова с нетерпением ожидает следующую получку. А как получит деньги, всё начинается сначала.

Если бы у меня в то время не бродила в душе поэтическая закваска, лет через пять и я стал бы оплетым пьяницей, и жизнь моя ничем бы не отличалась от жизни простого смертного, который живёт в таком маленьком городке. И я любил с мужиками в день полочки посещать пивные заведения. Пиво там отменное! Зайдётся в прокуренную забегаловку с друзьями, наберёшь пива кружек тридцать, встанешь за круглый столик возле окна и начинаешь наслаждаться холодной свежестью напитка. А где пиво, там и таранка, а где таранка, там и задушевный разговор о жизни. Захмелеют литераторы и начинают друг другу новые стихи читать, и такой бальзам по сердцу расплываётся, что иногда от счастья плакать хочется.

Мне часто вспоминается, как я впервые увидел супругу Лескова. В начале лета в России ежегодно проводятся Пушкинские праздники. А в те времена, при Советской власти, в каждом дворе были построены агитплощадки, на которых по большим праздникам перед жителями выступали местные коллективы художественной самодеятельности. И вот в первое воскресенье июня нам, молодым литераторам, надо было выступать на одной из таких площадок. Мы должны были читать свои стихи перед жителями небольшого микрорайона.

Когда я пришёл в назначенное место, я увидел Митю в обществе миловидной женщины. Женщина мне сразу же понравилась. Меня удивили её огромные глаза и волосы русого цвета, которые шёлковой волной сбегали

на её грудь.

- Василий, знакомься, это Маняша, моя жена, - весело проговорил он.

Женщина, явно кокетничая, охотно протянула мне руку и я, несмело пожав её, заглянул в её бездонные глаза и тут же влюбился в неё, как пятнадцатилетний мальчик. Некоторое время мы сидели на скамейке под зелёными тополями и ждали, когда во дворе соберется народ. В тот день мне предстояло выступать перед людьми в первый раз, и я, естественно, волновался. Волновался и мой друг, а Маняша загадочно улыбаясь, смотрела то на меня, то на мужа и вскоре предложила нам немного выпить для храбрости. Мы с Митей переглянулись и согласились. Мы углубились в небольшой парк, спрятались за зелёными ветками роскошных тополей и подруга из своей сумочки достала бутылку «Анапы». Стаканчика в её сумке не оказалось, и нам пришлось пить это красное вино из горлышка. Я впервые в жизни увидел, как женщина, морщась от кислотины, маленькими глотками пила вино из горлышка бутылки, и это меня немногого насторожило. Закусывали мы плавленым сырком, который поделили на три части. Сделав несколько глотков из бутылки, я поперхнулся, и пить мне сразу же расхотелось. Пить из горлышка я не привык и не умел. И когда бутылка пошла по второму кругу, я пить отказался. Маняша сделала удивлённое лицо и ласково проговорила:

- Василий, вы скромничаете или брезгуете из одной бутылки с нами пить?

Я смутился и немного покраснел, но, чтобы не обидеть эту милостивую женщину, подавляя в себе чувство брезгливости, с трудом сделал ещё несколько глотков и такую гримасу изобразил на лице, что друзья почему-то весело рассмеялись.

- Сразу видно, что человек не пьющий, - пролепетала она. И посмотрела на меня таким взглядом, что у меня по спине мурашки побежали.

Минут через двадцать мы вернулись на агитплощадку, где на скамейках уже сидели седые бабушки в пёстрых сарафанах и ожидали представления. Но вот на сцене появилась женщина лет сорока, по всей видимости, сотрудница местного ЖЭУ, и звонким голосом поздравила пенсионеров с праздником. Бабушки дружно захлопали в ладоши.

- Сейчас перед вами выступит выпускница пятой средней образовательной школы Елена Бурундукова. Она прочитает вам стихотворение Пушкина, - объявила она. - Встречайте!

На сцену поднялась девушка в платье с короткими рукавами, бабушки энергично захлопали в ладоши. Девушка засмушалась и, подойдя к микрофону, что стоял посередине, сконфузилась окончательно. Пауза затянулась, бабушки, перестав приветствовать её, замерли в ожидании.

- Я памятник воздвиг себе не рукотворный...

Звонким голосом начала читать девушка, но на третьей строчке, запнулась, видимо, не достаточно хорошо выучив стихотворение. Она стояла на сцене, готовая провалиться сквозь землю, на её румянном лице появилась кислая улыбка, она пристально смотрела в голубое небо, пытаясь вспомнить текст, но у неё ничего не получалось. Извинившись перед бабушками, она начала читать стихотворение снова, но опять, прочитав три строчки, запнулась во второй раз.

Я смотрел на нее и мне было стыдно, что вот таким образом, подумал я, людей и отталкивают от поэзии. Стихотворение из четырёх строф не может запомнить и прочитать как положено.

Взрослая школьница так и не смогла дочитать это произведение до конца и, покраснев, убежала со сцены. Женщина-администратор извинилась

перед слушателями и объявила, что сегодня в гостях местные литераторы, которые согласились почитать для народа свои стихи.

На сцену вышла Маняша, она, оказывается, тоже сочиняет стихи, и у неё уже есть публикации в заводской многотиражке. Она прочитала два стихотворения о весне, особого восторга в сердцах слушателей она не вызвала, но ей аплодировали от всей души, чтобы только не обидеть начинающего автора. После на сцену вышел и я, но, так как опыта выступлений у меня ещё не было, я чувствовал себя возле микрофона неуютно. Мне казалось, что у меня под ногами горит деревянный пол. Я читал своё стихотворение, смотрел на слушателей, но совсем не видел их. Я читал стихотворение и боялся забыть текст, но, слава Богу, длинное стихотворение я не забыл и дочитал его до конца благополучно. Покидая сцену, я был недоволен своим выступлением, но бабушки хлопали мне отменно, и это очень обрадовало меня.

Лесков выступил последним. После первых же его фраз зрители притихли и, с любопытством рассматривая очередного оратора, сразу же почувствовали, что перед ними выступает уже настоящий и зрелый поэт. Он читал свои стихи громко, с выражением, с чувством. Из его души вырывались горячие слова, на его губах выступила пена. Я смотрел на него со стороны, слушал его горячие стихи, и мне казалось, что я попал под влияние волшебного гипноза. Я слушал его и мысленно переносился совсем в другой мир, в мир настоящей поэзии. Я и не подозревал, что можно так красиво читать свои стихи! Нет, мне ещё рано выступать перед людьми со своими стихами, я ещё и читать-то их как следует не умею.

Поэт сошёл со сцены под бурные аплодисменты, он был на высоте. На его лице блуждала сдержанная улыбка, и всем своим видом он как бы говорил нам: «Вот так и надо свои стихи читать, дорогие друзья...»

После нашего выступления на сцену вышли музыканты, и начался концерт местной художественной самодеятельности. Постояв минут пять под клёнами, Митя предложил нам идти на речку. Мы согласились и, взяв в ближайшем магазине две бутылки вина «Агдам», несколько плавленых сырков, мы сели в автобус и направились в сторону реки.

Пушкинский праздник у нас закончился в тот день дружеской попойкой, а когда вечером я расставался с Лесковыми, я был влюблён в его супругу по уши, и мне казалось, что эта любовь, превратится вскоре в настоящий пожар. И в очень хорошем и лирическом настроении вернулся домой к своей жене, которая встретила меня в тот день не очень-то дружелюбно.

Продолжение следует.

Владимир ЗИНОВЬЕВ

Ядовитые строки

*Веселый смех кривых зеркал –
Всю ложь о правде рассказал...*

Наши ракеты – самые быстрые.
Наши правители – жутко корыстные...

...

Правят миром -
Пацифисты...
Смотрим ближе -
Все – садисты.

...

Диктатура власти,
Аргумент кнута...
Смех тигровой масти -
Зрение крота.

...

Отработанная дикция.
Списанная эрудиция.
Примитивная традиция -
Постановочная фикция...

...

Бесстыжее высокомерие
И к заповедям - недоверие,
Невежественное сомнение,
И - к падшим ангелам стремление...

...

Продали души сатане –
Сакральной партии вассалы...
Грозят анафемой стране –
Политкорректные корсары...

...
Пигмеи, карлики, уроды –
Третируют свои народы...
Бросают на солому искры –
Премьеры, замы и министры...

...
Сколько зла вы совершили,
Сколько истин сокрушили –
Мягких кресел оккупанты,
Вульгаризма диверсанты...

...
Руководящие циклопы –
О жизни ничего не знают...
Народ трудиться призывают,
Валютой - попы вытирают...

...
В политических оргазмах,
В сатирических маразмах –
Жизнь властей беспутная,
Лживая и мутная...

...
Легко быть богом –
У язычников,
Среди безбожников –
Опричников...

...
Там, где полное согласие –
Резкий запах диктатуры...
Рукоплещет льстиво нация,
Под присмотром синекуры...

...
Правят миром интраверты,
Бурной жизнью - наслаждаются...
Неприметно - экстраверты -
Курс меняют, усмеваются...

...
Партийная пресса?
Ну, что за ересь!
Нельзя продаваться
Даже за херес...

...
О роли мирового лидера –
Мир слышал от Адольфа Гитлера...
Давно врагов не побеждали,
Давно вождей драчливых ждали...
От всех проблем прикроет нас
Бес страшный – войсковой спецназ...

...
Я не умею воровать
И с честными глазами врать...
Но - вспоминаю о политике,
Когда бинтую крылья критике...

...
Все это было:
Книги на кострах,
Аристократы
На лесоповале...
О судьбах мира
Безотчетный страх,
Сердца любимых
На колючей стали...
Смертельно скудное
Питание,
Сибирью – перевоспитание...
Расстрел - «гнилых»
Интеллигентов, -
Маразмы - госэкспериментов...

...
Под напором «идейных» регрессий -
Возвращается время репрессий
За придуманные анекдоты...
Жгут поспешно - с «крамолой» блокноты...

...
Партийные скандалы –
Сиамских близнецов...
Семейные вокалы –
Партийных подлецов...

...
Чужие судьбы не жалеете.
Свои - за должности продали...
Мозгами думать не умеете,
Цвет глаз у Смерти - не видали?

...
Вы видите только бумажки...
А люди для вас - не букашки,
Не бабочки и не мошки:
От легкого завтрака - крошки...

...
Каждый опытный прохвост –
И шакал, и лисий хвост...

...
Вас сдует –
Ветром перемен,
Народ –
Поднимется с колен...

...
В умах дикарей –
Примитивная мистика...
В сердцах мудрецов
Дерзкий стяг - публицистика...

...
Стареют бодро ветераны
Докладов, митингов и шествий...
Уходят в мир иной тираны –
Без чрезвычайных происшествий...

...
В законы Божьи –
Царские указы
Совсем не вхожи,
Словно страх проказы...

...
Не нравятся тиранам
Мудрые советы...
Летят во мрак года,
И - властные портреты...

...
Легион врагов народа –
В верности стране клянется...
Скоро – капли кислорода
Молча покупать придется...

...
Поэты к звездам улетают,
А узурпаторы – к чертям
На сковородки попадают...
На ужин дьявольским гостям.

...
Мы будем равнодушно,
Тихо умирать
И властных мракобесов –
Молча проклинать...

Фантом «Богемы»

Провинциальная никчемность –
Страдает манией величия...
Внушительная эфемерность –
Симптом отсутствия «наличия»...

...
Медный грош
И – золотой червонец...
Разницу – заметит
И японец.

...
Литературное болото:
Гадюки, совы, кулики...
На гениев идет охота,-
Спасение – на дне реки...

...
Очарованные мудрой силой слова,
Графоманы страстно пишут снова:
Грустные свои воспоминания –
«Травкой» измененного сознания...

...
В лабиринтах проблем
Ирреального мира –
Нет пленительных тем...
Спит волшебная лира...

...
Провинциальная «элита»:
Спиртное - по телам разлито,
Сознание вдребезги разбито,
И время – намертво убито...

...
На захолустных ярмарках тщеславия,
В лучах ожесточенного бесславия –
Блистают «откровенья» благодарностей,
В почетных состязаниях бездарностей...

...
Бритые и волосатые,
Плосколицы, носатые –
Все хотят поймать удачу,
Счастье получить на сдачу...

...
Сколько их, успешных и богатых,
Ловеласов ловких и рогатых,
Бьются лбом об истину святую,
Вместо точки - ставят запятую...

...

Язык до дыр
О микрофон протер
Бермудский
Местный треугольник:
Мозгов
Публичный гвоздодер,
Интимных игр –
Многоугольник...

...

Для себя - играют,
Для себя - поют...
Всех - в себя влюбляют,-
Счастья – не дают...

...

Всю жизнь,
По бардовски - пропели...
Не повзрослели...
Постарели...

...

Ритм бессмысленных фонем –
Ублажает уши клонам...
Но Пегас – и глух, и нем
К артистично нервным стонам...

...

Душесипательные песни,
Блестящие от слез глаза...
Очнитесь, мир от песен - тесен...
Смеется неба бирюза...

...

Ваш символизм бессмысленный –
Рождает эпатаж...
Где жизни взгляд осмысленный? -
Сплошной смешной кураж...

...

Прекрасно, совершенно, филигранно...
Изысканно, гламурно, многогранно...
Но - для чего вы это сочинили?
К чему - так много меда и ванили?

...

Эпидемическая эго-графомания:
Весьма распространенная зараза...
В золу иллюзии - увядшие «страдания»
Сливает вычурно запутанная фраза...

...
Акулы пера –
Бороздят мелководье,
Мальков бесполовых
«Шерстят» в половодье...

...
Иуд искаротских
Полным полна страна...
Их сладкими устами -
Глаголет сатана...

...
Разрушительная сила
Безрассудно злобных строк -
Всех подряд вокруг скосила...
Мудрых знаний свет – не впрок...

...
В косяках и «рыб», и «птиц» –
Множество знакомых лиц...
Льстят в глаза и улыбаются,
В спину – ложь воткнуть стараются...

...
Чужие мысли - четвертуют...
Чужие тексты - жизнь воруют...
Чужие чувства – привлекают -
От личной жизни - отвлекают...

...
Отгородился изгородью слов -
От любопытных, каверзных ослов...
На дирижабле тайных, бесшабашных снов –
Скрываюсь в грешном мире
Нравственных основ...

Хроники, юбилеи, события

В 1919 году в столице нашей области по улице имени Гончарова, 9/16, в здании нынешнего центрального почтамта был открыт Симбирский пролетарский университет. Позднее здесь же разместились редакции газет «Пролетарский путь» и «Красная жатва».

65 лет назад, в 1944 году в Мелекесе был открыт драматический театр. В его репертуаре с первых дней заняли почетное место лучшие произведения советской драматургии. Успех сопутствовал постановкам «Русского вопроса» К.Симонова, «Любови Яровой» К.Тренева, «Славе» В.Гусева, «В одном городе» А.Софронова, «За борьбу за миром» В.Собко, «Нашествию» Л.Леонова, «Женихам» Токаева. Русская классика представлялась на мелекесской сцене «Последней жертвой», «Талантами и поклонниками», «Доходным местом» А.Островского, «Вассой Железновой» А.Горького.

Уже в 1951 году театр и его актеры показали 11 новых спектаклей, а с 1944 года было сыграно более 2000 спектаклей, которые посмотрело более 750000 зрителей...

В декабре 1950 года вышел в свет очередной, 4-й номер альманаха «Литературный Ульяновск». В этом издании мелекесских литераторов своим стихотворением «На борьбу за мир» представлял ныне известный российский автор, член Союза писателей России Евгений Ларин.

Сегодня при поддержке губернатора Ульяновской области возобновлен выпуск ежеквартального журнала писателей «Литературный Ульяновск». В новом номере его димитровградская литература представлена писателями А.Никоновым, А.Беловой, Н.Алиевой и А. Осиповым.

За этот год димитровградские писатели и литераторы порадовали своих читателей новыми произведениями. В свет вышла книга детских стихов Александры Беловой «Летом грядки и цветы, а зимою санки».

Книга стихов Марины Панкратовой «Вдоль ветра» озаглавила собой новый этап в творчестве поэтессы. У Александра Никонова две новинки - это книга «Я с тобой, Вэрк», выпущенная ООО «Регион-Инвестом» и повесть на военно-приключенческую тематику - «Побег», выпущенная издательской группой «Артишок».

Объемная и рубежная книга лирики «...» патриарха димитровградских писателей Евгения Ларина издана местной фирмой «Юни-Пресс».

195 лет исполнилось со дня рождения нашего земляка Владимира Соллогуба.

175 лет назад родился писатель-народоволец Николай Шелгунов.

125 лет сегодня исполнилось бы русскому писателю Алексею Толстому и чешскому прозаику Ярославу Гашеку. Их имена тоже связаны с историей Мелекесса.

115 лет исполнилось бы и димитровградской жительнице, первой чувашской женщине-поэтессе Вассе Анисси.

85-летие отметил член Союза писателей России, димитровградский романист, участник Второй мировой войны Дмитрий Смольников.

80-летний юбилей у краеведа Геннадия Комарова.

70-летие у краеведа, баснописца и переводчика Виктора Сысуева и литератора Леонида Артамонова.

60 лет исполнилось члену Союза писателей России, димитровградскому прозаику Александру Никонову.

Юбилейную дату отметил бы талантливый писатель: поэт, прозаик, песенник Вячеслав Первушин, трагически погибший на боевом посту.

Юбилей отметили литераторы Павел Слюняев и наши вечно молодые красавицы-поэтессы Марина Панкратова и Виктория Куликова.

Редакция альманаха присоединяется ко всем поздравлениям, звучащим в адрес наших авторов и желает счастья.

90 лет назад в Мелекесс прибыл первый редактор местной уездной газеты Николай Кочкуров. Много добрых и памятных дел совершил он в нашем городке, чем и снискал уважение наших земляков. А сам юный большевик и политический деятель именно в Мелекессе начал свой литературный путь, здесь сформировался будущий известный советский писатель Артем ВЕСЕЛЫЙ.

85 лет назад скончались наши земляки, писатели Александр Неверов и Ярослав Гашек.

55 лет назад скончался известный карело-финский поэт Тобиас Гуттари (Ледхело), во Вторую мировую войну работавший в мелекесской городской газете. Тридцатая дата со дня памяти отмечается и у мелекесского прозаика, фронтовика Сергея Кузмина.

Мы помним Вас поименно, друзья!

Геннадий Генераленко «В жизни всегда...»

Геннадий Генераленко «Поэт и муза»

Об авторах

ГОРДЕЕВ Валерий

Член Союза писателей России, автор многих книг, поэт, публицист, переводчик.

Григорьев Олег. Поэт. Работает в НИИАРе. Автор книги стихов «Я и ТЫ».

ЗИНОВЬЕВ Владимир

Член ДПО. Владеет редким жанром «гномов» - четверостиший. Поэт, публицист, фотохудожник.

КОРОБКОВ Василий

Член Союза писателей России. Автор многих книг. Ныне живет в Подмоскovie. В Димитровграде готовится к выходу новая книга стихов «Таинственная лестница».

МАНУХИН Валентин

Член Союза писателей России. Поэт, автор трех книг.

НИКОНОВ Александр

Член Союза писателей России. Прозаик, сказочник, фантаст. Лауреат литературных премий.

ОСИПОВ Александр

Член Союза писателей России. Поэт, прозаик. Автор нескольких книг и публикаций в Москве.

ПАРФЕНОВА Елизавета

Старейший литератор Димитровграда. Член ДПО. Пишет рассказы, стихи, детские произведения.

СЫСУЕВ Виктор

Член ДПО. Прозаик, поэт, баснописец, переводчик. Владеет несколькими языками. Автор книг по краеведению. Профессионально переложил в новой редакции «Слово о полку Игореве».

СОДЕРЖАНИЕ:

«СОСТОЯВШЕЕСЯ СВИДАНИЕ»	
Обращение редакции к читателям -----	3
«Есть городкая Дума. Будет чем думать?»	
Поздравление -----	5
КРАЕВЕДЕНИЕ	
В.Домбровский «ФСБ от Ивана III» -----	7
В.Гордеев. «Обиженные герои. Кто их обидел?» -----	17
«Генерал Андрей Власов и его «власовцы» - наши земляки - предатели или...»	
Краеведческие очерки -----	22
В.Сысуев. «Предтеча» Заметки краеведа -----	34
ПОЭЗИЯ	
В.Манухин. «В стране богатой - люди нищие!»	
Цикл стихотворений -----	41
О.Григорьев. Поэтический дебют -----	50
Е.Парфенова. Стихи в «Детском уголке» -----	66
ПРОЗА	
А.Осипов. «Дидактика». Рассказ -----	69
А.Никонов. «Ковчег острова Альмендралехо».	
Приключенческий, научно-фантастический роман -----	75
В.Коробков. «Литераторы».	
Роман на местные мотивы -----	137
САТИРИКОН	
«Ядовитые строки» В.Зиновьева -----	148
ХРОНИКИ. ЮБИЛЕИ. СОБЫТИЯ -----	155
Об авторах -----	159